

ISSN 2413-8584

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

---

e-mail: epb@asu.ru сайт: <http://journal.asu.ru> 2022. № 2

ECONOMICS PROFESSION BUSINESS

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Научный рецензируемый журнал. Издается с 2014 г. Выпускается 4 раза в год

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

В. В. Мищенко, доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет

Е. А. Ан, д-р экон. наук (г. Алматы, Казахстан);
А. М. Асалиев, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
П. А. Ореховский, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
Ю. В. Рагулина, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
В. И. Суслов, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
(г. Новосибирск);
Сюй Линьши, д-р экон. наук, проф. (г. Харбин, Китай);
В. И. Тинякова, д-р экон. наук, проф. (г. Москва).

Редакционная коллегия

В. И. Беляев, д-р экон. наук, проф.;
С. Н. Бочаров, д-р экон. наук, проф.;
И. Н. Дубина, д-р экон. наук, проф.;
С. В. Лобова, д-р экон. наук, проф.;
С. И. Межов, д-р экон. наук, проф.;
В. Л. Татаринцев, д-р сельскохозяйств. наук, проф.;
Е. Е. Шваков, д-р экон. наук, проф.

ISSN 2413-8584

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77–77154 от 10 декабря 2019.

Индекс в каталоге российской прессы «Почта России» — **П 2848**. Индекс в каталоге Урал-Пресс — **ВН018442**. Цена свободная.

Журнал «Экономика Профессия Бизнес» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктор и кандидат наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу: <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Все права защищены. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Founder

Federal state budgetary educational institution of higher education “Altai State University”

Editor-in-Chief

V. V. Mishchenko, Prof.

Editorial Council

E. A. An, Prof. (Almaty, Kazakhstan);
A. M. Asaliyev, Prof. (Moscow);
P. A. Orehovskii, Prof. (Moscow);
Yu. V. Ragulina, Prof. (Moscow);
V. I. Suslov, Prof., Corresponding member of RAS (Novosibirsk);
Sui Linshi, Prof. (Harbin, China);
V. I. Tinyakova, Prof. (Moscow).

Editorial Board

V. I. Belyaev, Prof.;
S. N. Bocharov, Prof.;
I. N. Dubina, Prof.;
S. V. Lobova, Prof.;
S. I. Mezhev, Prof.;
V. L. Tatarintsev, Prof.;
E. E. Shvakov, Prof.

The journal is registered in the Federal Service for supervision of communications, information technology and mass media. The Certificate of Registration PI № FS 77–77154 issued on December 10, 2019.

The journal “Economics Profession Business” is included in the “List of Russian peer-reviewed scientific journals recommended by the higher attestation Commission of the Ministry of science and higher education of the Russian Federation for the publication the main scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Sciences in the specialty 08.00.05 — Economics and National Management of People Economy.

The articles published in the journal are included in the Russian Science Citation Index, available at the Internet address <http://www.elibrary.ru> (Scientific Electronic Library)

All rights reserved. Reference to the journal is required when using any part of the content.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Асканова О. В.</i> Депопуляция населения Сибири в свете расселенческой проблемы России	5
<i>Беляев В. И., Пяткова О. Н.</i> Маркетинг как функция управления бизнесом в контексте философии утилитаризма и аксиологии.....	15
<i>Бутакова М. М., Соколова О. Н.</i> Экспорт продукции Алтайского края как составляющая имиджа региона	23
<i>Викторова Н. Г., Евстигнеев Е. Н.</i> Налоговая экосистема как элемент цифровой экономики: системно-интегральный подход к построению	28
<i>Ильиных Ю. М., Козлова Ж. М.</i> Анализ бедности населения в Алтайском крае	34
<i>Корецкая-Гармаш В. А.</i> Регионы России как центры притяжения субъектов малого предпринимательства	40
<i>Королева Е. Н., Мищенко Вал. В., Королева О. Н., Сперанская Н. Ю.</i> Особенности управления аварийным жилищным фондом на территории Алтайского края как фактор благоустройства городов и комфортности проживания населения.....	49
<i>Межов И. С., Яценко А. В.</i> Фактор платежа за мощность в электроэнергетике: плюсы и минусы для экономики.....	57
<i>Мищенко В. В., Капустян Л. А., Стрижкина И. В.</i> О некоторых аспектах цифровой трансформации в управлении городским хозяйством.....	64
<i>Покровская Н. В., Теляк О. А.</i> Влияние доверия на отношение к налоговой дисциплине в контексте развития экономики в странах союзного государства	70
<i>Пугачев А. А.</i> Трансформация имущественного налогообложения граждан как инструмент сокращения монетарного неравенства	78
<i>Соколов А. В., Бажанов В. А.</i> Машиностроение Азиатской части России: состояние, перспективы	86
<i>Рябова Т. Ф., Сурай Н. М.</i> Качество жизни населения России: состояние, проблемы, перспективы.....	98
<i>Семиколенова М. Н., Семина Л. А., Землякова С. Н.</i> Управление рисками в сельском хозяйстве: учетно-аналитический аспект	107
<i>Троцковский А. Я., Каплинская И. Е., Родионова Л. В.</i> Понятие и подходы к исследованию интеграции территориальных социально-экономических систем: к постановке вопроса.....	114
<i>Чернышева О. Г.</i> Инструментарий контроллинга контрагентов в системе управления промышленной организацией.....	126
<i>Шевчук Н. А., Кудинова М. Г.</i> Оценка уровня жизни населения Алтайского края на основе анализа реальной потребительской корзины и источников ее формирования	131
Наши авторы	142
Правила представления статей в научный журнал «Экономика Профессия Бизнес».....	144

CONTENTS

<i>Askanova O. V.</i> Depopulation of the Population of Siberia From in the Light of the Resettlement Problem in Russia.....	5
<i>Belyaev V. I., Pyatkova O. N.</i> Marketing as a Function of Business Management in the Context of Philosophy of Utilitarianism and Axiology	15
<i>Butakova M. M., Sokolova O. N.</i> Export of Altai Products as a Component of the Region's Image	23
<i>Viktorova N. G., Evstigneev E. N.</i> Tax Ecosystem as a Digital Economy Element: a System-Integral Approach to Construction	28
<i>Ilinykh Y. M., Kozlova Z. M.</i> Poverty Analysis of the Population in Altai Krai	34
<i>Koretskaia-Garmash V. A.</i> Regions of Russia as Centers of Gravitory for Small and Medium-Sitez Businesses (Organizations) Cendez Special Tax Regions.....	40
<i>Koroleva E. N., Mishchenko Val. V., Koroleva O. N., Speranskaya N. Y.</i> Features of Emergency Housing Stock Management in the Altai Territory as a Factor of Urban Improvement and Comfort of Living of the Population.....	49
<i>Mezhov I. S., Yashchenko A. V.</i> Payment Factor for Power in the Power Industry: Pluses and Minuses for the Economy	57
<i>Mishchenko V. V., Kapustyan L. A., Strizshkina I. V.</i> On Some Aspects of Digital Transformation in Urban Management.....	64
<i>Pokrovskaya N. V., Telyak O. A.</i> The Influence of Trust on the Attitude to Tax Discipline in the Context of Economic Development in the Countries of the Union State.....	70
<i>Pugachev A. A.</i> Transformation of Property Taxation as Tool to Reduce the Monetary Inequality of Citireus	78
<i>Sokolov A. V., Bazhanov V. A.</i> Mechanical Engineering of the Asian Part of Russia: State, Prospects.....	86
<i>Ryabova T. F., Suray N. M.</i> Quality of Life of Populatim of Russia: State, Problem, Prospects	98
<i>Semikolenova M. N., Semina L. A., Zemlyakova S. N.</i> Risk Management in Agriculture: Accounting and Analytical Aspect	107
<i>Trotsky A. Ya., Kaplinskaya I. Ye., Rodionova L. V.</i> The Concept and Approaches to the Study of Integration of Territorial Socio-Economic Systems: to the Formulation of the Issue	114
<i>Chernysheva O. G.</i> Tools For Controlling Contractors in the Management System of an Industrial Organization	126
<i>Shevchuk N. A., Kudinova M. G.</i> Assessment of the Standard of Living of the Population of the Altai Region Based on the Analysis of the Consumer Basket	131
Our Authors	142
Article Submission Guidelines for "Economics Profession Business"	144

ДЕПОПУЛЯЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В СВЕТЕ РАССЕЛЕНЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

О. В. Асканова

Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Рубцовск, Россия)

Понимание остроты проблемы депопуляции Сибири побудило автора к исследованию сложившейся демографической ситуации в СФО и обусловивших ее детерминант. Результаты сравнительного анализа статистической информации по отдельным регионам Сибирского федерального округа позволяют говорить о так называемом «западном дрейфе», итогом которого является стягивание населения страны в центральную часть России, что обостряет расселенческую проблему. Динамика демографических процессов в Сибири характеризуется значимой убылью населения и увеличением демографической нагрузки, что выступает серьезным ограничителем потенциала воспроизводства населения Сибирского региона в будущем, способствуя социально-экономическому застою. Четко осознавая, что причины убыли населения СФО лежат сугубо в социально-экономической плоскости, автор делает упор на изучение динамики соотношения денежных доходов и заработной платы сибирских регионов со среднероссийскими, показывая, что существующие долгие годы диспропорции не только не сокращаются, а нарастают. В качестве одной из причин сложившейся ситуации автор указывает на полярность точек зрения у представителей российской властной элиты на проблему расселения.

Ключевые слова: пространственное развитие, расселение, естественная убыль, депопуляция, миграционное движение, денежные доходы, уровень занятости, социально-экономическое развитие.

DEPOPULATION OF THE POPULATION OF SIBERIA IN THE LIGHT OF THE RESETTLEMENT PROBLEM IN RUSSIA

O. V. Askanova

Rubtsovsk Industrial Institute (branch) of Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk, Russia)

Understanding the problem of depopulation in Siberia prompted the author to study the current demographic situation in the Siberian Federal District and the factors that determined it. The comparative analysis results of statistical information for individual regions of the Siberian Federal District allow us to speak of the so-called «Western drift», the result of which is the pulling of the country's population to the central part of Russia, which exacerbates the resettlement problem. The dynamics of demographic processes in Siberia is characterized by a significant decline of the population and an increase in the demographic burden, which acts as a serious limiter on the potential for the reproduction of the population in Siberian region in future, contributing to socio-economic stagnation. Clearly realizing that the reasons for the population decline in Siberian Federal District depend on the socio-economic situation, the author focuses on studying the dynamics of the ratio of cash income and wages in the Siberian regions with the average Russian ones, showing that the disproportions that have existed for many years are not decreasing, but growing. As one of the reasons for the current situation the author considers the polarity of views of Russian power elite representatives on the resettlement problem.

Keywords: territorial development, resettlement, population decline, depopulation, migration movement, cash income, employment rate, socio-economic development.

Введение. Процессы последних десятилетий в области демографии и расселения России демонстрируют ярко выраженный тренд по стягиванию населения страны в несколько крупных агломерационных точек. Это создает серьезную угрозу опустынивания многих российских территорий, имеющих стратегическое значение с геоэкономической и геополитической точек зрения.

Сегодня наиболее актуальна расселенческая проблематика, сопряженная с проблемой пространственной асимметрии, стоит перед обширным регионом страны — Сибирью. Исследованию сложившихся социально-демографических и институциональных механизмов, приведших к постепенному опустению многих сибирских территорий, посвящены работы многих ученых. И именно из понимания опасности указанной проблемы проистекает озвученное в 2021 г. предложение министра обороны Российской Федерации С. К. Шойгу [1] построить в Сибири пять новых современных городов с населением до миллиона человек, которые стали бы промышленными и научно-исследовательскими центрами, притягивающими жителей России, бывших соотечественников из СНГ и дальнего зарубежья. По мнению министра, разделяемому многими специалистами в области демографии и экономической географии, реализация такого решения позволит изменить вектор и дать новый импульс пространственному развитию страны, уменьшив диспропорции между ее западной и восточной частями.

Придерживаясь позиции, что рациональное расселение во многом можно рассматривать в качестве действенного механизма развития страны, считаем целесообразным в рамках данной работы исследовать сложившуюся демографическую ситуацию в сибирской части России и детерминанты, ее обусловившие.

Отметим, что единого понимания того, что именно территориально относится к Сибири, среди ученого сообщества по сей день не существует.

Географы, историки, политики и юристы по-разному определяют восточные границы Сибири: одни очерчивают их по азиатскому водоразделу Северного Ледовитого и Тихого океанов, другие относят к Сибири территории Дальнего Востока [2]. Не вступая в полемику с аргументацией разных сторон, в рамках настоящего исследования понятие «Сибирь» отождествляем с территорией Сибирского федерального округа (СФО) в его настоящих границах.

Методологическая и эмпирическая база работы строится на основе синтеза исследований автора, связанных с анализом проблем межрегиональной дифференциации и убыли населения сибирских регионов [3, 4, 5 и др.]. Для достижения цели работы использованы принципы формализации и ограничения многообразия исследуемых задач, специальные методы сравнительного и статистического анализа, а также графической интерпретации информации об изучаемом явлении. В качестве информационного обеспечения исследования выступают исключительно официальные данные Федеральной службы государственной статистики РФ [6].

Результаты исследования. Рассматривая современный Сибирский федеральный округ в его настоящих границах, отметим, что он включает 10 субъектов федерации, которые занимают в совокупности более четверти территории страны. Это обеспечивает СФО второе место по размеру территории среди восьми федеральных округов, причем больше половины (54%) территории приходится на Красноярский край.

Исследуя рейтинг СФО и входящих в него регионов по основным социально-экономическим параметрам, приходится констатировать, что несмотря на его центральное с точки зрения географии положение, он во многом является периферией. Ниже в таблице 1 показано место, которое занимают составляющие СФО субъекты на фоне общероссийских показателей.

Таблица 1

Место, занимаемое субъектами СФО в РФ по основным показателям в 2020 г.

Субъект	Численность населения на 1 января 2021 г.	Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ на душу населения	Валовой региональный продукт на душу населения	Среднедушевые денежные доходы (в месяц)	Среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций	Уровень занятости
Сибирский федеральный округ	3	6	-	7	5	7
Республика Алтай	81	64	76	78	52	74
Республика Тыва	78	80	80	83	26	82
Республика Хакасия	72	57	39	74	28	76
Алтайский край	22	63	75	73	80	68

Окончание таблицы 1

Субъект	Численность населения на 1 января 2021 г.	Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ на душу населения	Валовой региональный продукт на душу населения	Среднедушевые денежные доходы (в месяц)	Среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций	Уровень занятости
Красноярский край	13	8	10	24	14	27
Иркутская область	20	17	18	49	20	52
Кемеровская область	16	61	47	62	29	64
Новосибирская область	15	35	35	29	34	41
Омская область	24	29	48	50	42	28
Томская область	48	20	23	42	21	56

Располагая богатым ресурсным потенциалом, СФО имеет относительно низкие, не соответствующие его возможностям социально-экономические характеристики. Так, занимая второе место в России по размеру территории и третье по численности населения, Сибирь находится на предпоследнем месте среди федеральных округов по среднедушевым денежным доходам и уровню занятости населения.

Такая ситуация провоцирует сокращение численности населения Сибирского федерального округа, вынуждая людей мигрировать в западную часть страны. Общие потери населения СФО в его настоящих границах в сравнении с 1990 г. составили более 9% (почти 1,8 млн человек). На рисунке 1 показана динамика суммарной численности населения регионов, составляющих сегодня СФО.

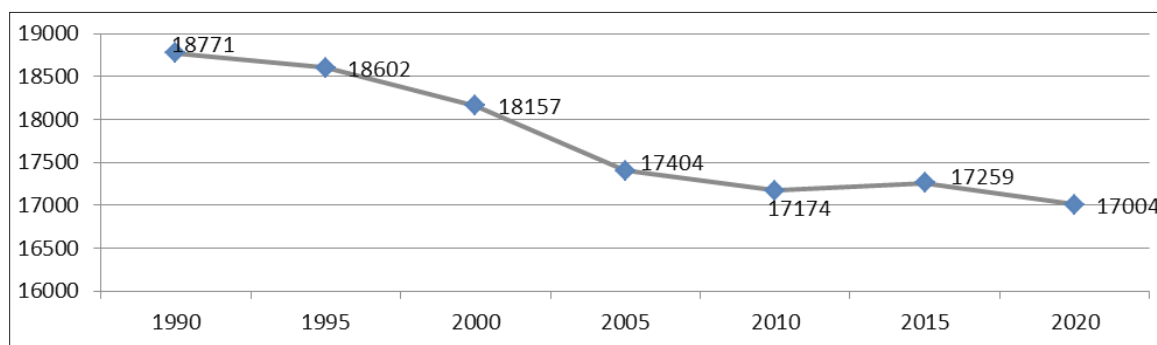

Рис. 1. Изменение совокупной численности населения территорий, входящих в СФО, тыс. чел.

Таблица 2

Изменение численности населения, % к уровню 1990 г.

Субъект	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Республика Алтай	2,04	3,57	3,06	5,61	9,69	12,76
Республика Тыва	0,33	0,66	-0,33	1,32	3,95	8,55
Республика Хакасия	-0,35	-3,15	-6,64	-6,99	-6,12	-6,99
Алтайский край	1,28	-0,49	-5,69	-8,93	-10,44	-13,49
Красноярский край	-1,99	-5,12	-9,29	-10,56	-9,39	-9,71
Иркутская область	-2,5	-6,22	-10,9	-13,19	-13,73	-15,09
Кемеровская область	-1,71	-5,1	-9,51	-10,96	-12,35	-15,06
Новосибирская область	-0,44	-1,09	-3,28	-2,88	0,62	1,49
Омская область	0,05	-2,04	-6,71	-8,51	-8,47	-11,89
Томская область	-0,83	-2,23	-5,01	-2,69	-0,09	-0,74
Сибирский федеральный округ	-0,9	-3,27	-7,28	-8,51	-8,05	-9,41

Источник: рассчитано по [6].

Стоит отметить, что в разных регионах, которые в настоящее время входят в СФО, динамика численности населения характеризуется разной интенсивностью, а иногда и направленностью (табл. 2).

Наибольшие потери в населении (более 15%) с 1990 г. имеют Иркутская и Кемеровская области. Алтайский край, увеличив немного число проживающих к 1995 г. за счет миграции бывших соотечественников из Республики Казахстан, в последующие годы испытывал непрерывное сжатие населения, потеряв в итоге почти 360 тыс. человек (13,5%). Только три из десяти регионов Сибири — Новосибирская область, Республика Алтай и Республика Тыва — в 2020 г. имели численность населения выше 1990 г. Однако превышение в Новосибирской области составило лишь символиче-

ские 1,5% (41 тыс. человек), в Республиках Алтай и Тыва, несмотря на довольно впечатляющие относительные темпы прироста (12,8 и 8,6% соответственно), ввиду эффекта низкой базы абсолютный прирост составил в совокупности по двум субъектам лишь 51 тыс. человек.

Как известно, динамика населения складывается под воздействием миграционных и естественных (соотношение рождаемости и смертности) процессов. Если рассматривать миграционные процессы, то формирующаяся уже длительное время тревожная тенденция переселения из Сибири в другие регионы страны не может не вызывать беспокойство. На фоне положительного сальдо миграции по России в целом, СФО на протяжении XXI века имеет отрицательные значения коэффициентов миграционного прироста (табл. 3).

Таблица 3

Коэффициенты миграционного прироста (на 10000 человек населения)

Территория	2005	2010	2015	2020
Российская Федерация	20	19	17	9
Сибирский федеральный округ	-42	-16	-1	-16
Республика Алтай	-49	-28	-10	15
Республика Тыва	-93	-126	-76	-18
Республика Хакасия	-17	-21	6	-2
Алтайский край	-78	-33	-19	-11
Красноярский край	-64	-15	10	5
Иркутская область	-76	-59	-25	-31
Кемеровская область	-17	-13	-7	-15
Новосибирская область	12	26	45	6
Омская область	-37	-31	-9	-57
Томская область	-17	75	1	-42

Хотя представленные в таблице данные и свидетельствуют о сокращении миграционной убыли по Сибири в целом в 2020 г. в сравнении с 2005 г., когда ее уровень имел угрожающие масштабы, однако до стабилизации миграционной ситуации еще крайне далеко. Тем более что наметившаяся к 2015 г. тенденция на снижение миграционной убыли населения СФО к 2020 г. была нивелирована.

Только три региона Сибири — Республика Алтай, Красноярский край и Новосибирская область — в 2020 г. имели миграционный прирост. И только для Новосибирской области положительный миграционный баланс является устойчивой ситуацией на протяжении всех лет, результатом чего стал и общий прирост численности населения этого Сибирского региона (табл. 2). Если говорить о географии выбывающих из регионов СФО, то в разные годы от 50 до 60% перемещались вну-

три СФО, 34–40% — за пределы СФО, от 2 до 12% — за пределы России.

Естественное движение населения СФО также характеризуется негативными процессами. К сожалению, для Сибири, как и России в целом, присуще доминирование уровня смертности над рождаемостью. Однако глубина проблемы естественной убыли для Сибири по итогам 2020 г. существеннее, чем для России в целом (рис. 2).

Если в 2005 и 2010 гг. относительная естественная убыль в России превышала аналогичный показатель СФО (а в 2015 г. в Сибири даже наблюдался естественный прирост населения на уровне выше показателя по России в целом), то по итогам 2020 г. ситуация кардинально изменилась: в СФО разрыв между родившимися и умершими стал существенно общероссийского показателя. Такая ситуация обусловлена более высокой общей смертностью в сибирских регионах (рис. 3). Но что го-

раздо хуже, СФО превосходит среднероссийские показатели не только по общему уровню смертности, но и смертности населения в трудоспособном возрасте. Так, если число умерших в трудоспособном воз-

расте на 100 000 человек соответствующего возраста в целом по России в 2020 г. составляло 548,2 чел., то по СФО — 639,8 чел., по Иркутской области — 727,9 чел., Кемеровской области — 745,6 чел.

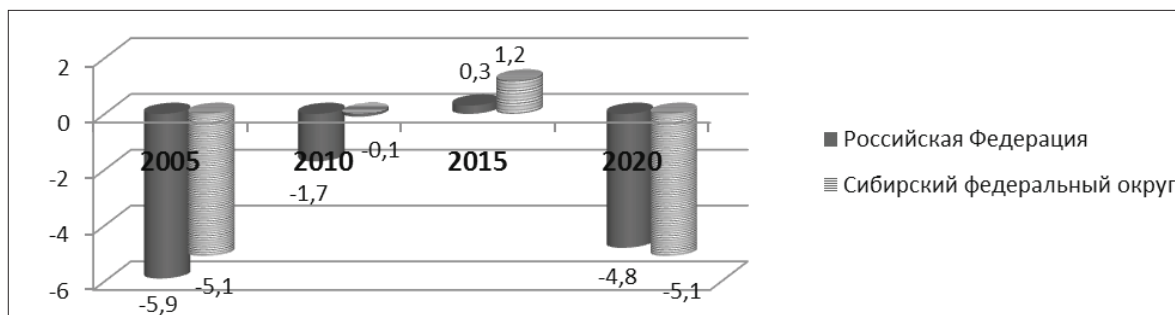

Рис. 2. Коэффициенты естественного прироста (на 1000 человек населения) в СФО и РФ

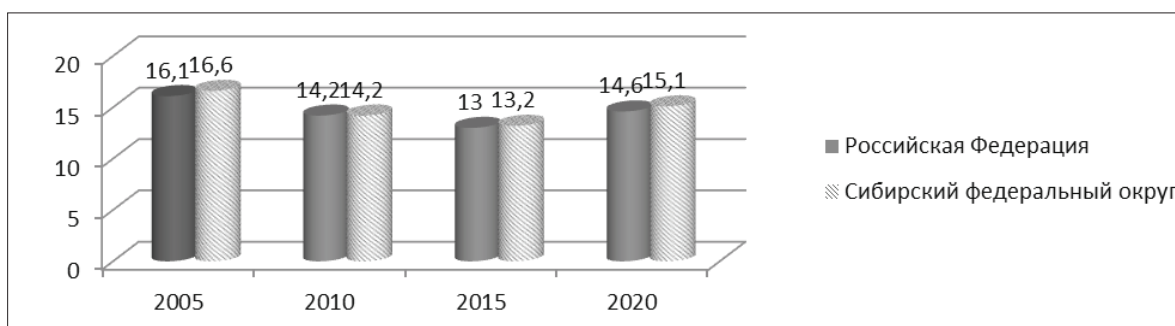

Рис. 3. Общие коэффициенты смертности (число умерших на 1000 человек населения) в СФО и РФ

Анализируя общую смертность, можно констатировать, что в 2020 г. в шести сибирских регионах — Республиках Алтай, Тыва, Хакасия, Красноярском крае, Иркутской и Томской областях — общие коэффициенты смертности были ниже среднероссийского показателя. При этом если первые два из перечисленных регионов в 2020 г.

имели естественный прирост населения, то во всех остальных субъектах СФО смертность превышала рождаемость (рис. 4). В четырех регионах (Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская и Омская области) относительная естественная убыль была выше средней по России.

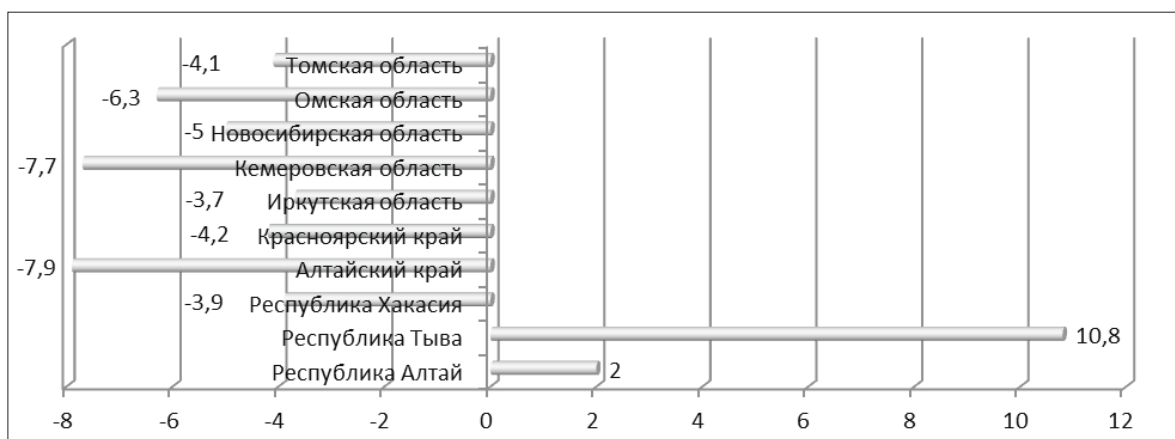

Рис. 4. Коэффициенты естественного прироста (на 1000 человек населения) в регионах СФО в 2020 г.

Таким образом, можно говорить об острейшем кризисе в демографической ситуации СФО. Проблема естественной убыли, актуальная и для всей России, в Сибири усугубляется оттоком населения в результате межрегиональной миграции, который в большинстве сибирских регионов не покрывается имеющим место в отдельные периоды миграционным притоком, обусловленным обменом с другими регионами России и зарубежными странами. Все указанное выше, в конечном счете, ведет к превращению отдельных сибирских территорий в безлюдные и малозаселенные места. Следствием указанной динамики демографических процессов является не только убыль трудоспособного населения и увеличение демографической нагрузки (которая выше среднероссийских показателей), но и ограничение потенциала воспроизводства населения Сибири в будущем из-за сокращения численности представителей младших репродуктивных возрастов по причине их высокой мигра-

ционной активности. Учитывая, что такая ситуация складывается не первый год, можно говорить о стойкой тенденции, сохранение которой делает неизбежной перспективу депопуляции Сибири. Поэтому далее считаем необходимым подробнее остановиться на основных детерминантах сложившейся демографической ситуации в сибирской части страны.

Как уже отмечалось, причины оттока населения из сибирских регионов в другие части РФ лежат сугубо в социально-экономической плоскости (табл. 1). Ключевыми же факторами, вынуждающими людей покидать пределы СФО, перебираясь в регионы с более высокими социально-экономическими характеристиками, безусловно, является низкий уровень доходов и заработной платы в Сибири и сравнительно высокий уровень безработицы, в том числе застойной. В таблице 4 представлено соотношение среднедушевых денежных доходов в сибирских регионах и России в целом.

Таблица 4

Отношение среднедушевых денежных доходов населения субъекта к среднероссийскому показателю, %

Показатель	2005	2010	2015	2020
Сибирский федеральный округ	83,2	79,2	77,8	77,5
Республика Алтай	54,2	71,4	59,1	60,1
Республика Тыва	51,5	53,6	51,5	52,6
Республика Хакасия	64	67,5	63,2	66,1
Алтайский край	57,4	58,2	68,9	66,2
Красноярский край	96,3	96,3	89,4	91
Иркутская область	88	79,7	71,9	76,4
Кемеровская область	97,5	80,9	72,3	70,5
Новосибирская область	82,1	85,9	84,4	87,5
Омская область	86,2	80,2	83,6	75,8
Томская область	100,7	79,5	88,7	80

Источник: рассчитано по [6].

Из представленных данных нетрудно заметить, что в течение длительного времени среднедушевые денежные доходы в СФО не дотягивают до среднероссийских. При этом разрыв в доходах не только не сокращается, а нарастает. Если в 2005 г. доходы в Сибири в среднем на 17% отличались от российских, то в 2020 г. — уже почти на 23%.

Только у одного региона Сибири — Томской области — и только в 2005 г. уровень доходов соответствовал среднероссийскому. Во все остальные годы ни один субъект СФО не мог похвастаться доходами на уровне, сложившемся в среднем по России.

Наиболее близкие к российским доходы можно отметить по Красноярскому краю, самое существенное отставание в доходах у населения Республики Тыва (почти в два раза), Республик Алтай, Хакасия и Алтайского края (более чем на треть).

По размеру средней заработной платы ситуация хотя и выглядит немного лучше, но в динамике не может быть оценена как позитивная: если в 2005 г. размер среднемесячной номинальной заработной платы в СФО не дотягивал до среднероссийского уровня только на 5%, то в 2020 г. уже почти на 14% (табл. 5).

Таблица 5

Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы субъекта к среднероссийскому показателю, %

Регион	2005	2010	2015	2020
Сибирский федеральный округ	94,8	89,1	87	86,1
Республика Алтай	67	67,9	67,3	70,6
Республика Тыва	79,6	83,7	83,2	85,9
Республика Хакасия	90,8	87,6	88	85,3
Алтайский край	57,4	57,5	59	58,6
Красноярский край	122,8	111	106	106
Иркутская область	106,7	97,7	96,1	97,2
Кемеровская область	101,2	86	83,1	84,6
Новосибирская область	84,9	87	82,4	80,9
Омская область	83,3	79,7	80	73,7
Томская область	112,3	102,4	100	94,9

В четырех из десяти регионов Сибири в 2005 г. средняя заработная плата превышала аналогичный показатель в среднем по России. При этом в Красноярском крае отклонение было довольно ощутимым — 23%. К 2020 г. только указанный регион сохранил превышение средней заработной платы, но существенно сократил его до 6%. По Томской области в 2010 и 2015 гг. еще имело место соответствие средней заработной платы общероссийскому показателю, которое к 2020 г. было утрачено. Сле-

дует особо отметить Алтайский край как регион с самой низкой заработной платой в Сибири, которая более чем на 40% отличается от сложившегося по РФ среднего уровня.

Наиболее информативными являются обобщенные данные, отражающие произошедшие с 2005 г. изменения в соотношении важнейших социально-экономических показателей СФО со среднероссийскими, которые приведены в таблице 6.

Таблица 6

Изменение в соотношении уровня доходов и заработной платы по СФО

Показатель	2005	2010	2015	2020
Количество регионов СФО с доходами ниже среднероссийского уровня	9	10	10	10
из них				
с отклонением в пределах 5%	2	1	0	0
с отклонением свыше 40%	3	2	2	1
Количество регионов СФО с уровнем номинальной заработной платы ниже среднероссийского уровня	6	8	8	9
из них				
с отклонением в пределах 5%	0	1	1	1
с отклонением свыше 40%	1	1	1	1

Таблица 7

Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %

Регион	2005	2010	2015	2020
Российская Федерация	17,8	12,5	13,4	12,1
Республика Алтай	35,9	17,7	24,8	23,8
Республика Тыва	44,4	29,6	36,9	31,7
Республика Хакасия	26,9	18,4	19,2	18,5
Алтайский край	24,9	23,9	18,0	17,5
Красноярский край	21,4	17,9	18,9	17,0

Окончание таблицы 7

Иркутская область	21,3	18,1	20,7	17,6
Кемеровская область	12,8	11,0	15,7	13,2
Новосибирская область	21,9	16,3	17,3	13,8
Омская область	16,1	14,1	14,2	13,6
Томская область	16,4	17,4	14,9	14,4

Разумеется, что низкие доходы в регионах СФО обеспечивают более высокую долю малоимущего населения (табл. 7).

Как и в целом по РФ, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в регионах Сибири сокращается. Исключение здесь составляет разве что Кемеровская область, которая в 2005 и 2010 гг. имела меньшую в сравнении со среднероссийской долю малоимущего населения, но в последующие годы доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в этом регионе нарастала, превысив аналогичный показатель по России.

В 2020 г. уже все регионы СФО по доле малоимущего населения превосходили российский уровень. При этом в Республике Тыва почти треть населения можно отнести к категории малоимущих, в Республике Алтай — почти четверть, еще в четырех сибирских регионах — более 17%. В этой связи стоит заметить, что саму величину прожиточного минимума сложно считать достаточной для обеспечения нормального функционирования организма человека, сохранения его здоровья и удовлетворения основных социальных и культурных потребностей. Более того, в половине регионов СФО величина прожиточного минимума установлена ниже, чем по РФ в целом (рис. 5).

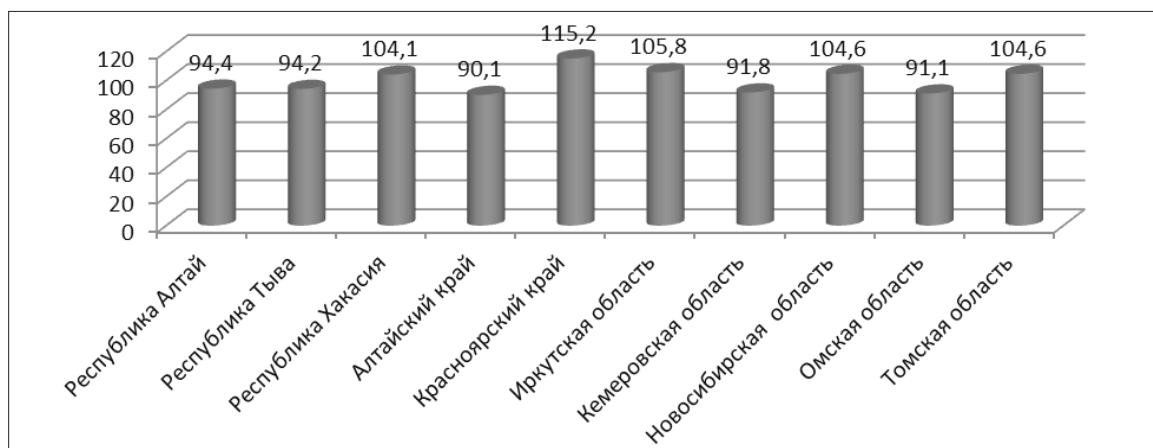

Рис. 5. Соотношение прожиточного минимума (установленного в 4 квартале 2020 г.) регионов СФО с РФ

Обсуждение. Таким образом, очевидно, что именно низкая заработная плата и низкий уровень жизни определяют процесс депопуляции Сибири, который в территориальном разрезе идет неравномерно. Ведущий научный сотрудник ИНСАП РАНХиГС Н. Мкртчян обозначает это явление как «западный дрейф», в результате которого население постепенно перетекает из восточных регионов страны в западные» [7].

Результатом такого давно оформившегося расселенческого тренда становятся разительные пространственные контрасты, когда степень населенности различных российских территорий отличается в разы. Например, плотность населения Центрального федерального округа на начало 2021 г. составляла 60,4 чел. на квадратный

километр, Южного федерального округа — 36,8 чел., а при этом Сибирского федерального округа — только 3,9 чел. на квадратный километр. Внутри же СФО есть регионы, характеризующиеся еще меньшей степенью населенности (Республика Тыва — 2 чел. на квадратный километр, Красноярский край — 1,2 чел., Республика Алтай — 2 чел., Иркутская область — 3,1 чел.).

Стоит отметить, что сложившаяся полярность в расселении на территории России не у всех представителей российского истеблишмента вызывает беспокойство. Напротив, заявления некоторых деятелей российской власти как раз демонстрируют их приверженность подобной стратегии сосредоточения населения, считающих именно ее правильной и рациональной. В частности, согласно

разрабатываемому при участии Минэкономразвития проекту, в России предполагается создать 20 крупнейших агломераций, которые бы выступали сильными игроками на мировой арене [8]. Этот проект вполне соотносится с заявлением мэра Москвы, который видит решение проблемы занятости в провинциальных небольших городах и на селе в развитии агломераций, считая «условно лишними» проживающих там 15 миллионов человек [9].

Радует, что на самом высоком уровне российской властной вертикали подобная позиция хотя и является широко растиражированной, но не единственной. И свидетельством тому служит озвученная министром обороны РФ идея о переносе столицы в Сибирь, что, по его мнению, могло бы остановить переток населения в Центральный федеральный округ [1]. Министр обороны — не единственный, кто в очередной раз и на самом высоком уровне поднимает расселенческую проблему. В конце 2020 г. спикер Госдумы РФ В.В. Володин призвал Правительство РФ дополнительно помочь

регионам, где отмечается наибольшая убыль населения [10].

Выводы. Резюмируя изложенное выше, отметим, что отсутствие единства точек зрения в высших эшелонах власти на проблему расселения, не позволяет выработать комплексную систему мер по преодолению характерной для РФ сверхконцентрации населения в крупных городах центральной части страны, сочетающейся с депопуляцией обширной сибирской периферии. Поэтому убыль населения Сибири (и, в первую очередь, активной его части) продолжает нарастать, способствуя дальнейшему социально-экономическому застою СФО, деградации его территорий. А поскольку речь идет о довольно длительном периоде и набрана серьезная инерция, то для изменения этого вектора требуются целенаправленные, титанические усилия по освоению сибирских территорий и повышению их привлекательности в большей части для молодого способного к деторождению поколения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шойгу предложил построить в Сибири города-миллионники и перенести столицу. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/08/2021/610c0dc49a79475818b2d7f0> (дата обращения: 12.01.2022).
2. Границы и география Сибири. URL: <http://сибирь-инфо.рф/content/19> (дата обращения: 20.01.2022).
3. Асканова О. В. Региональная дифференциация и стратегия пространственного развития России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 4 (часть 2) С. 157–165.
4. Асканова О. В. Социально-экономическое положение Алтайского края в свете проблем регионального неравенства // Проблемы и перспективы развития экономики и менеджмента в России и за рубежом: материалы двенадцатой международной научно-практической конференции. Рубцовск, 2020. С. 85–94.
5. Асканова О. В. Проблемы подготовки и закрепления управленческих кадров в Алтайском крае в условиях некомпенсируемой межрегиональной миграции // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров: материалы V Международного экономического форума / под ред. д. э.н. С. В. Лобовой, д. э.н. С. Н. Бочарова. Барнаул, 2018. С. 15–27.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006, 2016, 2021 // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20.12.2021).
7. Бедные вы, уйду я от вас. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4793401> <http://сибирь-инфо.рф/content/19> (дата обращения: 28.02.2022).
8. Кудрин: России необходимо создать 20 крупнейших агломераций. URL: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4308990> (дата обращения: 25.02.2022).
9. Собянин рассказал о 15 млн «лишних» россиян. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/11/2017/5a19830a9a7947c5662c64fc> (дата обращения: 02.03.2022).
10. Володин призвал кабмин поддержать регионы с высокой убылью населения. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9784167> (дата обращения: 12.02.2022).

REFERENCES

1. Shoigu suggested building million-plus cities in Siberia and relocating the capital. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/08/2021/610c0dc49a79475818b2d7f0> (date of access: 12.01.2022).
2. Borders and geography of Siberia. URL: <http://сибирь-инфо.рф/content/19> (date of access: 20.01.2022).

3. Askanova O. V. Regional differentiation and strategy of spatial development of Russia // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021. No. 4 (part 2). Pp. 157–165.
4. Askanova O. V. Socio-economic situation of the Altai Territory in the light of the problems of regional inequality // Problems and prospects for the development of economics and management in Russia and abroad: materials of the twelfth international scientific and practical conference. Rubtsovsk, 2020. Pp. 85–94.
5. Askanova O. V. Problems of training and retaining managerial personnel in the Altai Territory in conditions of uncompensated interregional migration // Economic development of the region: management, innovation, training: materials of the V International Economic Forum / ed. Dan. S. V. Lobovoy, Doctor of Economics S. N. Bocharov. Barnaul, 2018, Pp. 15–27.
6. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2006, 2016, 2021. Official website of the Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (date of access: 20.12.2021).
7. Poor you, I will leave you. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4793401> <http://сибирь-инфо.рф/content/19> (date of access: 28.02.2022).
8. Kudrin: Russia needs to create 20 largest agglomerations. URL: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4308990> (date of access: 25.02.2022).
9. Sobyenin told about 15 million «extra» Russians. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/11/2017/5a19830a9a7947c5662c64fc> (date of access: 02.03.2022).
10. Volodin urged the Cabinet of Ministers to support regions with a high population decline. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9784167> (date of access: 12.02.2022).

Поступила в редакцию: 14.03.2022.

Принята к печати: 01.04.2022.

МАРКЕТИНГ КАК ФУНКЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ БИЗНЕСОМ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ УТИЛИТАРИЗМА И АКСИОЛОГИИ

В. И. Беляев, О. Н. Пяткова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье предложена методика управления развитием потребительных свойств товара с использованием категорий полезности и ценности. Рассматривается содержание философии утилитаризма и аксиологии. Основные их положения предлагается использовать в основе функции маркетинга по развитию потребительных свойств товаров. Полезность, согласно теории утилитаризма, способна формировать такое общественное поведение, которое приводит к повышению уровня удовлетворенности обыденной жизнью основной массы потребителей. Ценность в обыденной жизни людей проявляется в стремлении индивидуумов и больших общественных групп к получению реальной количественной выгоды от потребления приобретаемых товаров. Полезность отдельных потребительных свойств, в конечном итоге, выражается в ценности всего изделия в целом, предназначенного для продажи. Обеспечение такого положения вещей в организации бизнеса — задача маркетинга. В ее решении и просматривается реальная содержательная связь философии утилитаризма и аксиологии с функциональными задачами маркетинга по развитию функциональных характеристик товара, которые в процессах купли-продажи воспринимаются покупателями как его потребительные свойства, по которым они и судят о ценности приобретения. Использовать эти философские положения в решении функциональных задач маркетинга по развитию товаров предлагается осуществлять с применением трехуровневой модели анализа потребительных свойств товара, в которой на первом уровне предлагается использовать показатель, отражающий ценность приобретения, допустим экономичность двигателя автомобиля; на втором и третьем уровнях — потребительные свойства отдельных узлов, агрегатов товара, которые в сознании потребителей интегрируются в ценность всего изделия; ее величина и определяет поведение покупателя при свершении покупки.

Ключевые слова: функция управления, функция маркетинга, утилитаризм, аксиология, потребительные свойства товара, полезность, ценность, спрос.

MARKETING AS A FUNCTION OF BUSINESS MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHY OF UTILITARISM AND AXIOLOGY

V. I. Belyaev, O. N. Pyatkova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article proposes a method for managing the development of consumer properties of goods using the categories of utility and value. The author considers the content of the philosophy of utilitarianism and axiology. The author proposes to use their fundamental principles as the basis of the marketing function for the development of consumer properties of goods. Utility, according to the theory of utilitarianism, is capable of shaping such social behavior that increases the level of satisfaction with the everyday life of the bulk of consumers. Value in the everyday life appears in the desire of individuals and large social groups to obtain real quantitative benefits from the consumption of purchased goods. Finally, utility of individual consumer properties is represented by the value of the entire product for sale. That is the task of marketing in business. The solution to this task is the real substantive connection between the philosophy of utilitarianism and axiology with the functional tasks of marketing to develop the functional characteristics of the good. These characteristics, in the process of buying and selling, are perceived by buyers as its consumer properties, by which they judge the value of the purchase. The author proposes to use these philosophical principles in solving the functional tasks of marketing for the

---

development of goods by the means of a three-level model for analyzing the consumer properties of goods. According to this model at the first level the author proposes to use an indicator that reflects the value of the purchase, for example, car fuel efficiency. At the second and third levels there are the consumer properties of individual components, aggregates that consumers integrate in consciousness into the value of the entire product. This value determines the behavior of the buyer when making purchases.

Keywords: control function, marketing function, utilitarianism, axiology, consumer properties of the goods, utility, value, demand.

Введение. Философия — основа методологии познания реальной действительности, проявляет себя в самых разных ипостасях. Одной из них, как ранее отмечено автором, является обыденное восприятие философских истин, выражающееся в форме представления философии в качестве системы нравственных (или, даже, безнравственных) правил (принципов) поведения человека, или групп людей, в определенных условиях [1, с. 25]. В таких случаях, объясняя личное и/или общественное поведение людей, говорят, что «такова его (или их) жизненная философия». Подобный подход используется и в объяснении некоторых функциональных аспектов управления бизнесом. В частности, маркетинг как функция управления предприятиями довольно часто представляется в качестве философии бизнеса. При этом, как отмечается в [1, с. 22–24], трактуя маркетинг как философию бизнеса, довольно часто в таких определениях ограничиваются лишь описанием содержания функциональных задач, решаемых маркетингом. Получается, что маркетинг представляется как философия бизнеса, но без использования даже самых элементарных философских начал (философия без философии — нонсенс).

Безусловно, не все определения отличаются таким содержанием. Так, в частности, профессор О. А. Третьяк представила маркетинг как «механизм... балансировки производства и потребления в отдельно взятом товарном потоке». Отметив, что его нельзя отождествлять просто с «совокупностью методов и приемов управления», она определила маркетинг как форму «разрешения противоречий производства и потребления», воспринимаемых в качестве «моментов воспроизводственного процесса». Исходя из этого, автор предложила «рассматривать маркетинг как конкретизированную форму взаимосвязи и согласования пропорций производства и потребления», проявляющихся «на различных ступенях эволюции рыночных отношений» [2, с. 5]. Определяя маркетинг как форму разрешения диалектических противоречий между производством и потреблением, О. А. Третьяк, без употребления термина «философия», представила маркетинг именно как философию

бизнеса, суть которой заключается в обеспечении на рыночной основе пропорциональности развития производства и потребления. Это, безусловно, научно-философский подход к объяснению содержания маркетинга, как одной из функций управления предприятием.

Э. С. Бернс и Р. Ф. Буш, в свою очередь, определяют маркетинг как философию бизнеса, «в которой основным средством для достижения целей является стремление компании быть эффективнее конкурентов в создании, доставке и продвижении товаров на целевых рынках» [3, с. 31]. Но из содержания такого определения вовсе не следует, что маркетинг — это философия бизнеса. Ибо «стремление компании быть эффективнее конкурентов» назвать философией вряд ли возможно; это, скорее, целевая стратегическая установка компании. Но в отличие от многих других авторов, которые также объявляют маркетинг философией бизнеса без какой-либо содержательной привязки его к философии, Э. С. Бернс и Р. Ф. Буш предварительно объяснили, в каком философском контексте они понимают и объясняют суть маркетинга как философию бизнеса. Исходят они из понимания философии как системы ценностей, которых люди придерживаются в своей повседневной жизни. Получается, что, представляя маркетинг как философию бизнеса, они трактуют ее исключительно в контексте потребительских ценностей, характерных для обыденного уровня познания реальной действительности. Именно на обыденном потребительском уровне и формируются те ценностные установки, ориентиры, о которых ведут речь Э. С. Бернс и Р. Ф. Буш, которые они и обозначают как философию бытия, побуждающую каждого человека каждый день принимать решения о приобретении товаров для удовлетворения объективно обусловленных нужд и субъективно обусловливаемых потребностей. С представлением маркетинга как философии бизнеса в контексте потребительских ценностей, безусловно, следует согласиться; в такой ипостаси маркетинг — философия бизнеса. Но почему тогда в определении о потребительских ценностях — ни слова? В нем обозначена лишь одна из функциональных задач

маркетинга — «быть эффективнее конкурентов». Получается, что такое определение маркетинга, как, впрочем, и многие другие, если и ориентировано на ценности, то только на ценности производителя-продавца. Ценности же потребителей оставлены без внимания. Вряд ли такое философское обоснование определения маркетинга следует признавать по-настоящему философским.

Исходя из вышеизложенного, под маркетингом предлагается понимать и как функцию управления конкретным бизнесом, способную создавать для него возможности получения прибыли посредством удовлетворения нужд и потребностей людей, и как философию бизнеса, опирающуюся на сформировавшуюся в обществе систему ценностей, определяющих поведение производителей и потребителей и обеспечивающих в своих взаимодействиях гармонизацию производства и потребления национальной экономики [1, с. 27].

Если исходить из постулатов, упомянутых в представленном определении, то одной из движущих сил, определяющих функционирование рынка, его динамику (рост или падение объемов продаж), следует назвать систему ценностей, которая является научной категорией, рассматриваемой в философии утилитаризма и аксиологии. Поскольку категория «ценность» и связанная с нею категория «полезность» используются и в обыденной жизни людей, как в организации торгово-сбытовой деятельности компаний (то есть со стороны бизнеса), так и в обосновании решений потребителями о совершении покупки (то есть со стороны покупателей), но в том и другом случае они используются на обыденном уровне познания, то осмысление содержания функциональных задач маркетинга в контексте философских концепций утилитаризма и аксиологии, безусловно, наполнит эти задачи новым смыслом, способным сделать и бизнес более эффективным и результативным, и обыденную жизнь людей более комфортной и интересной. При возникновении таких отношений маркетинг как философия бизнеса обретет право так называться, ибо решение его функциональных задач в части формирования товарной стратегии и политики предприятия и их реализации будет опираться на философские категории полезности и ценности приобретений потребителями.

Так, в общем и целом, выглядит одна из форм связи маркетинга как функции управления предприятием и маркетинга как философии бизнеса. В целях оправдания содержания этой формы связи необходимо ознакомиться с основными положениями утилитаризма и аксиологии.

Утилитаризм — философия полезности. Этимология, если использовать ее в качестве методики исследования происхождения слов, позволяет по-

нять историю формирования утилитаризма как самостоятельной философской концепции, так и ее содержание. Термин «утилитаризм» происходит от латинского глагола «*uti*», которое можно перевести как «пользоваться, применять, потреблять». Именно в таком значении он и применялся в обыденной жизни людей. Поскольку потребление является неперенным условием существования людей, предполагающим и производство материальных благ, и выбор при их приобретении, этот глагол послужил основой для создания прилагательного «*utilis*», означающего «пригодный, годный, полезный», используемого и производителями при принятии ими решений, что производить; и потребителями, при принятии ими решений, что покупать. Производители исходили из того, что производить нужно то, что пригодно для потребления, ибо только то, что пригодно — потребители и приобретут. А потребители ориентировались на приобретение полезных в обыденной жизни предметов потребления. Затем из прилагательного было образовано существительное сначала «*utilitas*», а затем «*utility*» в значении «польза, полезность».

Родоначальником концепции утилитаризма и автором термина является Джереми (Иеремия) Бентам (1748–1832), написавший книгу «Введение в принципы морали и законодательства» (*An Introduction to the Principles of Morales and Legislation*, 1789), в которой с философских позиций рассмотрел отдельные положения утилитаризма. В общем и целом, концепция утилитаризма по Дж. Бентаму сводится к формированию в общественных структурах такого поведения их участников, которое приводит к созданию наибольшего счастья для наибольшего количества людей. Утилитаризм представляет собой позитивистское направление в этике, в котором польза (*utilitas*) положена в основу нравственности [4, с. 1386] и является принципом и критерием оценки человеческого поведения (в том числе и отдельных поступков отдельных людей) [5, с. 708]. Дж. Бентам утверждал, что полезность, в рамках концепции утилитаризма, является основой морали. Таким образом, полезность как научная категория в исследовании философских основ маркетинга стоит далеко не на последнем месте.

Понятие полезности, лежащее в основе теории утилитаризма, тесно связано с понятием ценности, которая является предметом в такой отрасли философии как аксиология.

Аксиология — философское учение о природе ценностей. Аксиологию часто упоминают при изложении содержания философии утилитаризма; однако не менее часто рассматривают ее и как самостоятельное философское учение о ценностях.

Проблема ценностей возникла не сегодня. Впервые ее — в форме вопроса «что есть благо?» [5, с. 763], то есть в чем заключается его суть, в V в. до н. э. поднял обеспокоенный кризисным состоянием афинской демократии Сократ (469–399 гг. до н. э.). Как самостоятельная отрасль философского знания аксиология возникла в результате разделения понятия «бытие» на два самостоятельных, но содержательно взаимосвязанных понятия: реальная действительность и ее ценность. В комплексе они проявляют себя в форме объекта желаний людей, их устремлений, имеющих конкретную реальную пользу и определяющих поведение индивидуумов и общества в целом. Исходя из этого, ценность можно определить как отношение человека к конкретному объекту, процессу, состоянию и т. п., зафиксированное в его сознании и используемое им всякий раз при оценке этих объектов, процессов, состояний в случаях, когда ему нужно выстроить соответствующую его отношению модель поведения. Таким образом, на уровне индивидуума ценность выражается в предметах, действиях других лиц и т. п., которые вызывают в нем положительные эмоции: удовлетворенность, радость, удовольствие, наслаждение, экономическую выгоду и т. п.

Есть несколько бинарных классификационных схем ценностей. В частности, ценности подразделяют на индивидуальные и коллективные, на материальные и духовные.

Определение индивидуальных ценностей представлено выше. На основе индивидуальных формируются и коллективные ценности. Последние иногда называют общественными. Под общественными (коллективными) ценностями принято понимать нормы, правила, образцы, стандарты реакции людей на конкретные события, обуславливающие выбор больших групп людей между возможными поведенческими альтернативами. Суть общественных ценностей заключается в том, что эти нормы, правила, образцы и стандарты реакции на события довлеют над сознанием больших групп людей, они объединяют их, и в итоге формируют их солидарное поведение в конкретных ситуациях.

Есть и другие классификационные схемы ценностей. В них выделяют следующие формы ценностных проявлений:

- патриотизм: выражается в любви к родине, включая и малую родину, а также к своему народу, служение отечеству;
- социальная солидарность: выражается в справедливом и сочувственном отношении к людям, в доверии к ним и государственным институтам; а также в милосердии, равноправии, достоинстве и честности в общественных отношениях;

- семейные ценности: любовь и верность, забота о родных и близких, уважение к родителям, воспитание детей, формирование достойного семейного бюджета;
- здоровье: формирование жизненных стереотипов, направленных на здоровый образ жизни; забота о своем здоровье и здоровье своих родных и близких;
- труд и творчество: творческое отношение к труду как к необходимой и почетной общественной обязанности, направленной на получение приемлемого дохода для формирования семейного бюджета и на повышение общественного благосостояния страны; трудолюбие, целеустремленность, настойчивость в достижении поставленной цели;
- природа: забота об экологии, о сохранении природной среды;
- общечеловеческие ценности: многообразие культур, уважительное отношение к каждой культуре, международное сотрудничество.

Таково примерно содержание предмета аксиологии — науки о ценностях.

Содержание понятия «ценность» в экономической науке и в практике бизнеса. В этой области знаний и практики полезность зачастую количественно выражается в деньгах; это и составляет содержание понятия «ценность» в экономике.

В бизнесе ценность одного и того же предмета купли-продажи следует понимать в двух ипостасях: ценность для продавца и ценность для покупателя (конечного потребителя). Ценность для продавца выражается в объемах спроса на него, оцениваемого в натуральных единицах измерения, в уровне цены, которую покупатель считает приемлемой, и, как следствие, в объемах выручки и прибыли, выражаемых в стоимостных единицах. Чем охотнее и больше людей покупают некий товар, тем большую ценность имеет он для продавца.

Для покупателя же ценность заключается в полезных потребительных свойствах изделия, которые зачастую фокусируются в обобщенном понятии «качество» [6, с. 45], сосредоточивающем в себе отношение потребителя к приобретаемому товару, к его полезности для них. В таком представлении качество невозможно точно выразить количественно (нет таких единиц измерения); в этих случаях потребители обычно говорят о высоком (хорошем) или низком качестве. Несмотря на то, что в таких оценочных суждениях выразить качество количественно не представляется возможным, потребители (покупатели), тем не менее, «умудряются» сопоставлять цену (количество) с качеством (не выражаемым свойством товара в количественной форме). Что они делают? Они, по сути, выполняют невозможную,

если судить по строгим правилам арифметики, операцию деления на нуль. Делить на нуль нельзя. Но на деле они делают нечто подобное и в итоге приходят к верному решению, которое часто приводит, казалось бы, к парадоксальному результату — к росту объемов продаж при росте цены на товар, что, вообще-то, противоречит закону спроса (за исключением так называемого эффекта Гиффена¹). В принятии решений о предпочтении дорогих товаров дешевым покупатели часто руководствуются старой мудрой поговоркой — «я не такой богатый, чтобы покупать дешевые вещи». Но как здесь проявляет себя закон спроса, согласно которому при повышении цены объем спроса неизбежно снижается? Почему зачастую при повышении цены на конкретный товар объемы продаж, вопреки закону спроса, растут (если не принимать во внимание эффект Гиффена)? И наконец, в чем же заключается смысл мудрой поговорки, рекомендующей не очень состоятельным, по их собственным оценкам, людям покупать более дорогие товары? Объяснить все это можно только в том случае, если удастся понять суть категории «ценность» в применении к подобным ситуациям. Эту суть можно понять, если удастся оценить качество, понимаемое как отношение покупателей к товару в какой-то количественной мере. В форме такой меры можно использовать присуждение экспертами важным потребительным свойствам товара оценочных баллов. Сделать это, конечно, непросто: оценивать и присуждать такие баллы могут только эксперты высокого класса, хорошо знающие и потребительные свойства товара, и понимающие суть потребительского поведения потенциальных покупателей. Они (эксперты), во-первых, должны правильно выделить те потребительные свойства, на которые ориентируются покупатели, оценивая полезность товара для себя и принимая решение о его покупке. Во-вторых, оценить каждое из этих потребительных свойств товара в баллах значимости этих свойств для покупателей. И, в-третьих, подсчитать общую сумму баллов качества всего изделия.

¹ Р. Гиффен (1837–1910), английский статистик. Он обратил внимание на то, что в середине XIX в., во время голода в Ирландии, при росте цен на картофель резко увеличился объем спроса на него, что противоречит классической формулировке закона спроса. Суть такого парадокса заключается в том, что в этот период времени в Ирландии цены на другие продукты питания, даже при некотором снижении их уровня, все равно были значительно выше повысившихся цен на картофель [7, с. 36–37]. У покупателей просто другого выхода не было, кроме как увеличить потребление подорожавшего картофеля.

Выделять потребительные свойства, например, для товаров длительного пользования, оценку его качества рекомендуется производить с учетом так называемой цены потребления, под которой принимаются все затраты потребителя — и на приобретение товара, и на последующее его потребление в течение всего жизненного срока использования изделия [8, с. 59–64]. Так, при потреблении автомобиля дополнительными к цене покупки слагаемыми цены потребления являются затраты на топливо (зависящие не только от цен на него, но и от удельного расхода топлива на 100 км пути), а также затраты на текущее обслуживание (замена фильтров, масла и др.), на обязательный текущий и капитальный ремонты, на обеспечение сохранности (содержание гаража и т. п.), др. При долгом сроке потребления цена продажи автомобиля обычно составляет весьма незначительную долю в цене потребления. И ценность изделия для потребителя смещается в те составляющие цены потребления, которые обуславливаются соответствующими потребительными свойствами автомобиля. В этом потребитель и видит пользу для приобретения; из этой пользы, в свою очередь, и складываются представления покупателя о ценности приобретения. Для автомобиля, например, к таким потребительным свойствам относится экономичность двигателя, надежность и продолжительность службы ремней механизма газораспределения и многие другие подобные технические характеристики, которые в процессах оценки товара трансформируются в сознании покупателя в потребительные свойства. Особой ценностью для потребителей автомобилей является безопасность для водителя и пассажиров при авариях, обеспечиваемая конструктивными элементами изделия; это тоже техническая характеристика автомобиля, которая при оценке автомобиля трансформируется в его потребительное свойство. Очевидно, что именно в таких трансформациях и формируется понимание (осознание) ценности товаров длительного пользования сначала в индивидуальном, а затем и в общественном сознании.

Естественно, для каждого товара длительного пользования ценности имеют свои особенности: так, потребительные свойства холодильников, стиральных машин, цифровых фотоаппаратов, других товаров длительного пользования, естественно, не похожи на потребительные свойства автомобилей. Но методология маркетингового подхода к выбору этих характеристик и к выражению ценности каждого такого товара одна и та же; та самая, что представлена выше: а именно — выделение и оценка важнейших технических характеристик, которые в сознании покупателей

трансформируются в потребительные свойства, важные для потребителя, их экспертная количественная оценка, которая должна как можно более точно отражать ценностную характеристику товара. Из этого следует, что ценность товара длительного пользования, понимаемая покупателями таким образом, представляет его сущность, которая и определяет потребительское поведение покупателей.

Естественно, для товаров других ассортиментных групп¹ полезность и ценность определяются потребителями по-другому. Так, допустим, продовольственные товары должны быть ориентированы на укрепление здоровья, на вкусовые ощущения, приносящие удовольствие и т. п., которые иногда могут находить выражение в уникальности потребительных свойств этих товаров, обусловливаемой воплощением в продукты питания уникальных же характеристик местности, на которой они выращены и произведены. Вот такие обстоятельства могут придать продуктам питания особую уникальную ценность, которая определяет потребительское поведение покупателей на продовольственных рынках [9, с. 95–110].

В других ассортиментных группах, естественно, должны быть другие подходы к формированию ценности товара для потребителей. Но маркетинговый подход один — надо выделять потребительные свойства товара, оценивать его качество в количественных оценках и предлагать рынку на условиях, обеспечивающих повышение качества, но при снижении цен на единицу количества.

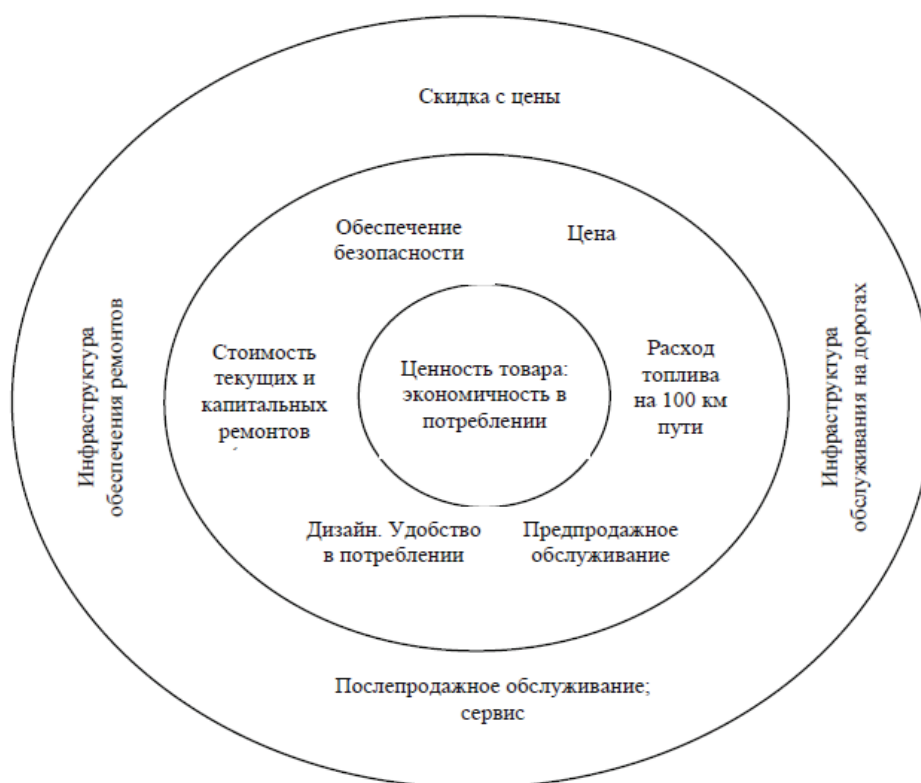
Таким образом, ценностью товара является совокупность его потребительных свойств, делающих его потребление экономичным, результативным и эффективным. Коль скоро это так, то формированием ценности товаров можно и нужно управлять. А поскольку управлять можно только тем, что можно измерить (то есть оценить количественно), то и ценность товара, воспринимаемую на уровне потребителей (покупателей) как качество, нужно научить измерять и результаты измерения использовать в управлении формированием ценности товара. Для измерения ценности товара можно использовать экспертные оценки (в виде баллов), как отдельных потребительных свойств товара, так и всего изделия в целом. Использование таких оценок позволяет объяснить и, казалось бы, алогичное поведение покупателей, предпочитающих покупать товар при увеличении цены на него. Дело в том, что рост цены, обусловливаемый ростом качества, как его воспринимают потребители, должен осуществлять-

ся несколько меньшими темпами. Если качество товара, потребительные свойства которого совершенствуются (развиваются), будет увеличиваться (прирастать) в большей степени, чем цена, то цена единицы качества (одного балла) может уменьшаться (в зависимости от того, в каких пропорциях будет расти то и другое). И если цена единицы качества совершенствуемого товара будет меньше, чем единица качества товара до развития его потребительных свойств, то потребители рано или поздно так или иначе поймут это (вычислят, даже если и нельзя делить на нуль), и начнут предпочитать более дорогой товар более дешево по принципу — «я не такой богатый, чтобы покупать дешевые вещи».

Управление ценностью товара: методика решения функциональной задачи. Цель управления ценностью производимых товаров можно определить, как стремление маркетинга предприятия постоянно развивать потребительные свойства конкретного товара, обеспечивая повышение общей его полезности, формирующей в сознании потребителей понимание ценности данного товара в процессах его потребления. Очевидно, что в достижении этой цели производитель должен ориентироваться на последние достижения науки и техники, тенденции моды, дизайна, т. п.

Основная и важная задача в достижении этой цели — выявление и идентификация таких потребительных свойств товара, которые действительно способны повысить его полезность и ценность приобретения в оценках потребителей. Решать эту задачу можно с помощью трехуровневой модели анализа потребительных свойств товара, предложенной в свое время Ф. Котлером и модифицированной под содержание данной задачи. В своей книге Ф. Котлер представил трехуровневую модель товара в обобщенном виде, в форме трех вложенных друг в друга кругов. Внутренний круг, первый уровень, назван им «товар по замыслу»; второй уровень — «товар в реальном исполнении»; и третий уровень — «товар с подкреплением» [10, с. 285–287]. Предлагается конкретизировать каждый из этих уровней. Так, первый уровень товара следует обозначить как ценность, которую он несет потребителю в случае его приобретения. Второй уровень — собственно товар; представляет собой перечень потребительных свойств, приносящих в потреблении пользу своему владельцу. Третий уровень — товар в сфере обращения; это дополнительные услуги, повышающие полезность товара. Примерная трехуровневая модель, применительно к такому товару, как автомобиль, представлена на рисунке.

¹ Ассортимент — состав однородной продукции по видам, сортам, маркам.

Трёхуровневая модель анализа потребительских свойств автомобиля в решении задачи повышения ценности его как товара

На рисунке представлен пример применения трёхуровневой модели. В ограниченном объёме статьи полный анализ потребительских свойств такого сложного изделия как автомобиль представить невозможно.

Первый уровень ориентирован на ценность изделия; второй и третий — на полезность. Смысл такого наполнения модели заключается в том, что разработчики товара (маркетологи, инженеры, др.), работая над вторым и третьим уровнем, должны сосредоточивать свое внимание на таких технических характеристиках изделия, которые при восприятии их потенциальными покупателями, принимающими решение купить или не купить товар, идентифицировались бы ими как потребительские свойства, приносящие полезность в потреблении и формирующие ценность от приобретения. Исходя из этого, следует подчеркнуть, что в реальном анализе на втором уровне модели нужно представить отдельные агрегаты автомобиля, которые своими потребительскими свойствами ориентированы на увеличение их полезности в процессе эксплуатации (потребления) всего автомобиля. Интеграция полезности отдельных агрегатов формирует ценность всего изделия. Другими словами, утилитарная (потребительская) ценность — это интеграл полезностей отдельных составных частей такой си-

стемной цельности, как товар (в данном случае автомобиль).

Заключение. Таким образом, суть успешного бизнеса лежит, в том числе, и в умелом профессиональном сочетании содержания нужд и потребностей людей, обусловливаемых их обыденной жизнью, с философскими категориями «полезность» и «ценность» при разработке новых товаров или совершенствовании функциональных характеристик прежних. Такое сочетание не только вполне уместно, но и в условиях насыщения рынка разнообразными товарами, по-разному удовлетворяющими одинаковые нужды и потребности людей, крайне необходимо, ибо для покупателей появляется возможность выбора при покупке; они могут выбрать такой товар, который будет в потреблении более экономичным и эффективным. Для потребителей это является особой потребительской ценностью. Осознание покупателями такого ценностного преимущества данного товара перед другими аналогичными обуславливает и их соответствующее потребительское поведение в пользу производителя данного товара, что, в конечном итоге, влечет за собой увеличение доходов производителя и прибыли. Таким образом, ценность в потреблении потребителями приобретенного товара содержательно связывается и с ценностными ориентирами производителей. В этом и выражается содержательная суть маркетинга как функции управления предприятием и как философии бизнеса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беляев В. И. Маркетинг: функция управления или философия бизнеса? // Экономика Профессия Бизнес. 2022. № 1. С. 21–28. DOI: 10.14258/epb202203.
2. Третьяк О. А. Маркетинг: новые ориентиры модели управления. М., 2005. 403 с.
3. Бернс Э. С., Буш Р. Ф. Основы маркетинговых исследований с использованием Microsoft Excel. М., 2006. 704 с.
4. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд. М., 1983. 1600 с.
5. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М., 1983. 840 с.
6. Армстронг Г., Вонг В., Котлер Ф., Сондерс Дж. Основы маркетинга. 4-е европейское изд. М., 2007. 200 с.
7. Маркетинг: большой толковый словарь / А. П. Панкрухин. М., 2008. 261 с.
8. Маркетинг во внешнеэкономической деятельности предприятий / П. С. Завьялов, В. Е. Демидов, Н. С. Карпов и др. М., 1989. 152 с.
9. Маркетинг территорий: методология и методы обоснования стратегических решений развития регионов / В. И. Беляев, С. Н. Бочаров, О. А. Горяннинская, Р. Г. Малахов. Барнаул, 2015. 244 с.
10. Котлер Ф. Основы маркетинга. М., 1990. 736 с.

REFERENCES

1. Belyaev V. I. Marketing: management function or business philosophy // Economics Profession Business. 2022. No. 1. Pp. 21–28. DOI: 10.14258/epb202203.
2. Tretiak O. A. Marketing: new guidelines for the management model. M., 2005. 403 p.
3. Burns E. S., Bush R. F. Fundamentals of marketing research using Microsoft Excel. M., 2006. 704 p.
4. Soviet Encyclopedic Dictionary / ed. A. M. Prokhorov. 2th ed. M., 1983. 1600 p.
5. Philosophical Encyclopedic Dictionary / ed. L. F. Ilyichev, P. N. Fedoseev at al. M., 1983. 840 p.
6. Armstrong G., Wong W., Kotler F., Saunders J. Marketing Essentials. 4th ed. M., 2007. 200 p.
7. Marketing: large explanatory dictionary / A. P. Pankrukhin. M., 2008. 261 p.
8. Marketing in the foreign economic activity of enterprises / P. S. Zavialov, V. E. Demidov, N. S. Karpov at al. M., 1989. 152 p.
9. Territory marketing: methodology and methods for substantiating strategic decisions for the development of regions / V. I. Belyaev, S. N. Bocharov, O. A. Goryaninskaya, R. G. Malakhov. Barnaul, 2015. 244 p.
10. Kotler F. Marketing Essentials. M., 1990. 736 p.

Поступила в редакцию: 08.04.2022.

Принята к печати: 25.04.2022.

ЭКСПОРТ ПРОДУКЦИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА РЕГИОНА

М. М. Бутакова, О. Н. Соколова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена оценке и выявлению проблем взаимовлияния экспортной деятельности и имиджа региона, проявляющегося через влияние имиджа региона на перспективы развития экспортной деятельности и экспортной деятельности на имидж региона. Актуальность проблематики связана с необходимостью укрепления экспортных позиций Алтайского края в целях обеспечения роста его имиджа на внешних рынках. Авторами исследованы и оценены динамика и структура экспорта как фактора, оказывающего существенное влияние на имидж Алтайского края, определены возможные направления деятельности по повышению его имиджа на внешних рынках, что, в свою очередь, может позитивно сказаться на активизации экспортной деятельности.

Рост экспорта продукции Алтайского края на внешние рынки, повышение ее конкурентоспособности, а также постоянно изменяющаяся конъюнктура рынков актуализируют исследование составляющих имиджа региона-экспортера, требуют мониторинга определяющих его факторов с учетом меняющихся предпочтений импортеров.

В результате теоретических исследований проблем имиджа региона, экспортной деятельности, подкрепленных аналитическими расчетами динамики и структуры экспорта основных товарных групп продукции Алтайского края в 2016–2020 гг., авторы пришли к выводу о взаимовлиянии экспорта на имидж региона и имиджа на перспективы развития экспорта, необходимости поиска путей повышения эффективности взаимовлияния, опираясь на уникальные характеристики региона.

Ключевые слова: экспорт, структура экспорта, имидж, регион, конкурентоспособность продукции, мировая торговля.

EXPORT OF ALTAI PRODUCTS AS A COMPONENT OF THE REGION'S IMAGE

M. M. Butakova, O. N. Sokolova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to assessing and identifying the problems of mutual influence of export activities and the image of the region, manifested through the influence of the image of the region on the prospects for the development of export activities and export activities on the image of the region. The relevance of the problem is connected with the need to strengthen the export positions of the Altai Territory in order to ensure the growth of its image in foreign markets. The authors have studied and evaluated the dynamics and structure of exports as a factor that has a significant impact on the image of the Altai Territory, identified possible areas of activity to improve its image in foreign markets, which, in turn, can positively affect the intensification of export activities.

The growth of exports of Altai Krai products to foreign markets, the increase in its competitiveness, as well as the constantly changing market conditions update the study of the components of the image of the exporting region, require monitoring of the factors that determine it, taking into account the changing preferences of importers.

As a result of theoretical studies of the problems of the image of the region, export activity, supported by analytical calculations of the dynamics and structure of exports of the main commodity groups of products of the Altai Territory in 2016–2020, the authors came to the conclusion that exports on the image of the region and the image on the prospects for the development of exports, the need to search ways to improve the effectiveness of mutual influence, based on the unique characteristics of the region.

Keywords: export, export structure, image, region, product competitiveness, world trade.

Актуальность проблематики связана с необходимостью дальнейшего развития экспорта продукции Алтайского края и укрепления его экспортных позиций. Предпосылкой авторского исследования стало осознание взаимовлияния экспортной деятельности и имиджа экспортера (страны, региона, организации), проявляющегося через влияние имиджа региона на перспективы развития экспортной деятельности и экспортной деятельности на имидж региона. В данном контексте представляется необходимым исследовать и оценить динамику и структуру экспорта как фактора, влияющего на имидж региона и предприятий-экспортеров и определить возможные направления деятельности с целью повышения имиджа региона на внешних рынках. Перспективы роста объема поставок продукции российских регионов на внешние рынки, повышения ее конкурентоспособности, меняющаяся конъюнктура самих рынков актуализируют исследование проблем имиджа региона-экспортера, требуют постоянного мониторинга факторов, его определяющих, в связи с турбулентностью рынков, меняющимися предпочтениями импортеров.

В современной научной литературе достаточно большое внимание уделяется проблемам мировых, национальных и региональных рынков. Отечественные авторы оценивают потенциальные возможности, конкурентоспособность и направления развития экспортного потенциала российских производителей. Этим вопросам посвящены работы известных отечественных экономистов К. Г. Бородин и В. Д. Гончарова [1], О. И. Пантелеевой [2], К. Г. Бородин, В. Д. Гончарова, Е. Ю. Фроловой, В. В. Рау, С. Г. Сальникова [3], которые единодушны в оценке необходимости и целесообразности ориентации несырьевого сектора России на международные рынки, но отмечают необходимость более глубокого исследования механизмов его эффективной реализации. Авторы данной статьи в своих исследованиях обращают внимание на проблемы конкурентоспособности продовольственного экспорта, региональные аспекты экспортной деятельности [4–6].

Рассматривая имидж как сформированное в общественном сознании и сознании отдельного индивида представление об объекте, исследователи уделяют значительное внимание видам имиджа, факторам, его определяющим, процессам формирования имиджа. Все большее число работ посвящается имиджу региона как цельного специфического объекта, обладающего уникальными характеристиками. Н. Ю. Зубарев [7], определяя имидж через систему образов и оценок в сознании людей, отводит органам власти региона основную роль в формировании имиджа. В. И. Беляев [8, 9] исследует проблему репутации и информации в формирова-

нии имиджа и бренда, роль уникальных характеристик, присущих территории (региону), отмечает необходимость формирования положительного имиджа региона, в том числе на внешних рынках, через продвижение региональных товарных брендов. И. В. Огаркова, Е. С. Саргаева [10] выделяют виды имиджа территории, анализируют факторы, оказывающие влияние на имидж: местоположение, участие региона в крупных проектах, статус региона среди конкурентов по разным критериям, включая развитость экономики, и другие, отмечают необходимость особого внимания к факторам, отражающим уникальность региона.

Несмотря на растущее количество работ, посвященных проблемам имиджа региона и проблемам экспортной деятельности, отсутствуют системные исследования их взаимовлияния.

Целью данной статьи является получение новых знаний об экспорте как факторе имиджа региона, научное осмысление необходимости формирования имиджа, способствующего росту эффективности и конкурентоспособности экспорта продукции российских регионов.

Исследование предполагает использование системного подхода, в рамках которого авторы осуществляют логический переход от анализа динамики объемов и структуры экспорта продукции Алтайского края к выявлению его влияния на имидж региона в настоящее время и в перспективе. Авторы статьи опираются на методы экономико-статистического анализа, применение которых базируется на статистических данных экспорта продукции за 2016–2020 гг. [11].

Алтайский край занимает стабильное положение в экспорте продукции среди субъектов Российской Федерации (2016 г. — 45-е место, 2020 г. — 44-е место), не относясь к числу лидеров по объему экспорта в целом. Однако по продовольственной продукции его роль в экспортной деятельности страны более заметна. Алтайский край находится на седьмом месте по экспорту продукции растительного происхождения, что соответствует специализации агропромышленного комплекса региона.

Обратимся к анализу динамики и структуры экспорта продукции Алтайского края в 2016–2020 гг. (табл. 1).

Анализируемый период характеризуется не только существенным ростом объема экспорта края, прирост которого составил 43,48% (в этот же период по Российской Федерации в целом 20%), но и изменением его структуры. В 2016 г. основную статью алтайского экспорта составляли минеральные продукты (в основном кокс). Продукты растительного происхождения занимали пятое место. Изменения, произошедшие в последующие годы, обусловлены, с одной стороны, благоприятной

конъюнктурой и ростом цен на продовольствие на мировых рынках, а с другой — целенаправленными действиями по реализации приоритетного проекта «Экспорт продукции АПК» в рамках национального проекта «Международная кооперация и экспорт». Соответствующий региональный проект «Экспорт продукции АПК», утвержденный в Алтайском крае в декабре 2018 г., предусматривает создание новой товарной массы с высокой добавленной стоимостью, создание товаропро-

дающей инфраструктуры, ориентированной на экспорт, устранение торговых барьеров для обеспечения доступа продукции АПК на целевые рынки и создание системы продвижения и позиционирования его продукции. В 2020 г. объем экспорта продукции растительного происхождения увеличился по сравнению с 2016 г. в 3,65 раза и составил 212 млн долларов. В результате продукция растительного происхождения стала составлять 22% алтайского экспорта [12].

Таблица 1

Динамика и структура экспорта основных товарных групп продукции Алтайского края, 2016–2020 гг.

Наименование товарных групп	2016 г.		2020 г.		
	Объем экспорта, млн долл.	Доля, %	Объем экспорта, млн долл.	Доля, %	Темпы роста к 2016 г., %
Экспорт, всего	660	100	947	100	143,48
02 Продукты растительного происхождения	58,1	8,8	212	22,4	364,89
05 Минеральные продукты	143	21,7	145	15,3	101,40
09 Древесина и изделия из нее	88,9	13,5	113	11,9	127,11

Источник: рассчитано авторами по данным «Экспорт и импорт России по товарам и странам». URL: <https://ru-stat.com/date-Y2020-2020/RU01000/export/world>, <https://ru-stat.com/date-Y2016-2016/RU01000/export/world>

Таблица 2

Динамика и структура экспорта основных товарных групп продукции растительного происхождения Алтайского края, 2016–2020 гг.

Наименование товарных групп	2016 г.		2020 г.		
	Объем экспорта, млн долл.	Доля, %	Объем экспорта, млн долл.	Доля, %	Темпы роста к 2016 г., %
02 Продукты растительного происхождения	58,1	100	212	100	364,89
02 12 Семена, зерно, лекарственные растения	15,8	27,19	116	54,72	734,18
02 11 Продукты из муки и круп	28,5	49,05	41,9	19,76	147,02
02 10 Злаки	3,6	6,20	34,8	16,42	966,67

Источник: рассчитано авторами по данным «Экспорт и импорт России по товарам и странам». URL: <https://ru-stat.com/date-Y2020-2020/RU01000/export/world>, <https://ru-stat.com/date-Y2016-2016/RU01000/export/world>

Анализ экспорта растительной продукции в разрезе четырехзначных кодов позволяет акцентировать внимание на существенно различающейся динамике по товарным группам. За рассматриваемый период в 9,7 раза увеличился экспорт злаков, в 7,3 раза — семян, зерна и лекарственных растений и в 1,5 раза — продуктов из муки и круп. В результате доля группы «Семена, зерно, лекарственные растения» увеличилась до 54,72%, доля группы «Злаки» — до 16,42%. Суммарно две лидирующие группы составили в 2020 г. более 70% экспорта продукции растительного происхождения из Алтайского края. Учитывая, что обе товарные группы включают продукцию нижнего передела с минимальной долей добавленной стоимостью, а продук-

ты из муки и круп, доля которых сократилась с 49 до 19,8%, относятся к продукции среднего передела более глубокой переработки, произошедшие структурные сдвиги можно считать негативными, несущими в себе риск примитивизации экспорта.

Детализируя анализ до уровня шестизначных кодов, можно увидеть изменения в экспорте по конкретным видам продукции. В группе «Семена, зерно, лекарственные растения» в 2020 г. по объему экспорта доминируют семена рапса, а по темпам роста по отношению к 2016 г. — семена подсолнечника. Учитывая, что продукция переработки масличных культур входит в группу 03 Жиры и масла, обратим внимание, что в 2020 г. объем экспорта подсолнечного масла сократился на 43,5%, а рап-

сового масла — увеличился всего на 35%. Экспорт льняного масла в 2020 г. не осуществлялся. И вновь наблюдается ситуация вытеснения замещения про-

дукции среднего передела (растительных масел) продукцией нижнего передела (семена масличных культур).

Таблица 3

Динамика и структура экспорта основных товарных групп, входящих в лидирующие группы растительной продукции Алтайского края, 2016–2020 гг.

Наименование товарных групп	2016 г.		2020 г.		
	Объем экспорта, млн долл.	Доля, %	Объем экспорта, млн долл.	Доля, %	Темпы роста к 2016 г., %
02 12 Семена, зерно, лекарственные растения	15,8	100	116	100	734,18
02 12 05 Семена рапса	1,2	7,59	55,1	47,50	4591,67
02 12 04 Семена льна	11	69,62	28,4	24,48	258,18
02 12 06 Семена подсолнечника	0,984	6,23	16,5	14,22	1676,83
02 11 Продукты из муки и круп	28,5	100	41,9	100	147,02
02 11 04 Зерно злаков обработанное	16,8	58,95	32,7	78,04	194,64
02 10 Злаки	3,6	100	34,8	100	966,67
02 10 01 Пшеница и меслин	0,732	20,33	20	57,47	2732,24
02 10 08 Гречиха и др. злаки	1,6	44,44	10,4	29,89	650,00

Источник: рассчитано авторами по данным «Экспорт и импорт России по товарам и странам». URL: <https://ru-stat.com/date-Y2020-2020/RU01000/export/world>, <https://ru-stat.com/date-Y2016-2016/RU01000/export/world>

За анализируемый период существенно изменилась структура экспорта продукции Алтайского края по товарным группам как результат решения задач Программы развития экспорта продукции АПК региона. Более интенсивные сдвиги в структуре произошли внутри товарных групп. Пока еще сложно говорить, носят ли они устойчивый характер, позволяют ли выявить новые тенденции или являются отражением конъюнктурных колебаний мирового рынка, формирующего спрос на продовольственную продукцию. Рост экспорта продукции растениеводства опережает рост выпуска этой продукции в Алтайском крае (положительное следствие — увеличение объемов реализации, цен и выручки; отрицательное — возможный рост цен на локальном рынке Алтайского края). Рост экспорта продукции растениеводства опережает рост экспорта продукции более глубокой переработки из данного сырья. При сложившейся структуре экспорта проблемно претендовать на рост имиджа региона как производителя высококачественной

готовой продукции, несмотря на наличие и конкурентоспособность сырья для ее производства на территории Алтайского края.

Формирование положительного имиджа региона (как и страны, города, отдельного предприятия) представляет собой сложную многоаспектную задачу, стоящую перед всеми участниками этого процесса: руководителями, администрациями, сотрудниками, гражданами. Для региона значимую роль играют постоянно актуализируемые стратегии его развития, алгоритмы продвижения. Положительный имидж как конкурентное преимущество региона создается системным применением комплекса самых разных инструментов, включая информационную работу.

Использование имиджевого подхода, регионального брендинга к экспорту продукции Алтайского края позволит региону показать ее уникальность, отличие, что, в свою очередь, повысит узнаваемость региона и благоприятно отразится на экспорте его продукции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бородин К. Г., Гончаров В. Д. Оценка структурных изменений в российском экспорте продукции АПК // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 8. С. 48–69.
2. Пантелеева О. И. Экспорт продукции АПК: сможет ли Россия стать одним из ведущих экспортеров в мире? // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. № 3. Том 13. С. 118–136.
3. Экспорт продукции АПК: тенденции, факторы, эффекты / К. Г. Бородин, В. Д. Гончаров, Е. Ю. Фролова, В. В. Рау, С. Г. Сальников; под ред. К. Г. Бородина. М., 2018. С. 176.

4. Бочаров С. Н., Бутакова М. М., Беляев В. И. и др. Экспорт продукции АПК Алтайского края: перспективы, проблемы, целевые рынки: монография. Барнаул, 2020. С. 244.
5. Бутакова М. М., Соколова О. Н., Горяннинская О. А. Качество продовольствия как фактор обеспечения конкурентоспособности продукции аПК на национальном и мировом рынках // Экономика Профессия Бизнес. 2021. № 2. С. 5–12.
6. Бутакова М. М., Соколова О. Н. Экспортные позиции России в Центральной Азии: реалии и проблемы // Экономика Профессия Бизнес. 2021. № 3. С. 48–52.
7. Зубарев Н. Ю. Теоретические вопросы формирования имиджа региона // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 7. № 2. С. 109–113.
8. Беляев В. И. Репутация, имидж, бренд: создание и использование в практике стратегического управления компаниями и территориями // Экономика Профессия Бизнес. 2020. № 1. С. 16–27.
9. Беляев В. И., Горяннинская О. А., Пяткова О. Н. Маркетинг территорий: от совершенствования имиджа территориальных образований к созданию товаров местного производства с уникальными потребительскими свойствами // Актуальные проблемы стратегического управления территориальным развитием: материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Краснодар, 2021. С. 39–45.
10. Огаркова И. В., Саргаева Е. С. Анализ факторов, влияющих на имидж региона // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2020. Т. 6. № 2. С. 41–51.
11. Экспорт и импорт России по товарам и странам. URL: <https://ru-stat.com/> (дата обращения: 23.03.2022).
12. Паспорт регионального проекта «Экспорт продукции АПК», утвержден Протоколом заседания Совета при Губернаторе Алтайского края по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 14.12.2018. № 2.

REFERENCES

1. Borodin K. G., Goncharov V. D. Assessment of structural changes in Russian exports of agricultural products // Russian Foreign Economic Bulletin. 2018. No. 8. Pp. 48–69.
2. Panteleeva O. I. Export of agricultural products: can Russia become one of the leading exporters in the world? // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2018. No. 3. Vol. 13. Pp. 118–136.
3. Export of agricultural products: trends, factors, effects / K. G. Borodin, V. D. Goncharov, E. Yu. Frolova, V. V. Rau, S. G. Salnikov; ed. K. G. Borodina. Moscow, 2018. P. 176.
4. Bocharov S. N., Butakova M. M., Belyaev V. I. Export of products of the agro-industrial complex of the Altai Territory: prospects, problems, target markets: monograph. Barnaul, 2020. P. 244.
5. Butakova M. M., Sokolova O. N., Goryaninskaya O. A. Food quality as a factor in ensuring the competitiveness of agricultural products in the national and world markets // Economics Profession Business. 2021. No. 2. Pp. 5–12.
6. Butakova M. M., Sokolova O. N. Export positions of Russia in Central Asia: realities and problems // Economics Profession Business. 2021. No. 3. Pp. 48–52.
7. Zubarev N. Yu. Theoretical issues of forming the image of the region // Economics and management: problems, solutions. 2019. Vol. 7. No. 2. Pp. 109–113.
8. Belyaev V. I. Reputation, image, brand: creation and use in the practice of strategic management of companies and territories // Economics Profession Business. 2020. No. 1. Pp. 16–27.
9. Belyaev V. I., Goryaninskaya O. A., Pyatkova O. N. Territory marketing: from improving the image of territorial entities to creating locally produced goods with unique consumer properties // Actual problems of strategic management of territorial development: materials of the III All-Russian (with international participation) scientific and practical conference. Krasnodar, 2021. Pp. 39–45.
10. Ogarkova I. V., Sargaeva E. S. Analysis of factors influencing the image of the region // Scientific result. Business and service technologies. 2020. Vol. 6. No. 2. Pp. 41–51.
11. Export and import of Russia by goods and countries. URL: <https://ru-stat.com/> (date of access: 22.03.2022).
12. Passport of the regional project «Export of agricultural products», approved by the Protocol of the meeting of the Council under the Governor of the Altai Territory for strategic development and priority projects dated 12.14.2018. No. 2.

Поступила в редакцию: 25.03.2022.

Принята к печати: 29.04.2022.

НАЛОГОВАЯ ЭКОСИСТЕМА КАК ЭЛЕМЕНТ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: СИСТЕМНО- ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПОСТРОЕНИЮ

Н. Г. Викторова, Е. Н. Евстигнеев

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

Статья посвящена перспективам развития российской налоговой системы как элемента цифровой экономики. С учетом сложившейся отечественной и зарубежной школы системного анализа предложен системно-интегральный подход к построению гипотетической модели такой системы. Для этого выделены три исследовательские страты: системная, платформенная, интегрально-технологическая. Очерчено наполнение гипотетической модели налоговой экосистемы (ГМНЭ) в знаковой форме. Предложены авторские дефиниции двух понятий: налоговая экосистема, цифровая платформа экосистемы. Причем второе понятие раскрыто в разрезе 12 содержательных представлений модели. Систематизировано в каждой обеспечивающей подсистеме модели инструментальное и технологическое обеспечение ГМНЭ. Обозначены направления формирования и совершенствования отдельных видов обеспечения. Описан рабочий вариант ГМНЭ, который позволяет приступить к разработке имитационной модели в целях проектирования, анализа и оценки функционирования налоговой экосистемы. Сделаны выводы и сформулированы предложения.

Ключевые слова: цифровая экономика, налоговая экосистема, сверхсложная система, системно-интегральный подход, гипотетическая модель, обеспечивающие подсистемы, инструментарий.

TAX ECOSYSTEM AS A DIGITAL ECONOMY ELEMENT: A SYSTEM–INTEGRAL APPROACH TO CONSTRUCTION

N. G. Viktorova, E. N. Evstigneev

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint-Petersburg, Russia)

The article is devoted to the development prospects of the Russian tax system as a digital economy element. It continues the previously published author's developments and touches upon the problem of the formation of the tax ecosystem. Taking into account the existing domestic and foreign school of system analysis, a system-integral approach to the construction of a hypothetical model of such a system is proposed. For this, three research strata have been identified: systemic, platform, integral-technological. The filling of the hypothetical model of the tax ecosystem (GMNE) in a symbolic form is outlined. Author's definitions of two concepts are offered: tax ecosystem, digital ecosystem platform. Moreover, the second concept is disclosed in the context of 12 meaningful representations of the model. The instrumental and technological support of the GMNE is systematized in each supporting subsystem of the model.

Directions for the formation and improvement of certain types of support are indicated. A working version of the GMNE is described, which allows you to start developing a simulation model for the purpose of designing, analyzing and evaluating the functioning of the tax ecosystem. Conclusions are drawn and proposals are formulated.

Keywords: digital economy, tax ecosystem, highly complex system, system-integrated approach, hypothetical model, supporting subsystems, tools.

Введение. Любая экономическая система для своего функционирования в условиях сложности и неопределенности мирового

развития требует современного подхода для анализа ее как сверхсложной системы. Однако неоклассическая теория воспроизводит в рамках системной

методологии функционирования простых систем, а реальные объекты давно работают по принципам сложных и сверхсложных систем.

Поэтому в рамках требований общей теории систем каждый объект в ходе его исследования должен анализироваться как большая и сложная система, а также как элемент более общей системы. Необходима при этом интеграция наработок в сферах теории систем, кибернетики, системного анализа, системной инженерии, исследования операций и синергетики. Понимание подобного системного подхода включает также важность теоретического усвоения и применения на практике ряда его аспектов: системно-комплексного; системно-исторического; системно-целевого; системно-структурного; системно-функционального; системно-ресурсного; системно-интеграционного; системно-коммуникационного.

Налоговая система как одна из экономических систем — не исключение. Она требует постоянного и разнопланового анализа с учетом общественных трансформаций, обусловленных одновременно усиливающимися вызовами внешней среды, мировыми трендами технологического развития, включая цифровизацию экономики. Предлагаемое исследование продолжает авторские наработки в части формирования нового типа такой системы — налоговой экосистемы [1]. Публикаций в этой области немного и, как правило, речь в них идет об экосистеме налогового администрирования в прикладном аспекте [2, 3]. Цель данного исследования — формирование гипотетической модели налоговой экосистемы (ГМНЭ) в контексте развития цифровой экономики. Исследование носит теоретико-методологический характер.

Методы и результаты исследования. При построении гипотетической модели налоговой экосистемы применяется *системно-целевой подход*, когда объект не разделяется на элементы, то есть не разрушается, а изображается в виде укрупненных компонентов. Такая система рассматривается как целое, ориентированная на достижение назначенных целей и требований, реализуемая в форме структур, объединяющих элементы и связи между ними при помощи технологий, с учетом внешних и внутренних факторов, а также позиции «наблюдателя» [4]. Модель такой системы выглядит следующим образом (формула 1).

$$S \text{ def} \equiv \langle Z, STR, TECH, COND, N \rangle \quad (1),$$

где: $Z = \{z\}$ — совокупность или структура целей;

$STR = \{STR_{np}, STR_{op}, \dots\}$ — совокупность структур, реализующих цели;

$TECH = \{meth, means, alg, \dots\}$ — совокупность технологий (методы *meth*, средства *means*, алго-

ритмы *alg* и т. п.), реализующих систему и обеспечивающих функционирование;

$COND = \{fex, fin\}$ — условия существования системы, то есть факторы, влияющие на ее создание и функционирование (*fex* — внешние, *fin* — внутренние);

N — «наблюдатели», то есть лица, принимающие и исполняющие решения, выполняющие структуризацию целей, выбор методов и средств моделирования и т. п.

Заметим, что при гипотетическом моделировании важным принципом исследования является точка зрения *наблюдателя N*. Таким образом, на разных этапах анализа в понятие «система» можно вкладывать различные соображения, подразумевать как бы существование системы в разных формах — «стратах» (по М. Месаровичу) [5]. Поэтому авторы априори анализируют экосистему с трех позиций: эволюции систем, платформенного подхода, интеграции технологий. Соответственно, в рабочей модели налоговой экосистемы выделены три исследовательские страты: системная, платформенная, интегрально-технологическая. Рассмотрим их подробнее.

Системная страта. Для обоснования и разработки ГМНЭ изначально анализируется системная страта, каждый компонент которой характеризуется своей особенностью и научно-практическим инструментарием. В зависимости от уровня сложности системы делятся на простые, сложные и сверхсложные системы.

В то же время страта — это многомерное явление, которое невозможно выделить по какому-то одному признаку. Кроме системной страты для разработки ГМНЭ следует обозначить и другие признаки стратификации, выделив, например, экономический, политический, правовой и кадровый аспекты. В условиях сложности и неопределенности развития научные исследования стремительно раздвигаются в пространстве и времени, давая мощный толчок в цифровом, технологическом, системно-интеграционном абрисах [6, с. 93–96].

Основополагающим в моделировании также является основная идея в теории систем — признак принципа *изоморфизма* [7]. Например, вся история бухучета — это история развития моделей: от более простых изоморфных к более сложным гомоморфным моделям, позволяющим сделать управление в организации более простым и эффективным [8]. Отсюда проистекает методологическое значение этого принципа для правомерности переноса знаний, полученных при изучении какой-либо изоморфной системы (структуры) на другую, в том числе систему налогообложения.

Именно с указанных выше позиций сложился иной взгляд на научный подход, а также на кон-

цепцию и инструментарий налоговой экосистемы при разработке модели.

В качестве начального шага исследования, используя формулу (1), предлагается следующая рабочая дефиниция: «Налоговая экосистема — дифференцированное целое (M_s), ориентированное на достижение поставленных целей и задач (Z), реализуемое в форме различных статических и динамических структур (STR), объединяющее элементы и связи между ними при помощи технологий (TECH), с учетом внешних и внутренних факторов (COND), а также позиции наблюдателя (N)». Декомпозиция разделяет модель на две части: содержательную (M_s) и обеспечивающую (M_o) и далее — на их разноплановые подсистемы и компоненты научно-практического инструментария.

Рабочий разведывательный вариант ГМНЭ в знаковом формате показан ниже (формула 2).

$$\text{ГМНЭ} \equiv \text{МЭ} = [M_s, M_o] = [\{P_{i=1-12}\}; \{O_{j=1-10}\}] = \\ [\{p_g, p_p, p_w, p_i, p_f, p_o, p_d, p_e, p_v, p_r, p_n, p_e\}; \{\text{опр, око, oik, ott, opp, oia, orn, omv, ohr, oro}\}], \quad (2)$$

где P_i — 12 представлений содержательной части налоговой экосистемы;

O_j — 10 обеспечивающих подсистем научно-практического инструментария.

Расшифровка подсистем P_i и O_j будет дана в таблицах 1 и 2.

Следующая «отправная» дефиниция для исследования содержательной части ГМНЭ: «Налоговая экосистема — это искусственная сверхсложная система, строящаяся на основе определенным обра-

зом связанных между собой цифровых платформ». Здесь цифровая платформа (ЦП) — это модель, использующая технологии объединения и взаимодействия людей, организаций и ресурсов в экосистеме. Она является ядром в налоговой экосистеме и используется как онлайн-система для взаимодействия участников, как технологическая среда для разработчиков и как облачное решение для интеграции приложений.

Платформенная страта. В первом приближении воспользуемся упрощенной классификацией цифровых платформ (ЦП) в экономике [9], выделив три основания в рамках платформенной страты:

1) *инструментальная ЦП* — разработка программных и программно-аппаратных решений, а также технологий прикладного назначения;

2) *инфраструктурная ЦП* — предоставление ИТ-сервисов и информации для принятия решений, а также доступа к источникам данных, реализованных в инфраструктуре данной экосистемы;

3) *прикладная ЦП* — бизнес-модель по предоставлению возможности обмена определенными ценностями между большим числом независимых участников рынка путем проведения транзакций в единой информационной среде.

Нетрудно видеть, что реально существующие и создаваемые в налогообложении платформы не вполне будут отвечать этим признакам. Тогда, используя ранее полученные результаты авторского исследования [1], дополним картину содержательных представлений ГМНЭ с позиций платформенной страты (табл. 1).

Таблица 1

Частные определения ЦП в разрезе содержательных представлений модели

Представление	Частная дефиниция ЦП
1. Генетическое, pg	Платформа — когнитивная база для осуществления многопланового научно-технического сотрудничества по теории и практике налогообложения
2. Прогностическое, pp	Инфраструктурная ЦП для предсказания и конструирования будущего налоговой системы в контексте развития форсайт-технологий и футурологии
3. Целевое, pw	Прикладная ЦП как бизнес-модель динамической системы целеполагания для поэтапного формирования налоговой службы в качестве сервисной компании
4. Иерархическое, pi	Инфраструктурная ЦП для обоснования, разработки и внедрения современных адаптивных структур налогообложения в условия тотальной цифровизации
5. Функциональное, pf	Прикладная ЦП — бизнес-модель системы исполнения налоговой службой возложенных на нее традиционных и новых функций в цифровой экономике
6. Организационное, po	Прикладная ЦП для распределения задач, собственных и сторонних ресурсов в целях создания новых ценностей и обеспечения конкурентных преимуществ
7. Процедурное, pd	Инструментальная ЦП для разработки программно-аппаратных решений, регламентации процедур и действий акторов налоговых отношений
8. Интерактивное, pt	Прикладная ЦП — бизнес-модель для совершения сделок и автоматического исчисления налоговых платежей в момент транзакций
9. Иррациональное, pv	Инструментальная ЦП для создания виртуальной среды, моделирования налогов и налогообложения, принятия принципиально новых решений
10. Гомеостатическое, pr	Инфраструктурная ЦП для сохранения гомеостаза налоговой экосистемы в условиях неопределенности и человеческого фактора, налоговых и иных рисков
11. Инновационное, rp	Прикладная ЦП — модель открытых для инноваций сложных подсистем в условиях системной, динамичной трансформации общества и налогообложения

Окончание таблицы 1

Представление	Частная дефиниция ЦП
12. Вероятностное, ре	Прикладная ЦП — имитационная модель реализации проекта налогообложения-2050 в условиях неопределенности, системного подхода и человеческого фактора

На основе синтеза частных определений искомое понятие формулируется в более широком смысле, в зависимости от цели исследования и авторского видения проблемы. Так, исходя из дефиниций двух последних представлений, можно дать более широкое толкование: «Интегральная ЦП налоговой экосистемы — это имитационная модель, открытая для инноваций, динамическая в многомерном фазовом пространстве, нерефлексная в условиях неопределенности». Именно с этих позиций подвергнем разбору инструментарий, подразумевая применение интегрально-технологической страты для обеспечивающей подсистемы ГМНЭ.

Интегрально-технологическая страта.

Предлагаемая структура обеспечивающей части является лишь предварительным (разведывательным) исследованием, которое в условиях непрерывных системно-технологических транс-

формаций является отправным пунктом для обоснования и выбора будущих версий инструментальных средств. Здесь технология представляет собой «сложную развивающуюся систему артефактов, производственных операций и процессов, ресурсных источников, подсистем социальных последствий информации, управления, финансирования и взаимодействия с другими технологиями» [10, с. 456–457]. Системно-иерархический характер технологий делает их генератором инновационного развития систем.

Ниже выполнена декомпозиция обеспечивающей части экосистемы, то есть выделение 10 разрезов исследования как двояких видов обеспечения. Это позволяет соотнести каждому виду теоретические и практические наработки из разных областей знаний, обозначить контуры и новации современного инструментария налоговой экосистемы (табл. 2).

Таблица 2

Схематичное очертание обеспечивающей части ГМНЭ

№	Вид обеспечения: инструментарий
1	Научно-практическое обеспечение. Научные подходы: системный, интегральный. Теория и практика налогообложения, экологические налоги. Глобальные и локальные БД. Сайты — ФНС России, Statista, ICT. Moscow. Системно-технологические новации: глобальное моделирование, модель AQAL, ноосферизм, модели системной динамики, квантовые технологии
2	Кадрово-образовательное обеспечение. Экономика знаний: модель компетенций. S-образование: пожизненное обучение, PLE, коннективизм, MOOK. Цифровая трансформация: мобильное обучение, BYOD, интеллектуальные обучающие системы. Гигномика: аут- и краутсорсинг, самозанятые. Новации: машинное обучение, когнитивные системы, технологии VR/AR
3	Информационно-коммуникационное обеспечение. Единая БД налоговой службы: ЦОД, АИС «Налог-З», информационные технологии. Портал ФНС: справочная и открытая информация, программные средства, статистика и аналитика, электронный документооборот, онлайн-кассы. Новации: цифровая трансформация, веб-интеграция систем (элементов), экспорт технологий
4	Технико-технологическое обеспечение. Экосистемный подход к технологиям. Архитектура ЦОД: серверы, АРМ, каналы связи, облачные решения, виртуализация, блокчейн-платформа ФНС. Инструменты: ПК, смартфоны, планшеты, онлайн-кассы, программы и веб-сервисы. Новации: Data Mining, интеграция технологий, технологическая сингулярность
5	Политико-правовое обеспечение. Интернет-ресурсы и онлайн сервисы по налоговому праву. Многофункциональный центр «Мои документы», АИС МФЦ. Сайт Такском: IT-сервисы экосистемы. СМЭВ. Сайт ФНС: ресурс БФО, документы, программы, Госуслуги, Открытое правительство. Новации: регуляторная гильотина, регулятивная песочница, интеграция технологий
6	Управленческо-аналитическое обеспечение. Трендспоттинг. Инструменты налогового менеджмента. Технологии налогового администрирования: комплаенс, налоговый мониторинг, налог на самозанятых. Интернет-ресурсы и сервисы ФНС, веб-обзоры по налоговым спорам. Новации: форсайт-технология, цифровая трансформация, интеграция систем и технологий
7	Регуляторно-надзорное обеспечение. Реформа контрольно-надзорной деятельности ФНС, контрольная работа ФНС. Технологии в иных областях: финансовые (FinTech), регуляторные (RegTech), надзорные (SupTech) и CovidTech. Новации: интеграция технологий/элементов АИС/платформ, имплементация налоговых соглашений и правил
8	Модельно-виртуальное обеспечение. Модели: математические, статистические, имитационные, гипотетические, а также для экологического налогообложения. Инструментарий: имитация, человеко-машинный диалог, экспертная прогностика, технологии OLAP. Новации: нейронные сети, виртуальные модели, транспозиционная виртуальная модель

Окончание таблицы 2

№	Вид обеспечения: инструментарий
9	Человеко-роботизированное обеспечение. Взаимодействие человека и ИИ: мягкая сингулярность. Тренды: трансформация интернета и цифровой человек. Инструментарий: машинное обучение, нейросеть, интеллектуальные системы и роботы. Новации: биометрия, распознавание речи, IBM Watson, нейротехнологии, технология Neuralink, интеграция технологий
10	Риск-ориентированное обеспечение. Налогово-правовые аспекты рисков, мероприятия налоговой безопасности и налогового гомеостаза. Инструментарий ФНС: риск-ориентированный подход, мобильные приложения и проактивные сервисы. Инновационная перспектива: концептуальная модель ноосферизма, социо-экономико-экологическое налогообложение в контексте устойчивого развития, комбинированные SFC+IO модели

В таблице 2 представлен как сложившийся и активно используемый в налоговой сфере инструментарий, так и новый, предложенный авторами с учетом мировых трендов развития. В частности, считаем, что перспективным инструментом может стать Data Mining — интеллектуальный анализ больших данных, ибо эта технология позволяет выявить скрытые закономерности в налоговой сфере, что приведет к появлению новых направлений и тем научных изысканий. В основе значимого стартапа лежит либо новая технология, либо интеграция технологий. При этом системная динамика неимоверно ускоряется, и в 2045–2050 гг. наступит технологическая сингулярность (ТС). Это и есть новое направление научных исследований в налогообложении.

Важными инструментами налогового права могут стать «регуляторная гильотина» как масштабный пересмотр и отмена нормативных правовых актов и «регулятивная песочница» — особый правовой режим, разрешающий организациям проводить эксперименты по внедрению финансовых новаций без риска нарушения действующего законодательства [11].

Общепринятые и известные инструменты (имитация, человеко-машинный диалог, экспертная прогностика) дополняются технологией OLAP, назначение которой — подготовка агрегированной информации на основе больших массивов данных, структурированных по многомерному принципу. В качестве других новаций выступают:

- нейронная сеть в математическом моделировании, которую можно использовать в задачах управления и аналитике, а также в бюджетно-налоговом прогнозировании;
- транспозиционная виртуальная модель, которая добавляет фундаментальное свойство, а именно — способность к частичному, полному или превосходящему замещению физической реальности компьютерными моделями.

Сама идея, заложенная в моделях виртуализации, открывает широкие возможности их использования вместе с имитационными моделями. Имитация и виртуализация — почти единствен-

ное средство преодоления трудности сочетания формального и неформального мышления, а также замещения объектов налогообложения цифровыми двойниками.

Выводы и предложения. Таким образом, при обосновании и разработке ГМНЭ узловыми принципами стали: системный подход как конкретизация методов общей теории систем; изучение налогообложения с позиции сложности систем; интеграция потенциала современных теорий, концепций и технологий, а также практических новаций. Авторами предложено выделение трех линий исследования — страты: системная, платформенная и интегрально-технологическая.

С позиции наблюдателя налоговую экосистему необходимо рассматривать как сверхсложную систему (системная страта), которая строится на основе платформенного подхода, а перечень и наполнение цифровых платформ (платформенная страта) обусловливается целевым и функциональным назначением экосистемы. Тем самым очерчен рабочий вариант ГМНЭ, который в перспективе позволит приступить к разработке имитационной модели в области исследования и управления экосистемой.

Предварительное (разведывательное) изучение инструментального обеспечения ГМНЭ выполнено с помощью структурного анализа и декомпозиции подсистемы на 10 частей — видов обеспечения. Это позволило соотнести каждому виду обеспечения наработки из разных областей знаний и практического опыта, обозначить технологии и их интеграционный потенциал (интегрально-технологическая страта), а также очертить контуры и ориентиры технологического развития налоговой экосистемы в будущем.

Направления дальнейших исследований авторы видят в актуализации инструментария налоговой экосистемы для совершенствования анализа и оценки эффективности цифровых платформ, а также технологий их формирования. Безусловно, эти изыскания будут опираться на системно-интегральный подход.

В организационном плане необходима коллективная, скорейшая и научно обоснованная

разработка имитационной модели сверхсложной налоговой экосистемы, имеются в виду национальные приоритеты перехода в новый прогрессивный технологический уклад и цифровую

экономику. Поскольку в практическом плане уже успешно реализуется среднесрочная целевая установка ФНС — налоговая служба как высокотехнологичная сервисная компания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Викторова Н. Г., Евстигнеев Е. Н. Налоговая экосистема в контексте инновационно-технологических преобразований экономики // *Белорусский экономический журнал*. 2021. № 2 (95). С. 36–45.
2. Ильинский А. И. Агентное моделирование развития сложной налоговой экосистемы в случае размывания налоговой базы при внедрении Suptech и Regtech // *Хроноэкономика*. 2021. 4 (32). С. 62–65.
3. Рукина С. Н., Денисова И. П. Характеристика структурных компонентов экосистемы налогового контроля // *Инновационное развитие современного общества: актуальные вопросы теории и практики*. Пенза, 2021. С. 48–50.
4. Волкова В. Н. Развитие определения системы // *Материалы международной научно-практической конференции «Системный анализ в проектировании и управлении»*. СПб., 2001. С. 12–14.
5. Месарович М. Общая теория систем и ее математические основы // *Исследования по общей теории систем: сб. переводов / под ред. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина*. М., 1969. 520 с.
6. Многогранность современной пандемической реальности: коллективная монография / под ред. Е. С. Вылковой. СПб., 2021. 300 с.
7. Bertalanfy L. von. General System Theory — a Critical Review // *General System*. Vol. VII. 1962. Pp. 1–20.
8. Соколов Я. В., Соколов В. Я. История бухгалтерского учета: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009. 287 с.
9. Бабкин А. В., Куратова А. Классификация и характеристика цифровых платформ в экономике // *Вектор экономики*. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/12/innovationmanagement/Babkin_Kuratova.pdf (дата обращения: 08.01.2022).
10. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1991, 560 с.
11. Что такое «Регуляторная гильотина»? URL: <https://knd.ac.gov.ru/about/> (дата обращения: 12.01.2022).

REFERENCES

1. Viktorova N. G., Evstigneev E. N. Tax ecosystem in the context of innovative and technological transformations of the economy // *Belarusian Economic Journal*. 2021. No. 2 (95). Pp. 36–45.
2. Ilyinsky A. I. Agent-based modeling of the development of a complex tax ecosystem in the event of erosion of the tax base during the implementation of Suptech and Regtech // *Chronoeconomics*. 2021. 4 (32). Pp. 62–65.
3. Rukina S. N., Denisova I. P. Characteristics of the structural components of the ecosystem of tax control // In the collection: *Innovative development of modern society: topical issues of theory and practice*. Penza, 2021. Pp. 48–50.
4. Volkova V. N. Development of the system definition // *International Scientific and Practical Conference «System Analysis in Design and Management»*. SPb., 2001. Pp. 12–14.
5. Mesarovich M. General theory of systems and its mathematical foundations // *Research on general theory of systems: Sat. translations / ed. V. N. Sadovsky and E. G. Yudin*. M., 1969. 520 p.
6. The versatility of modern pandemic reality: a collective monograph / ed. E. S. Vylkova. SPb., 2021. 300 p.
7. Bertalanfy L. von. General System Theory — a Critical Review // *General System*. Vol. VII. 1962. Pp. 1–20.
8. Sokolov Ya. V., Sokolov V. Ya. History of accounting: textbook. 3rd ed., revised. and additional. M., 2009. 287 p.
9. Babkin A. V., Kuratova A. Classification and characteristics of digital platforms in the economy // *Economy Vector*. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/12/innovationmanagement/Babkin_Kuratova.pdf (date of access: 08.01.2022).
10. Philosophical dictionary / ed. I. T. Frolova. M., 1991. 560 p.
11. What is the Regulatory Guillotine? URL: <https://knd.ac.gov.ru/about/> (date of access: 12.01.2022).

Поступила в редакцию: 24.03.2022.

Принята к печати: 22.04.2022.

АНАЛИЗ БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Ю. М. Ильиных^{1,2}, Ж. М. Козлова^{1,2}

¹Алтайский филиал финансового университета при Правительстве РФ, (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия)

В данной статье изложены результаты анализа уровня бедности населения Российской Федерации и Алтайского края, раскрывается содержание основных показателей бедности. Они позволили определить межрегиональные различия и пространственную дифференциацию уровня бедности в разрезе субъектов РФ. Приведены статистические данные за 2010–2022 гг. по величине прожиточного минимума и доле населения, которая имеет величину доходов меньше прожиточного минимума, что позволяет провести оценку и анализ уровня бедности в крае. Выявлены методы, которые применяются в Алтайском крае для устранения данной проблемы, обоснованы наиболее перспективные инструменты снижения бедности как в сфере политики занятости и заработной платы, так и в области повышения эффективности реализации мер социальной поддержки населения. Рассмотрены основные технологии органов государственной и местной власти по преодолению бедности населения. Решение проблемы бедности в России и Алтайском крае должно стать приоритетной задачей внутренней социально-экономической политики правительства.

Ключевые слова: прожиточный минимум, качество жизни, уровень бедности, потребительская корзина.

POVERTY ANALYSIS OF THE POPULATION IN ALTAI KRAI

Y. M. Ilinykh^{1,2}, Z. M. Kozlova^{1,2}

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Altai branch (Barnaul, Russia)

²Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russia)

This article analyzes the level of poverty of the population of the Russian Federation and the Altai Territory, reveals the content of the main indicators of poverty. They made it possible to determine interregional differences and spatial differentiation of the level of poverty in the context of the constituent entities of the Russian Federation. Statistical data for 2010–2022 are given, in terms of the subsistence minimum and the share of the population that has incomes less than the subsistence minimum, which makes it possible to assess and analyze the level of poverty in the region. The methods that are used in the Altai Territory to eliminate this problem are identified, the most promising tools for reducing poverty are substantiated both in the field of employment policy and wages, and in the field of increasing the effectiveness of the implementation of social support measures for the population. The main technologies of state and local authorities to overcome the poverty of the population are considered. Solving the problem of poverty in Russia and the Altai Territory should become a priority task of the government's internal socio-economic policy.

Keywords: living wage, the quality of life, the level of poverty, consumer basket.

Бедность населения — это многогранная проблема, и само понятие бедности значительно различается между обществами и внутри них. Бедность можно рассматривать в контексте абсолютного, относительного и субъективного измерения. При измерении бедности Организа-

ция экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) сосредотачивается на показателях относительного дохода, поскольку считается, что этот подход учитывает различные уровни благосостояния в обществе и позволяет сравнивать ситуации с доходами в разных странах. Информация об относи-

тельном доходе [1] дает возможность сделать выводы об условиях жизни людей.

Ключевым показателем ОЭСР для международного сравнения бедности является ее уровень, который определяется как процент людей, живущих в домохозяйствах, доход которых составляет менее половины медианного дохода домохозяйства от всего населения [2]. Согласно этой статистике, уровень бедности в 2019 г. составлял 8,4% во Франции, 9,8% — в Германии, 11,5% — в России и 18% — в США [2]. С точки зрения качественного исследования бедности в России эта цифра поразительна. На самом деле значение для России очень близко к тому, что приводит Федеральная служба государственной статистики России. Данная служба указывает как национальный уровень бедности в России на 2019 г. — 12,3%, на 2020 г. — 12,1% [3].

Насколько высок уровень бедности в России? По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2020 г. за чертой бедности проживало 17,8 млн россиян [3]. Это средний показатель по стране, но уровень бедности различается по 85 субъектам федерации — от 4,9% (Ямало-Ненецкий автономный округ) до 30% (Республика Ингушетия) [4]. В Алтайском крае этот показатель — 17,5% [4]. «Бедные» определяются как те, кто живет в домохозяйствах, в которых общий доход ниже установленного законом прожиточного минимума, который представляет собой нижний порог того, что считается необходимым для физического выживания. В 2022 г. ежемесячный прожиточный минимум в стране установлен в размере 11950 руб. (114 долл. США на 23 марта 2022 г.).

Прожиточный минимум и уровень бедности в России являются центральными ориентирами государственной политики по борьбе с ней. Например, во многих положениях о социальном обеспечении, основанных на проверке нуждаемости, прожиточный минимум упоминается как порог нуждаемости. Однако прожиточный минимум часто подвергается критике за то, что он установлен слишком низко, а также за то, что он не отражает реальных затрат на повседневную жизнь. Это выявил, в частности, опрос, проведенный независимым социологическим институтом Левада-Центр в 2019 г. В этом опросе респонденты оценили воспринимаемый прожиточный минимум почти в два раза выше официальной черты бедности [5]. Принимая за основу этот субъективный прожиточный минимум, в 2018 г. почти 25% всех жителей России жили за чертой бедности при условии, что уровень бедности в 2018 г. составил 12,6% от общей численности населения [3].

Что касается аграрного Алтайского края, то, как было указано выше, уровень бедности в 2020 г.

составлял 17,5%. В регионах аграрной специализации, где достаточно большая доля трудоспособного населения занята в сельском хозяйстве — отрасли с самой низкой оплатой труда, — бедность стала повсеместно распространенным явлением, и таким образом аграрные регионы превратились в территории хронической бедности. Так, уровень бедности в Краснодарском крае — 10,6%, в Архангельской области — 12,8%, в Республике Башкортостан — 11,7%, в Ставропольском крае — 14% и др. [4]. То есть ситуация в Алтайском крае выглядит удручающей на фоне регионов с подобной специализацией.

«Несмотря на то, что острота бедности населения России с 2000-х гг. начала снижаться (с 28,9% в 2000 г. до 12,1% в 2021 г.), масштабы этого явления в регионах остаются значительными» [4]. К началу «нулевых» Алтайский край стал отставать почти в два раза. На сегодняшний момент доходы граждан края отличаются от среднероссийских на 43% в меньшую сторону. Такая же динамика наблюдается и в средних зарплатах, которые сегодня меньше, чем в целом в стране, почти на 35%. В 2020 г. по среднедушевым доходам Алтайский край занимал 69-е место среди всех субъектов РФ, по зарплатам — 77-е. По сравнению с данными по России, нищета в Алтайском крае идет с опережением [3].

«Общая картина масштабов и динамики бедности населения Алтайского края в сравнении с динамикой общероссийских показателей представлена с использованием абсолютной концепции бедности: на основе данных официальной статистики (к бедным причислены граждане (домохозяйства), имеющие среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума)» [3] (рис. 1).

Основными критериями, по которым можно дать характеристику бедности населения, выступают численность и доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, показатель среднедушевого денежного дохода населения, дефицит денежного дохода и др.

Как следует из рисунка 2, прожиточный минимум в Алтайском крае в течение 12 лет постоянно был меньше среднего прожиточного минимума в РФ. В среднем разница прожиточных минимумов за весь период между РФ и регионом составила 7,45%, но наибольшая наблюдалась в 2021 г. и составила 8,5% (988 руб.) С 2010 по 2022 г. прожиточный минимум в РФ увеличился в 2,1 раза, а в Алтайском крае — в 2 раза. Из-за этого растет уровень бедности в регионе, так как при незначительном росте заработной платы увеличиваются в несколько раз затраты жителей на обеспечение жизнедеятельности.

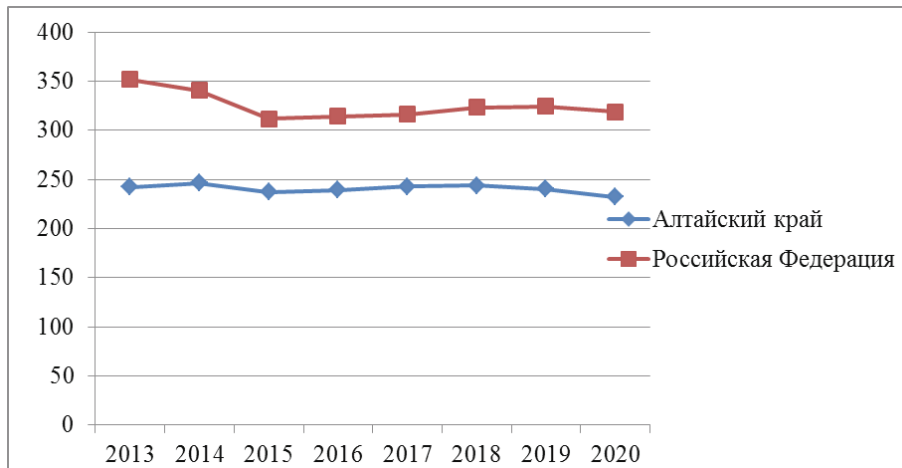

Рис. 1. Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума в целом по России и по Алтайскому краю в 2013–2020 гг., % [3]

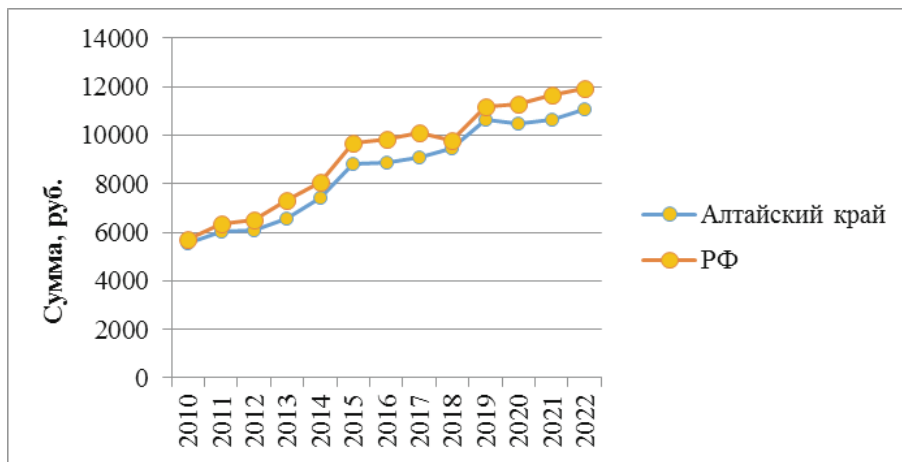

Рис. 2. Размер прожиточного минимума в РФ и Алтайском крае в 2010–2022 гг.

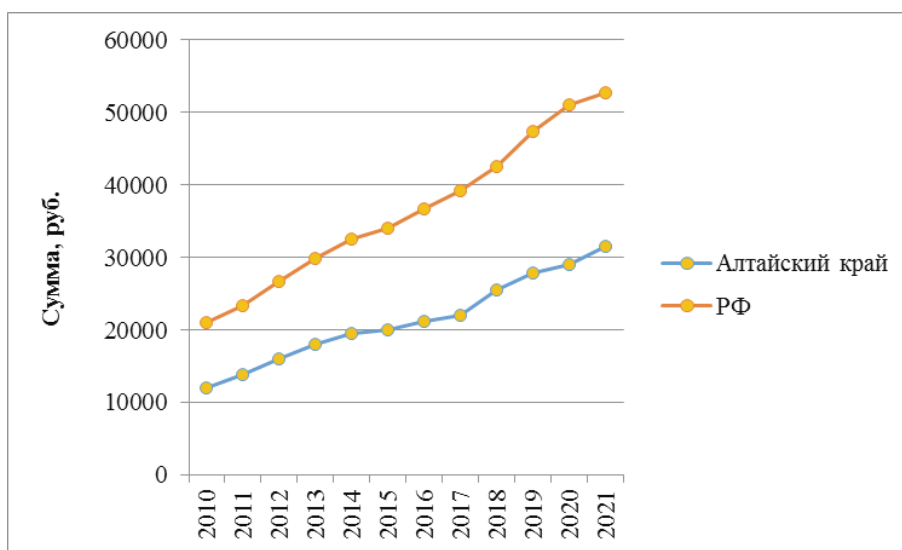

Рис. 3. Заработная плата в РФ и Алтайском крае в 2010–2021 гг.

С начала 2010 г. заработная плата выросла в регионе на 62%, а в целом по России за тот же период — на 60%, но этого недостаточно для того, чтобы достичь уровня зарплат в среднем по стране в целом. Такой разрыв между величиной заработной платы в Алтайском крае и РФ может быть связан с тем, что около половины жителей региона проживают в сельской местности, из которых 17,5% трудятся в сельскохозяйственной отрасли, где наблюдается один из самых низких уровней оплаты труда. При этом было зафиксировано, что помимо отрасли сельского хозяйства невысокие заработные платы наблюдаются в таких отраслях, как рыболовство, обрабатывающее производство, оптовая и розничная торговля, ремонт транспортных средств, образование и здравоохранение, где трудится большая часть населения (72%). Следовательно, средняя заработная плата в регионе и далее будет находиться на достаточно низком уровне, что способствует повышению уровня бедности населения.

Население с доходами меньше прожиточного минимума в Алтайском крае превышало до 2013 г.

долю такого населения РФ в среднем на 9–10%. Это говорит о том, что в нашем регионе находится намного больше жителей за чертой бедности, по сравнению с другими регионами РФ. Так, сегодня в крае проживает свыше 400 тыс. человек, доходы которых ниже прожиточного минимума. Уровень бедности в Алтайском крае заметно снизился в 2013 г. с 23,9 до 17,6%, затем начиная с 2014 до 2021 г. он находился в стабильном положении и не превышает 18%.

Такой уровень населения с доходами меньше прожиточного минимума возможен и из-за высокого уровня безработицы. Алтайский край в 2021 г. занимал 53-е место в рейтинге РФ по безработице. Более 70% безработных проживают в сельской местности, где имеется только лишь 46% свободных рабочих мест. Также 85% свободных вакансий требуют высшего или среднего профессионального образования, при этом среди безработных также образование имеется только лишь у 31%. Другими словами, у большинства возникают проблемы при поиске работы, что ведет к увеличению безработицы.

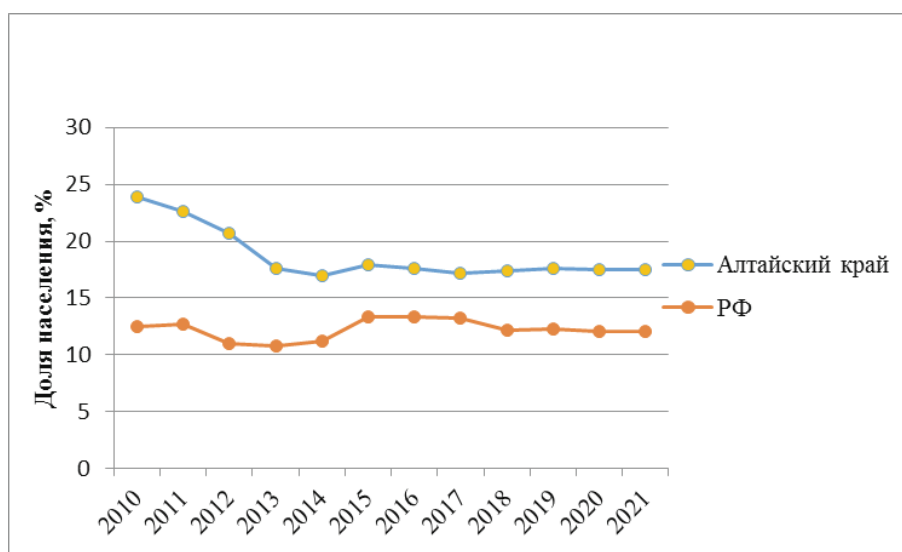

Рис. 4. Доля населения РФ и Алтайского края с доходами меньше прожиточного минимума с 2010 по 2021 г. от общей величины

В Алтайском крае применяется ряд методов для борьбы с бедностью населения. Рассмотрим основные технологии органов государственной и местной власти по ее преодолению. По состоянию на 2021 г. в Алтайском крае реализовывалось более двадцати краевых целевых программ, большая часть из которых включала в себя меры по борьбе с бедностью, помощи бедным. На данный момент в крае также реализуют целевую программу в данном контексте. За полтора года выделено почти 40 млрд руб. — средства регионального и федерального бюджетов. На эти деньги

удалось реализовать комплекс мер по поддержке населения. Что касается мер Алтайской программы по борьбе с бедностью, то она реализуется путем индексации зарплат, создания новых рабочих мест, а также за счет адресных мер в виде пособий нуждающимся, социальных контрактов, трудоустройства, переобучения, повышения квалификации и т. д. Программа включает в себя 59 мероприятий, из которых 33 — это повышение уровня доходов граждан, в том числе средней заработной платы, которая по плану должна превышать темпы инфляции.

Таковыми мерами уже охвачено 1,6 млн жителей региона. Ежегодно зарплату повышают более чем 500 тысячам работников, социальную поддержку получили более 135 тысяч семей с детьми, субсидии на оплату жилья — более 80 тысяч малоимущих.

Результатом этой работы, по предварительной оценке Алтайкрайстата, в первом полугодии 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года среднедушевые денежные доходы населения увеличились на 5,3% и составили 22874 руб. В 2020 г. этот показатель составлял 21731 руб. Также статистика зафиксировала рост средней зарплаты с 28716 руб. до 31328 руб. — на 8,9%. Однако экономисты отмечают, что в реальном выражении доходы населения сократились на фоне снижения экономической активности и роста инфляции. Тем не менее по итогам 2021 г. численность граждан с доходами ниже прожиточного минимума уменьшилась на 5,6 тысячи человек [6]. Более того, специалисты опасаются, что по итогам этого года уровень бедности может вырасти с 17,5 до 19,2%. Такие перспективы могут вызвать ряд вопросов: почему же показатель подрастет? Зарплаты растут, социальные выплаты увеличиваются, пенсии не снижаются, величина прожиточного минимума была повышена — все между собой коррелирует [7]. Дело в том, что предполагаемые результаты рассчитывались еще в 2019 г. — до пандемии и применения мер федеральной поддержки, установленных на то время, может быть недостаточно, так как наблюдается снижение экономической активности населения, падение доходов от предпринимательства и реально располагаемых доходов, а также рост инфляции. Среднедушевые доходы населения края в 2020–2021 гг. снизились,

а реальные доходы сократились уже на 3%, причем средняя зарплата, по официальным данным, растет темпами выше инфляции [8]. Это обусловлено падением заработков от предпринимательской деятельности и управления недвижимостью. Но все же этого недостаточно для борьбы с бедностью населения, так как экономическую ситуацию осложнила пандемия: так, в этот период значительно снизилась экономическая активность, уменьшились доходы от предпринимательства, а также произошел рост инфляции. Поэтому основной целью региональной программы на сегодняшний день является снижения уровня бедности с 17,8 до 8,5%, такой показатель должен быть достигнут к 2030 г. [9].

Таким образом, можно сделать следующие выводы: во-первых, анализ данных об уровне бедности в России и Алтайском крае показывает, что он колеблется от одной восьмой (официальная черта бедности) до одной трети (социологическая оценка) [10]; во-вторых, не приводит ли сравнение очень разных обществ на основе одномерного индикатора бедности, подобного тому, который используется ОЭСР, к неправильному пониманию ситуации с бедностью в России? Принимая во внимание российский случай, кажется, что чем больше общества различаются с точки зрения их экономического благосостояния и характера их систем социального обеспечения, тем труднее становится такое сравнение. В то время как в одном обществе бедность является проблемой, угрожающей самому существованию человека, в других обществах это вопрос социальной изоляции. Другими словами, показатель бедности для межнационального анализа должен включать как минимум несколько аспектов бедности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фёрстер М., д'Эрколе М. М. Подход ОЭСР к измерению распределения доходов и бедности: сильные стороны, ограничения и статистические проблемы. URL: http://umdcipe.org/conferences/oecdumd/conf_papers/Papers/The_OECD_Approach_to_Measuring_Income_Distribution_and_Poverty.pdf (дата обращения: 20.03.2022).
2. Уровень бедности. URL: <https://data.oecd.org/inequality/poverty-rate.htm> (дата обращения: 21.03.2022).
3. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723#> (дата обращения: 22.03.2022).
4. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в целом по России и по субъектам Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723#> (дата обращения: 22.03.2022).
5. Оценка необходимого прожиточного минимума среди россиян. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/20/otsenka-neobhodimogo-prozhitochnogo-minimuma-sredi-rossiyan/> (дата обращения: 23.03.2022).
6. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. URL: <http://ak.gks.ru> (дата обращения: 24.03.2022).

7. Разумов А. А., Селиванова О. В. Бедность в России: региональные особенности // Социально-трудовые исследования. 2021. № 4. С. 75–88.
8. Лев М. Ю. Бедность и прожиточный уровень населения в обеспечении социально-экономической безопасности // Экономическая безопасность. 2021. Т. 4. № 3. С. 549–570. DOI: 10.18334/ecsec.4.3.112403.
9. Пастухова Е. Я., Мухачёва А. В., Кочнева О. П. Уровень, динамика, факторы абсолютной и относительной бедности: региональный аспект // Вопросы управления. 2021. № 3. С. 80–92.
10. Елисеева И. И., Раскина Ю. В. Измерение бедности в России: возможности и ограничения // Вопросы статистики. 2017. № 8. С. 70–89.

REFERENCES

1. Förster M., d'Ercole M. M. The OECD approach to measuring income distribution and poverty: strengths, limits and statistical issues. URL: http://umdcipe.org/conferences/oecdumd/conf_papers/Papers/The_OECD_Approach_to_Measuring_Income_Distribution_and_Poverty.pdf (date of access: 20.03.2022).
2. Poverty rate. URL: <https://data.oecd.org/inequality/poverty-rate.htm> (date of access: 21.03.2022).
3. The population with cash incomes below the subsistence level and a shortage of cash income. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723#> (date of access: 22.03.2022).
4. Number of population with cash income below the siving minimum in Russia and in the Russian Federation as a whole. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723#> (date of access: 22.03.2022).
5. Estimation of the necessary subsistence minimum among Russians. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/20/otsenka-neobhodimogo-prozhitochnogo-minimuma-sredi-rossiyan> (date of access: 23.03.2022).
6. Official website of the Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory URL: <http://ak.gks.ru> (date of access: 24.03.2022).
7. Razumov A. A., Selivanova O. V. Poverty in Russia: regional features // Social and labor research. 2021. No. 4. Pp. 75–88.
8. Lev M. Yu. Poverty and the subsistence level of the population in ensuring socio-economic security // Economic security. 2021. Vol. 4. No. 3. Pp. 549–570. DOI: 10.18334/eccess.4.3.112403.
9. Pastukhova E. Ya., Mukhacheva A. V., Kochneva O. P. Level, dynamics, factors of absolute and relative poverty: regional aspect // Issues of management. 2021. No. 3. Pp. 80–92.
10. Eliseeva I. I., Raskina Yu. V. Measuring Poverty in Russia: Opportunities and Limitations // Questions of Statistics. 2017. No. 8. Pp. 70–89.

Поступила в редакцию: 25.03.2022.

Принята к печати: 19.04.2022.

РЕГИОНЫ РОССИИ КАК ЦЕНТРЫ ПРИТЯЖЕНИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В. А. Корецкая-Гармаш

Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

В статье рассматривается проблема выбора специального налогового режима субъектами малого предпринимательства (организацией) с целью уменьшения фискальной нагрузки на бизнес. Целью статьи является определение регионов России с «привлекательными» налоговыми условиями для создания субъектов малого предпринимательства в условиях специальных налоговых режимов с учетом налоговых изменений в практике имущественного налогообложения. Выявлены регионы России, имеющие наибольшую долю занятого трудоспособного населения в малом бизнесе за 2018–2020 гг. Установлены особенности налогообложения имущества организаций в зависимости от его местонахождения и вида недвижимого имущества; транспортных средств в зависимости от региона их регистрации, мощности и срока выпуска. Рассмотрены изменения налогового законодательства имущественного налогообложения организаций в условия специальных налоговых режимов. Сделаны выводы о целесообразности выбора налогоплательщиками г. Москвы, Санкт-Петербурга, Калининградской, Новосибирской, Свердловской, Воронежской и Тюменской областей для открытия бизнеса и выбора специального налогового режима. Полученные результаты представляют интерес для российских организаций, использующих специальные налоговые режимы.

Ключевые слова: регион, специальные налоговые режимы, малое предпринимательство, имущественные налоги, упрощенная система налогообложения, единый сельскохозяйственный налог.

REGIONS OF RUSSIA AS CENTERS OF GRAVITORY FOR SMALL AND MEDIUM-SITEZ BUSINESSES (ORGANIZATIONS) CENDEZ SPECIAL TAX REGIONS

V. A. Koretskaia-Garmash

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia)

The paper deals with the problem of choosing a special tax regime by small businesses (enterprises) in order to reduce the fiscal burden on business. The purpose of the article is to identify the regions of Russia with «attractive» tax conditions for the creation of small businesses in the conditions of special tax regimes, taking into account tax changes in the practice of property taxation. The regions of Russia with the largest share of the employed able-bodied population in small business for 2018–2020 have been identified. The features of the taxation of property of organizations depending on its location and type of real estate are established; vehicles depending on the region of their registration, capacity and date of issue. Changes in the tax legislation of property taxation of organizations in the conditions of special tax regimes are considered. Conclusions are drawn about the expediency of taxpayers choosing the cities of Moscow, St. Petersburg, Kaliningrad, Novosibirsk, Sverdlovsk, Voronezh and Tyumen regions for starting a business and choosing a special tax regime. The results obtained are of interest to Russian organizations using special tax regimes.

Keywords: region, special tax regimes, small business, property taxes, simplified taxation system, unified agricultural tax.

Актуальность исследования. В 2016 г. Правительством РФ была разработана стратегия развития малого и среднего предпринимательства, реализация которой должна позволить увеличить долю малых и средних предприятий в валовом внутреннем продукте (ВВП) в два раза — с 20 до 40%, оборот малых и средних предприятий — в 2,5 раза, производительность труда — в 2 раза, долю обрабатывающей промышленности в обороте сектора малого и среднего предпринимательства — до 20% без учета физических лиц — индивидуальных предпринимателей (ФЛ-ИП), долю количества занятых в этой сфере в общей численности занятого населения — до 35% [1]. Но реалии 2019 г. внесли свои жесткие коррективы в реализацию данной программы из-за пандемии новой короновирусной инфекции, и главной задачей в этой связи стало сохранение показателей на уровне 2018 г., разработка комплекса мероприятий, в том числе и налоговых, для поддержания тех субъектов, которые наиболее сильно пострадали от последствий пандемии и, несмотря на риск, приняли решение о начале своей предпринимательской деятельности с привлечением наемных работников. Изменения законодательства нашли свое отображение в главном законодательном документе России — Налоговом кодексе в части применения специальных налоговых режимов для субъектов малого предпринимательства.

Вопросы целесообразности использования специальных налоговых режимов интересуют широкую аудиторию, включающую органы власти и общественность. Право выбора, предоставленное налоговым законодательством налогоплательщикам, нашло свое отражение в количестве созданных и работающих организаций с позиции микро- и малых предприятий, подходящих под критерии специальных налоговых режимов по численности работающих и объему полученных доходов.

Среди субъектов малого и среднего предпринимательства в России наибольший удельный вес приходится на микропредприятия с численностью работников до 15 человек, и данный показатель достиг своего максимального значения в 2019 г. — 91,5% [2]. В 2020–2021 гг. наблюдается незначительное уменьшение их количества, причиной которого стала неблагоприятная экономическая ситуация в России и мире.

В отличие от микропредприятий количество малых предприятий после 2018–2019 гг., показавших резкое снижение на 0,3 и 0,4 п. п., в 2020 и 2021 гг. наблюдается рост на 0,2 п. п., как результат государственной финансовой помощи организациям, наиболее сильно пострадавшим от действия новой короновирусной инфекции.

Малые предприятия (включая микропредприятия) по территории России размещены крайне неравномерно. Наибольшее число работников трудоустроено в Центральном — 31,4%, Приволжском — 20,8% и Северо-Западном федеральных округах — 12,2%, среднее значение в Сибирском — 10,8%, Южном — 8,9%, Уральском федеральном округе — 8,4% и меньше всех — в Дальневосточном — 5,2% и Северо-Кавказском округе — 2,3% [3].

Степень изученности и проработанности проблемы. Налоговый кодекс РФ (п. 1 ст. 18 НК) [4] дает определение понятию «специальные налоговые режимы», которые предусматривают особый порядок определения элементов налогообложения, а также освобождение от обязанности по уплате отдельных налогов и сборов, в том числе федеральных, региональных и местных.

Е. А. Смородина и М. А. Масленникова [5, с. 449] указывают на незначительное влияние субъектов малого предпринимательства на экономическое и социальное формирование общества в отличие от промышленно развитых стран Юго-Восточной Азии, Америки и Западной Европы, где на его долю приходится до 60% ВВП. Создание, реализация и совершенствование специальных налоговых режимов являются государственными инструментами, направленными на решение проблем развития малого бизнеса, которых у малых предприятий немало, и на первом месте находится проблема высокого размера налогового бремени [6, с. 37].

Н. В. Свиридова и коллектив авторов [7, с. 6] рассматривают специальные налоговые режимы как государственный инструмент для стимулирования развития малого предпринимательства путем снижения размера фискальной нагрузки и упрощения налоговых расчетов.

Н. З. Зотиков [8] указывает на то, что налоги по специальным налоговым режимам не являются основополагающими доходообразующими налогами, основная цель установления специальных налоговых режимов — стимулирование развития малого предпринимательства.

В зарубежной практике также применяются особые, упрощенные режимы налогообложения с целью стимулирования предпринимательской деятельности. В налоговом законодательстве стратегического партнера России Республики Беларусь [9] (ст. 10 НК РБ) на законодательном уровне закреплён особый режим налогообложения, под которым понимается специальный порядок исчисления и уплаты налогов, сборов (пошлин), применяемый в случаях и порядке, установленных Особенной частью настоящего Кодекса или Президентом Республики Беларусь.

С. Elschner [10] доказала в исследовании, что форма специального налогового режима (снижение налоговой ставки, предоставление налогового кредита налогоплательщику или уменьшение налоговой базы) оказывает значительное влияние на выбор организационной формы хозяйствующими субъектами. Также М. Engelschalk [11] придерживается мнения о том, что специальные налоговые режимы могут создавать стимулы для сохранения небольшого размера предприятий.

Во многих странах мира существуют специальные налоговые режимы, направленные на снижение затрат малого бизнеса и расходов налоговых органов по соблюдению и выполнению требований налогового законодательства [12].

R. Bird [13] и S. Terkper [14] указывают, что специальные налоговые режимы могут использоваться с целью уклонения от уплаты корпоративных налогов налогоплательщиками путем выделения из структуры организации малых предприятий, и личных налогов в качестве субъекта малого бизнеса.

Обобщив теоретические аспекты и практический опыт использования специальных (особых) налоговых режимов, можно утверждать, что данное направление необходимо рассматривать как комплексную категорию, которая направлена на решение трех задач: фискальной, контрольной, стимулирующей.

В ходе исследования были применены следующие методы научного познания: сравнительный анализ, графический и табличный методы. Метод сравнительного анализа позволил осуществить выбор регионов России по наибольшему количеству работников, занятых в сфере малого бизнеса (ор-

ганизаций), а также сравнить по регионам ставки налога на имущество организаций в зависимости от объекта налогообложения и транспортного налога в зависимости от мощности транспортного средства организации.

Графический метод использовался для наглядного представления вводимых в действие изменений НК РФ в сфере имущественного налогообложения организаций в условиях специальных налоговых режимов.

Виды налогов, от уплаты которых освобождаются организации при выборе и переходе на использование специальных налоговых режимов, представлены с использованием табличного метода.

Цель исследования — определение регионов России с «привлекательными» налоговыми условиями для создания субъектов малого предпринимательства в условиях специальных налоговых режимов с учетом налоговых изменений в практике имущественного налогообложения.

Специальные налоговые режимы: сущность и преимущества использования организациями. Согласно НК РФ, физические лица и индивидуальные предприниматели в соответствии с критериями, связанными с видом деятельности, размером доходов, стоимостью основных средств, долей участия других юридических лиц и численности занятых работников могут выбрать четыре из пяти специальных налоговых режимов, а юридические лица — три — единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН); упрощенную систему налогообложения (УСН) и соглашение о разделе продукции. Каждый специальный налоговый режим различается по видам налогов, от уплаты которых освобождается юридическое лицо (табл. 1).

Таблица 1

Освобождение от обязанности по уплате отдельных видов налогов организаций, работающих в условиях специальных налоговых режимов

Виды налогов, от уплаты которых освобождаются юридические лица	Специальные налоговые режимы		
	УСН	ЕСХН	Соглашение о разделе продукции
Налог на прибыль организаций	да (кроме иностранных компаний, для доходов, полученных в виде % по ценным бумагам, дивидендам)	да (кроме иностранных компаний, для доходов, полученных в виде % по ценным бумагам, дивидендам)	да
НДС	да (кроме НДС при ввозе товаров на таможенную территорию РФ)	нет	да
Налог на имущество организаций	да (кроме объектов недвижимого имущества, налоговая база определяется как кадастровая стоимость)	да на имущество, используемое при производстве, переработки, реализации сельскохозяйственной продукции и оказании услуг сельскохозяйственными товаропроизводителями	да на имущество (ОФ, нематериальные активы, запасы, затраты), используемое для осуществления деятельности по соглашениям

Окончание таблицы 1

Виды налогов, от уплаты которых освобождаются юридические лица	Специальные налоговые режимы		
	УСН	ЕСХН	Соглашение о разделе продукции
Транспортный налог	нет	нет	да транспортные средства, используемые для осуществления деятельности по соглашениям (кроме легковых авто)
Таможенная пошлина	нет	нет	да товары, ввозимые на территорию РФ для выполнения работ по соглашениям, продукция, произведенная и вывозимая с территории РФ

Региональный аспект развития малого предпринимательства и результативность использования специальных налоговых режимов. В 2021 г. наблюдалась тенденция к снижению численности занятых в малом бизнесе в целом по России и отдельным регионам, представленная в таб-

лице 2 [15–17]. В целом по стране она снизилась на 4% и сокращение было зафиксировано в 69 регионах, причем в некоторых довольно существенное. На 10% и более численность занятых на предприятиях малого бизнеса снизилась в 16 регионах [17].

Таблица 2

Регионы-лидеры России по численности занятых в малом бизнесе за 2018–2020 гг., %

Субъект РФ	2018	2019	2020	Изменение, п. п.	
				2020/2019	2020/2018
Калининградская область	24,9	23,8	23,5	-0,3	-1,4
Новосибирская область	24,1	22,8	23,9	1,1	-0,2
г. Санкт-Петербург	23,4	23,6	24,0	0,4	0,6
г. Москва	23,1	20,4	21,3	0,9	-1,8
Хабаровский край	21,8	23,8	17,3	-6,5	-4,5
Нижегородская область	21,2	21,8	22,0	0,2	0,8
Свердловская область	19,1	18,7	19,1	0,4	0
Воронежская обл.	19,1	18,2	15,6	-2,6	-3,5
Псковская область	18,6	17,5	17,0	-0,5	-1,6
Тюменская область	18,5	18,1	17,2	-0,9	-1,3

В соответствии с таблицей 2 по итогам 2020 г. лидерами среди регионов России по численности занятых в малом бизнесе являются г. Санкт-Петербург, Новосибирская, Калининградская и Нижегородская области, г. Москва. В каждом из этих регионов на микро- и малых предприятиях работает более 20% от общей численности рабочей силы.

В первой десятке присутствуют регионы различных федеральных округов, за исключением Южного и Северо-Кавказского с различным уровнем экономического развития. В экономически благополучных регионах — Новосибирская область, г. Санкт-Петербург, г. Москва, Свердловская область высокая доля населения, занятого в малом бизнесе, является результатом мультипликативного эффекта от деятельности крупных экономических субъектов, то в регионах, слабых в экономическом отношении — Калининградская и Нижегородские

области, малый бизнес является способом существования значительной доли населения, которое не может найти высокооплачиваемую и достойную работу.

Государственная помощь, оказываемая ФЛ-ИП и юридическим лицам субъектам малого бизнеса в 2019–2020 гг., позволила не только вернуться к показателям 2018 г., но и в ряде регионов его превысить. К таким регионам можно отнести Нижегородскую область — 22,0% в 2020 г. против 21,2% в 2018 г.; Новосибирскую область — 23,9% в 2020 г. против 24,1% в 2018 г., г. Санкт-Петербург — 24,0% в 2020 г. против 23,4% в 2018 г., Свердловская область в 2020 г. осталась на уровне 2018 г. в размере 19,1%.

Имущественные налоги, уплачиваемые организациями в условиях специальных налоговых режимов. Условия специальных налоговых

режимов предусматривают освобождение от уплаты отдельных видов налогов, но не освобождают от уплаты имущественных налогов, устанавливаемых региональными и местными органами власти, и данное обстоятельство имеет решающее значение при выборе региона России для создания организации.

За период с 2018 по 2020 г. наблюдается снижение доли налогов на имущество в общем объеме налоговых поступлений с 5,1% в 2018 г. до 4,54% в 2020 г. [18]. В 2019 г. размер исчисленных налогов на имущество составлял рекордно низкое значение 2,4% от общего объема налоговых доходов бюджетной системы РФ, но налогоплательщиками было уплачено в 3,02 раза больше, чем было начислено.

Наибольший удельный вес в 2018 г. в структуре налога на имущество приходился на налог на имущество организаций в размере 82,96%, в 2019 г. размер уплаченного налога на имущество организаций в 3,8 раза превысил размер исчисленного налога, а в 2020 г. больше только на 2,76%.

Исчисленная к уплате сумма транспортного налога в структуре налога на имущество в 2018 г. составляла 3,2%, из которых на юридических лиц приходилась сумма в размере 93,8%, а остальная часть на физических лиц собственников транспортных средств. Но уплаченная сумма транспортного налога физическими лицами в 2018 г. в 54,9 раза больше, чем исчисленная, в 2019 г. в 39,2 раза, а в 2020 г. — в рекордные 63 раза.

Земельный налог в структуре налога на имущество составил в 2018 г. 13,9%, в 2019 г. — 33,9%, а в 2020 г. — 12,47%. В 2018–2019 гг. в отношении уплаты суммы земельного налога юридическими лицами наблюдается наличие задолженности по уплате указанного налога в размере 7,6 млрд руб. в 2018 и 11,3 млрд руб. в 2019 гг. соответственно. В 2020 г. сумма уплаченного налога превысила исчисленную на 9,1 млрд руб.

На основе проведенного анализа региональных особенностей налогообложения имущества организаций можно сделать вывод, что в 2020 г. в г. Санкт-Петербурге применялась минимальная ставка налога на имущество организаций в 1,25% кадастровой стоимости административно-деловых и торговых центров, нежилых помещений с площадью более 1000 кв. м. Установление минимальной ставки налога привело к отсутствию льгот для всех категорий налогоплательщиков.

В Хабаровском крае ставка налога на имущество организаций составляла 1,1% кадастровой стоимости для организаций, осуществляющих деятельность по предоставлению мест для временного проживания. Региональные льготы налогоплательщикам не предоставляются.

Правительством Воронежской области было принято решение о применении пониженной ставки налога на имущество в размере 1,5% для организаций, применяющих специальные налоговые режимы с выделением категорий недвижимого имущества — административно-деловых и торговых центров, нежилых помещений с площадью до 2000 кв. м. А также указанным юридическим лицам предоставляется льгота в размере 50 кв. м, на которые уменьшается налогооблагаемая площадь указанных объектов недвижимого имущества. В Москве налогообложению подлежит все недвижимое имущество независимо от размера его площади. При исчислении налога используется ставка в размере 1,7%.

В 2022 г. был расширен список подлежащего налогообложению недвижимого имущества юридических лиц и его дополнили объекты незавершенного строительства. Так, в Калининградской области и Хабаровском крае — в размере 2,0%, в Санкт-Петербурге — 1,75%. В Санкт-Петербурге увеличился размер ставки налога с 1,5 до 1,75%.

В отличие от Калининградской, Нижегородской, Свердловской областей и г. Москвы региональные власти г. Санкт-Петербурга, Хабаровского края, Воронежской, Новосибирской и Псковской областей отменили введенные в 2020–2021 гг. региональные льготы по уплате налога на недвижимое имущество организациями.

С 2022 г. предусматриваются изменения налогового законодательства в части исчисления суммы налога на имущество организаций (рис. 1).

Согласно рисунку 1, новациями налогового законодательства является закрепление на законодательном уровне исключения из объектов налогообложения — недвижимого имущества в результате его гибели или уничтожения при наличии заявления и подтверждающих документов от налогоплательщиков. Единый для всех 85 регионов РФ срок уплаты налога — до 1 марта. Отсутствие обязанности по составлению и предоставлению в конце налогового периода налоговой декларации значительно облегчит работу юридических лиц, использующих специальные налоговые режимы.

Следующими по значимости в структуре имущественных налогов, уплачиваемых юридическими лицами в условиях специальных налоговых режимов, является транспортный налог.

Региональные органы власти Калининградской и Свердловской областей установили минимальный размер транспортного налога 2,5 руб. за 1 л. с. на легковые автомобили с мощностью двигателя до 100 л. с., а также в Свердловской области действует региональная льгота в размере 100% для автомобилей с мощностью до 100 л. с. В отно-

шении автомобилей представительского класса (свыше 250 л. с.) установлена ставка налога в размере 99,2 руб. за 1 л. с. в Свердловской области и только в Новосибирской области ставка налога

может быть уменьшена со 150,0 до 75,0 руб. для автомобилей, возраст которых превышает 10 лет, что является основанием для ухудшения экологической ситуации в регионе.

Рис. 1. Элементы налога на имущество организаций в условиях специальных налоговых режимов

За анализируемый период 2020–2022 гг. к регионам, власти которых обеспокоены и заботятся о состоянии окружающей среды для комфортного проживания граждан можно отнести Калининградскую, Новосибирскую области, г. Санкт-Петербург (в 2022 г. региональных льгот нет), Москву, Нижегородскую и Свердловскую области. Указанные регионы предусматривают использование региональных льгот в размере от 50 до 100% транспортного налога для электромобилей, грузовых автомобилей с газовым двигателем, грузовых автомобилей 2020 г. выпуска, соответствующие требованиям экологического класса 5.

Хабаровская, Воронежская и Псковская области региональные льготы по уплате транспортного налога для налогоплательщиков не устанавливают.

В 2022 г. региональные органы власти Новосибирской области приняли решение об увеличении ставки транспортного налога для легковых автомобилей с мощностью двигателя до 100 л. с. на 66,7% с 6 до 10 руб. Подобная ситуация произошла и в Хабаровском крае, где в 2021 году ставка транспорт-

ного налога была увеличена на 7,5% с 67 до 72 руб. за 1 л. с. для категории грузовые автомобили с мощностью двигателя свыше 250 л. с. Во всех остальных рассматриваемых регионах размер ставки транспортного налога не изменился.

В 2022 г. вводятся изменения налогового законодательства в части расчета и уплаты суммы транспортного и земельного налога для организаций, применяющих специальные налоговые режимы: 1) установлены единые сроки уплаты налога и авансовых платежей для всех 85 субъектов РФ; 2) с налогоплательщиков снимается обязанность по исчислению суммы транспортного налога, которая передается в управление налоговым органам; 3) беззаявительный характер предоставления налоговых льгот налогоплательщикам на основе сведений, полученных из государственных органов, ответственных за постановку и снятие с учета транспортных средств налогоплательщиками; 4) отсутствие обязанности по составлению и подаче налоговой декларации на проверку правильности и достоверности ее заполнения.

Выводы и направления дальнейших исследований. Можно выделить следующие результаты проведенного исследования:

1. Специальные налоговые режимы разработаны и применяются для отдельных категорий налогоплательщиков. В НК Российской Федерации для организаций предусмотрено три варианта налогообложения с освобождением от уплаты налога на прибыль и НДС.

2. Введение в действие специальных налоговых режимов на территории России дает возможности для развития малого предпринимательства. На долю микропредприятий с численностью до 15 человек в России приходится около 92% от общего их количества.

3. Условия специальных налоговых режимов для налогоплательщиков различаются на величину имущественных налогов по причине их установления региональными и местными органами власти.

4. Регионами с привлекательными условиями для создания малых и микропредприятий для работы в условиях специальных налоговых режимов с учетом изменений в администрировании налога на имущество организаций для административно-деловых и торговых центров (2022 г.) являются Воронежская область (ставка налога 1,5% без учета площади объекта), г. Санкт-Петербург (ставка 1,75% для объектов с площадью более 1000 кв.м) и г. Москва (ставка 1,9% без учета площади и предусмотрена региональная льгота для отдельных организаций в зависимости от вида деятельности); для нежилых помещений (без учета площади с площадью более 1000 кв. м) г. Москва (ставка 1,9% без учета площади), на территории Тюменской области не применяется; для жилых помещений — Воронежская область (ставка налога — 1,5%), Санкт-Петербург (ставка налога — 1,75%), в Москве и Тюменской области не используется.

5. Минимальная ставка в размере 2,5 руб. за 1 л. с. по транспортному налогу для организаций, имеющих легковые автомобили с мощностью двигателя до 100 л. с., установлена в 2022 г. в Калининградской и Свердловской областях и 8 руб.

за 1 л. с. для автомобилей старше 10 лет — в Хабаровском крае.

6. Организациям, имеющим легковые автомобили представительского класса с мощностью двигателя более 250 л. с., целесообразно поставить свои транспортные средства на учет в Свердловской области (99,2 руб. за 1 л. с.), Хабаровском крае — 100 руб. за 1 л. с. и Тюменской области — 100,0 руб. за 1 л. с.

7. Владельцам грузового автотранспорта с мощностью до 100 л. с. постановку на налоговый учет экономически выгодно осуществить в Свердловской области — 7,3 руб. за 1 л. с. или в г. Москве — 15 руб. за 1 л. с. Для мощного транспорта более 250 л. с. также привлекательными для уплаты транспортного налога являются Свердловская область 56,2 руб. за 1 л. с., г. Москва — 70 руб. и Хабаровский край — 72,0 руб. В регионах с демократичными налоговыми ставками транспортного налога также предусмотрена возможность использования льготы для автовладельцев, имеющих автотранспорт, работающий на газе или электромобилей, или грузовой автотранспорт, отнесенный к 5-му экологическому классу не старше 2020 г. выпуска.

8. Налоговыми новациями, введенными в действие с 01.01.2022 в России в отношении имущественных налогов, являются установление единого срока оплаты для 85 регионов, беззаявительный характер предоставления налоговых льгот по их уплате, отмена предоставления налоговых деклараций для проверки в налоговые органы, сверка суммы налога к уплате налоговыми органами путем направления налогоплательщику налогового уведомления.

9. С целью администрирования имущественных налогов организаций в условиях специальных налоговых режимов актуальным является формирование единой информационной базы, позволяющей получать сведения об имуществе, имущественных правах предприятия и ввести обязательный ежеквартальный обмен информацией между налоговыми органами и органами, регистрирующими права собственности на имущество, транспортные средства и машино-места.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420359173>

2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://ofd.nalog.ru/> (дата обращения: 19.01.2022).

3. Российский статистический ежегодник. 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14036/> (дата обращения 18.01.2022).

4. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть Первая. от 31.07.1998 года № 146-ФЗ. URL: https://login.consultant.ru/demo-access/utm_campaign=demo-access&utm_source=zakontinfocontent=registration&utm_term=banner-Interscrolle-HTML
5. Смородина Е. А., Масленникова М. А. Проблемы применения специальных налоговых режимов для субъектов малого предпринимательства // XII Международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен». Цифровой мир: финансы и кредит. 2018. С. 449–454. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/6820711/978-5-8295-0582-0_2018-92.pdf (дата обращения: 10.01.2022).
6. Шестакова Е. В. Проблемы региональной дифференциации налогообложения в Российской Федерации в сфере малого бизнеса // *Налоги*. 2016. № 5. С. 36–41.
7. *Налоги и предпринимательство: учеб. пособие* / В. Свиридова, Е. М. Ануфриева, Ф. К. Туктарова. Пенза, 2017. 136 с. URL: [https://<4D6963726F736F667420576F7264202D20D1E2E8F0E8E4EEE2E020E820E4F02E5FD3CF5F323031375F20CDE0EBEEE3E820E820EFF0E5E4EFF0E8EDE8E0F2E5EBFCF1F2E-2EE20323820FDEAE7> \(pnzgu.ru\) \(дата обращения: 18.01.2022\).](https://<4D6963726F736F667420576F7264202D20D1E2E8F0E8E4EEE2E020E820E4F02E5FD3CF5F323031375F20CDE0EBEEE3E820E820EFF0E5E4EFF0E8EDE8E0F2E5EBFCF1F2E-2EE20323820FDEAE7> (pnzgu.ru) (дата обращения: 18.01.2022).)
8. Зотиков Н. З. Роль налогообложения в развитии малого бизнеса в Российской Федерации // *Вестник Евразийской науки*. 2020. № 2. URL: <https://esj.today/PDF/75ECVN220.pdf> (дата обращения: 23.01.2022).
9. *Налоговый кодекс Республики Беларусь. Общая часть* от 19.12.2002 № 166-З. URL: https://kodeksyby/nalogovyy_kodeks
10. Elschner C. Special tax regimes and the choice of organizational form: Evidence from the European Tonnage Taxes Journal of Public Economics Journal 97. 2013. Pp. 206–216.
11. Engelschalk M. Creating a Favorable Tax Environment for Small Business Development in Transition Countries // *International Studies Program Working Paper*. 2003. 03–18. Pp. 1–30. URL: <https://icepp.gsu.edu/files/2015/03/ispwp0318.pdf> (дата обращения: 22.01.2022).
12. Agostini C. A., Engel E., Repetto A., Vergara D. Using Small Businesses for Individual Tax Planning: Evidence from Special Tax Regimes in Chile // *International Tax and Public Finance*. 2018. Vol. 25. Pp. 1449–1489. URL: <https://ezproxy.urfu.ru:2699/10.1007/s10797-018-9509-0/> (дата обращения: 20.01.2022).
13. Bird R. *Taxing Agricultural Land in Developing Countries*. Cambridge, 1974. URL: <https://www.hup.harvard.edu/catalog.php?isbn=9780674868557/> (дата обращения: 19.01.2022).
14. Terkper S. Managing Small and Medium-sized Taxpayers in Developing Countries // *Tax Notes International*. No. 29 (2) Pp. 211–229. URL: <https://docplayer.net/13403563-Managing-small-and-medium-taxpayers-smts-tax-administration-view-point-1-by-seth-terkper.html> (дата обращения: 22.01.2022).
15. Вовлеченность населения в малый бизнес в регионах РФ — Рейтинг 2019. Инфографика. РИА Рейтинг URL: <https://riarating.ru/> (дата обращения: 25.01.2022).
16. Рейтинг регионов по вовлеченности населения в малый бизнес — 2020. Инфографика | РИА Рейтинг, URL: <https://riarating.ru/> (дата обращения: 25.01.2022).
17. Рейтинг регионов по вовлеченности населения в малый бизнес — 2021 | Инфографика. РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/> (дата обращения: 22.01.2022).
18. Данные по формам статистической налоговой отчетности. URL: <https://www.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 26.01.2022).

REFERENCES

1. Decree of the Government of the Russian Federation от 02.06.2016 № 1083-р (as amended on 30.03.2018) «On approval of the Strategy for the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation for the period up to 2030». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420359173>
2. Unified register of small and medium-sized businesses. URL: <https://ofd.nalog.ru/> (date of access: 19.01.2022).
3. Russian statistical yearbook. 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14036/> (date of access: 18.01.2022).
4. Tax Code of the Russian Federation. (Part 1). dated July 31, 1998 №. 146-FZ. URL: https://login.consultant.ru/demo-access/utm_campaign=demo-access&utm_source=zakontinfocontent=registration&utm_term=banner-Interscrolle-HTML
5. Smorodina E. A., Maslennikova M. A. Problems of application of Special Tax Regimes for Small Businesses // XII International Conference «Russian regions in the focus of change». Digital world: finance and credit. 2018. Pp. 449–454. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/6820711/978-5-8295-0582-0_2018-92.pdf (date of access: 10.01.2022).

6. Shestakova E. V. Problems of Regional Differentiation of Taxation in the Russian Federation in the Sphere of Small Business // *Taxes*. 2016. №. 5. Pp. 36–41.
7. Taxes and entrepreneurship: textbook / V. Sviridova, E. M. Anufrieva, F. K. Tuktarova. Penza, 2017. 136 p. URL: <https://<4D6963726F736F667420576F7264202D20D1E2E8F0E8E4EEE2E020E820E4F02E5FD3CF5F323031375F20CDE0EBEEE3E820E820EFF0E5E4EFF0E8EDE8E0F2E5EBFCF1F2E2EE20323820FDEAE7>> (pnzgu.ru) (date of access: 18.01.2022).
8. Zotikov N. Z. The Role of Taxation in the Development of Small Business in the Russian Federation // *Bulletin of Eurasian Science*. 2020. №2. URL: <https://esj.today/PDF/75ECVN220.pdf> (date of access: 23.01.2022).
9. Tax Code of the Republic of Belarus. General part of December 19, 2002 №. 166-Z. URL: https://kodeksyby/nalogovyy_kodeks
10. Elschner C. Special tax regimes and the choice of organizational form: Evidence from the European Tonnage Taxes Journal of Public Economics Journal 97. 2013. Pp. 206–216 (date of access: 20.01.2022).
11. Engelschalk M. Creating a Favorable Tax Environment for Small Business Development in Transition Countries // *International Studies Program Working Paper*. 2003. 03–18. Pp. 1–30. URL: <https://icepp.gsu.edu/files/2015/03/ispwp0318.pdf> (date of access: 22.01.2022).
12. Agostini C. A., Engel E., Repetto A., Vergara D. Using Small Businesses for Individual Tax Planning: Evidence from Special Tax Regimes in Chile // *International Tax and Public Finance*. 2018. Vol. 25. Pp. 1449–1489. URL: <https://ezproxy.urfu.ru:2699/10.1007/s10797-018-9509-0/> (date of access: 20.01.2022).
13. Bird R. *Taxing Agricultural Land in Developing Countries*. Cambridge, 1974. URL: <https://www.hup.harvard.edu/catalog.php?isbn=9780674868557/> (date of access: 19.01.2022).
14. Terkper S. Managing Small and Medium-sized Taxpayers in Developing Countries // *Tax Notes International*. No. 29 (2). Pp. 211–229. URL: <https://docplayer.net/13403563-Managing-small-and-medium-taxpayers-smts-tax-administration-view-point-1-by-seth-terkper.html> (date of access: 22.01.2022).
15. Involvement of the Population in Small Business in the Regions of the Russian Federation — Rating 2019. Infographics. RIA Rating. URL: <https://riarating.ru/> (date of access: 25.01.2022).
16. Rating of regions by the involvement of the population in small business — 2020. Infographics. RIA Rating. URL: <https://riarating.ru/> (date of access: 25.01.2022).
17. Rating of regions by the involvement of the population in small business — 2021. Infographics. RIA Rating. URL: <https://riarating.ru/> (date of access: 22.01.2022).
18. Data on the forms of statistical tax reporting. URL: <https://www.nalog.gov.ru/> (date of access: 26.01.2022).

Поступила в редакцию: 11.02.2022.

Принята к печати: 12.03.2022.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ АВАРИЙНЫМ ЖИЛИЩНЫМ ФОНДОМ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ КАК ФАКТОР БЛАГОУСТРОЙСТВА ГОРОДОВ И КОМФОРТНОСТИ ПРОЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Е. Н. Королева, Вал. В. Мищенко, О. Н. Королева, Н. Ю. Сперанская

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена вопросам расселения из аварийного жилищного фонда на территории Алтайского края. Авторами проведен обзор существующего состояния жилищного фонда, сравнительный анализ данных, материалов и исследований по данному вопросу.

В результате определены проблемы реализации расселения жилищного фонда в городе Барнауле и сформулированы предложения по совершенствованию его механизма. Указанные в статье предложения могут быть реализованы не только на территории города Барнаула, но и во всех городах как Алтайского края, так и Российской Федерации.

Выявленные в статье проблемы городского аварийного жилищного фонда и обозначенные предложения по механизму реализации: подготовка программ, перераспределение финансирования, создание нормативной базы и т. д. позволят повысить комфортность проживания жителей и увеличат комплексное благоустройство городов. У органов власти всех уровней появится возможность предоставлять адресную помощь жителям в первую очередь, когда имеется острая необходимость.

Ключевые слова: благоустройство, аварийные дома, жилищный фонд, Алтайский край.

FEATURES OF EMERGENCY HOUSING STOCK MANAGEMENT IN THE ALTAI TERRITORY AS A FACTOR OF URBAN IMPROVEMENT AND COMFORT OF LIVING OF THE POPULATION

E. N. Koroleva, Val. V. Mishchenko, O. N. Koroleva, N. Y. Speranskaya

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the issues of resettlement of emergency housing stock on the territory of the Altai Territory. The authors conducted a review of the existing state of the housing stock, a comparative analysis of data, research materials on this issue.

As a result, the problems of the implementation of housing stock settlement in the city of Barnaul were formulated proposals formulated its mechanism. The proposals indicated in the article can be implemented not only on the territory of the city of Barnaul, but also in all cities of both the Altai Territory and the Russian Federation.

The problems of the urban emergency housing stock identified in the article and the outlined proposals for the implementation mechanism: preparation of programs, redistribution of funding, creation of a regulatory framework, etc. will increase the comfort of residents and increase the comprehensive improvement of cities. Authorities at all levels will have the opportunity to provide targeted assistance to residents in the first place, when there is an urgent need.

Keywords: landscaping, emergency houses, housing stock, Altai Territory.

В Алтайском крае, как и в других регионах РФ, ежегодно увеличивается количество аварийного жилого фонда, который является опасным не только для жизни населения, но и ухудшает внешний архитектурный облик городов, что сказывается, в конечном итоге, на комфортности проживания жителей.

Одной из главных задач перед органами власти стоит повышение качества жизни в каждом субъекте, в каждом городе, поэтому количественная оценка показателя «комфортности» проживания в городах всегда актуальна [1].

Проблема внешнего благоустройства на различных этапах развития градостроительства связана с решением сложных задач формирования материально-пространственной среды городов, ее архитектурно-художественного и функционального содержания [2].

Необходимость в четкой очерченности проблемы внешнего благоустройства связана с тем, что для комплексного решения всех входящих в нее художественно-эстетических, архитектурных, функционально-планировочных, социально-экономических задач, требует владения знаниями теоретических и методологических основ благоустройства [3]. Деревья и растительность в городах, поселках и общинах, где живет и работает население жизненно необходимы [4].

Принцип формирования жилых территорий воплощается путем формирования жилых комплексов, но с обеспечением максимального количества удобств (10 видов) жителям, удовлетворения их социальных, культурных и бытовых потребностей [5]. Полномочия по расселению аварийного жилищного фонда, находящегося в частной собственности и в собственности муниципалитетов, вытекают из ряда нормативно-правовых актов.

В соответствии со статьей 14 Жилищного кодекса РФ к полномочиям органов местного самоуправления относится признание жилых помещений муниципального жилищного фонда непригодными для проживания, многоквартирных домов аварийными и подлежащими сносу или реконструкции [6]. Согласно с ч. 7 постановления Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» орган местного самоуправления создает комиссию для оценки жилых помещений, многоквартирных домов [7].

Комиссия в первую очередь определяет целесообразность признания жилого помещения непригодным для проживания граждан, а также мно-

гоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции. Далее орган местного самоуправления издает распоряжение с указанием о дальнейшем использовании помещения, сроках отселения физических и юридических лиц в случае признания дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции. Если собственники не снесли дом, в соответствии с п. 10 ст. 32 ЖК РФ орган местного самоуправления осуществляет изъятие земельного участка взамен изымаемого жилого помещения:

— собственникам жилых помещений полагается выплата денежного возмещения за изымаемое аварийное жилье. Гражданам, имеющим в собственности такое жилье, выплачивается выкупная стоимость за это жилье, размер которого определяется на основании оценки, выполненной независимой оценочной организацией;

— нанимателям таких жилых помещений выдается другое жилое помещение по договору социального найма, которое соответствует первоначальному по количеству квадратных метров. Равнозначность помещения в аварийном доме и предоставляемого помещения устанавливается по общей площади, а также по числу комнат, при этом количество зарегистрированных граждан в жилом помещении не учитывается.

Оплата возмещения или предоставление другого вместо помещения в аварийном объекте осуществляется путем заключения соответствующего соглашения с собственником помещения. Если собственник отказывается от указанных условий, как по выплате выкупной стоимости, так и по переселению в другое помещение, тогда орган местного самоуправления может составить исковое заявление в суд с целью принудительного изъятия помещения вместе с выплатой выкупной стоимости.

В соответствии с Указом Губернатора Алтайского края от 20.12.2018 № 214 «Об утверждении Положения о Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Алтайского края» Минстрой Алтайского края:

— осуществляет мониторинг реализации муниципальными образованиями края программ по проведению капитального ремонта многоквартирных домов, переселению граждан из аварийного жилищного фонда, в том числе за счет средств государственной корпорации — Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства;

— участвует в создании и дальнейшей реализации мероприятий по ликвидации аварийного жилищного фонда, признанного в установленном порядке после 01.01.2012, в рамках исполнения распоряжения Правительства Российской Федерации от 26.09.2013 № 1743-р «О комплексе мер, на-

правленных на решение задач, связанных с ликвидацией аварийного жилищного фонда» [8].

Сущность выкупной стоимости состоит в уплате гражданам, в чьей собственности находятся жилые помещения, входящие в аварийный жилищный фонд, возмещения за изымаемые жилые помещения в соответствии с ч. 7 ст. 32 Жилищного кодекса Российской Федерации и п. 2 ч. 6 ст. 16 Федерального закон от 21.07.2007 № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства».

В соответствии с гл. 8 Жилищного кодекса РФ по договору социального найма жилого помещения одной стороной является собственник жилого помещения муниципального жилищного фонда, который обязуется передать другой стороне — нанимателю жилого помещения как во владение, так и в пользование для дальнейшего проживания. Договор социального найма жилого помещения заключается без установления срока его действия. Предметом договора социального найма жилого помещения должно быть жилое помещение (жилой дом, квартира, часть жилого дома или квартиры).

Населению, которое проживает в жилом помещении по договору социального найма, и данное

жилое помещение признано непригодным для проживания и изъято, предоставляемое другое жилое помещение в обязательном порядке должно быть равнозначным по общей площади ранее занимаемому жилому помещению, отвечать установленным требованиям и находиться в данном населенном пункте.

Алтайский край своевременно и в полном объеме с 2009 по 2017 г. завершил один из этапов программы переселения аварийного жилищного фонда, признанный таковым до 01.01.2012, который осуществлялся вместе с Фондом содействия реформированию ЖКХ. Согласно данным Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Алтайского края, за этот период расселено 804 многоквартирных дома общей площадью 237,4 тыс. кв. м.

С 2019 г. переселение граждан на территории края проводится в рамках федерального проекта «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда» национального проекта «Жилье и городская среда». Во исполнение паспорта проекта, в срок до 2025 г. в Алтайском крае необходимо расселить 104,57 тыс. кв. м жилья, признанного аварийным до 01.01.2017, переселив при этом 5810 человек.

Таблица 1

Индикаторы проекта «Жилье и городская среда» на территории Алтайского края

	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Количество расселенного непригодного для проживания жилищного фонда, тыс. кв. м	1,76	19,75 (+17,99 за год)	43,79 (+24,04)	54,78 (+10,99)	68,79 (+14,01)	104,57 (+35,78)
Количество граждан, расселенных из непригодного для проживания жил. фонда, тыс. чел.	0,1	1,1 (+1,0 за год)	2,44 (+1,34)	3,05 (+0,61)	3,82 (+0,77)	5,81 (+1,99)

На данные мероприятия предусмотрено, по данным Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Алтайского края, более 4 млрд руб.:

3 836 млн руб. — средства Фонда содействия реформированию ЖКХ;

43,5 млн руб. — средства краевого бюджета;

188,8 млн руб. — средства местных бюджетов (Барнаул, Бийск).

Расселение аварийного жилья на территории края ведется с небольшим опережением графика. С учетом расселенного в 2019 и 2020 гг. аварийного жилья (34,79 тыс. кв. м, 2 264 человека), целевой показатель 2021 г. выполнен в полном объеме: расселено 48,74 тыс. кв. м аварийного жилья (111% к целевому показателю 2021 г. и 46,6% — к целевому показателю 2024 г.), переселены 3 110 чел. (127,5 и 53,5% соответственно). Освоено 1028,5 млн руб. (на 01.07.2021, в том числе средства Фонда — 1016,5 млн руб.).

До конца 2024 г. в рамках регионального проекта осталось расселить 55,8 тыс. кв. м аварийного жилья, в котором проживает 2700 человек.

В настоящее время Минстроем Алтайского края совместно с Фондом содействия реформированию ЖКХ прорабатывается вопрос ускоренной реализации регионального проекта: все мероприятия планируется завершить до конца 2023 г. (в региональном проекте срок — до конца 2024 г.). В его рамках проведена работа с муниципальными образованияами (Барнаул, Бийск, Рубцовск), подготовлены новые графики, подписано постановление о внесении изменений в программу, согласно данным документам органы власти берут на себя обязательства по досрочному завершению реализации программы к концу 2023 г. Таким образом, объемы двух этапов программы (2022–2023 гг., 2023–2024 гг.) объединены в один (2022–2023 гг.), общий объем финансирования которого составит 2,4 млрд

руб. с учетом ранее запланированного расселения на этапе 2022–2023 гг.

В итоге «ускоренный» этап 2022–2023 гг. по объемам финансирования почти в 1,5 раза будет превышать три предыдущие этапа программы (2019–

2020, 2020–2021, 2021–2022). После утверждения «ускоренной» программы Правительством Алтайского края совместно с муниципальными образованияами будет расселен аварийный фонд общей площадью 58,6 тыс. кв. м, в котором проживает 3732 человека.

Таблица 2

Алтайский край. Ускоренная реализация краевой адресной программы «Переселение граждан из АЖФ» на 2019–2025 гг.

МО	Индикаторы								
	Общие объемы по этапам Программы 2019–2020, 2020–2021, 2021–2022 гг.			«Ускоренный» этап Программы 2022–2023 гг.			Итого		
	Площадь, тыс. кв. м	Кол-во жителей, чел.	Стоимость, тыс. руб.	Площадь, тыс. кв. м	Кол-во жителей, чел.	Стоимость, тыс. руб.	Площадь, тыс. кв. м	Кол-во жителей, чел.	Стоимость, тыс. руб. (с учетом софинансирования)
Итого	43,54	2991,00	1683748,6	58,62	3732	2384369,2	102,16	6723	4068117,8
1. Барнаул	19,96	1267,00	894343,8	43,35	2828	1763215,2	63,31	4095	2657559,0
2. Бийск	13,38	1223,00	496495,4	11,15	607	453373,8	24,52	1830	949869,2
3. Новоалтайск	0,97	51,00	35100,0				0,97	51	35100,0
4. Рубцовск	6,88	352,00	181673,6	3,9	252	159564,3	10,80	604	341237,8
5. Славгород	0,057	3,00	721,3				0,057	3	721,3
6. Каменский район	2,25	94,00	73803,1				2,25	94	73803,1
7. Мамонтовский район	0,05	1,00	1611,3				0,05	1	1611,4
8. Первомайский район	0,00	0,00	0,0	0,20	45	8215,9	0,202	45	8215,9

Необходимо отметить, что выявление и признание домов аварийными с принятием Программы не прекратилось. Так, межведомственными комиссиями по оценке жилых помещений

на 01.07.2021 на территории края признано аварийными после этой даты 104,3 тыс. кв. м, в которых проживают 3025 человек.

Таблица 3

Алтайский край. Аварийный жилищный фонд

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
На 01 января, в том числе тыс. кв. м	116,07	154,27	181,41	182,91	178,46
признан после 01.01.2017 тыс. кв. м.	+ 38,2	+ 27,14	+ 18,86	+ 13,54	+ 6,6
Расселено	0	0	-17,36	-17,99	-13,2
Итого на 31 декабря	154,27	181,41	182,91	178,46	171,86 (на 01.07.2021)

В соответствии с законодательством полномочия по расселению аварийного жилищного фонда возложены на администрации муниципальных образований, но их бюджеты не позволяют в полном объеме обеспечить расселение аварийного жилищного фонда, признанного таковым после 01.01.2017. В настоящее время это является проблемой, органам субъекта Алтайского края необходимо направить предложения в федеральные органы о необходимости принятия определенных решений в части

включения таких домов в действующие программы по переселению.

Износ производственной инфраструктуры вызывает ухудшение экологической обстановки. Игнорирование роли маркетинга и брэндинга территорий снижает привлекательность муниципальных образований в качестве мест потенциальной миграции трудоспособного населения и туристических объектов [9]. К экономико-организационным проблемам относят неразвитость конкурентной

среды, неэффективность системы управления благоустройством территории, убыточность муниципальных предприятий, неразрешенные вопросы собственности [10]. Ученые сошлись во мнении, что эти события влияют на экономику, социокультуру и окружающую среду в целом [11].

Жилищный фонд города Барнаула на начало 2022 г. составляет чуть более 18 млн кв. м (почти 26 кв. м на 1 чел.), из них 13,6 млн кв. м — площадь многоквартирного жилого фонда (3271 домов) [12]. Как и по всей стране, проблема старения жилищного фонда и, как следствие, переход части домов в аварийное состояние стоит для Барнаула особо остро. В соответствии с полномочиями и требованиями федерального законодательства в 2006 г. в городе Барнауле создана межведомственная комиссия для оценки жилых помещений. За весь период существования которой признано аварийными и подлежащими сносу 452 дома (рассмотрено 1676 заявлений) [12].

В городе Барнауле процесс переселения жителей из аварийного жилищного фонда при финансировании из Фонда содействия реформированию ЖКХ, из бюджетов краевого и местного уровней проводится, начиная с 2009 г., путем реализации региональных адресных программ.

С 2009 по 2015 г. было расселено почти 5,5 тыс. человек (из 158 домов), на указанные цели за счет всех источников финансирования направлено более 2 млрд руб., из них:

- средства Фонда — 78% (1,6 млрд руб.);
- краевой бюджет — 12% (243 млн руб.);
- бюджет города — 10% (209 млн руб.) [12].

В указанный период город Барнаул завершил расселение домов, признанных аварийными до 2012 г.

С 2016 по 2018 г. городу Барнаулу финансирование из вышестоящих бюджетов на расселение аварийных домов не выделялось. Переселение граждан в указанный период осуществлялось только за счет средств бюджета города — в основном во исполнение решений судов. Переселено 430 граждан, общей площадью более 5,7 тыс. кв. м, объем финансирования составил 293 млн руб. [12]. С 2019 г. по настоящее время расселение домов проводится в рамках краевой адресной программы «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда» на 2019–2025 гг. В городе Барнауле необходимо расселить более 4 тыс. человек из 156 домов (расселены только 5 домов, требуют расселения 151), общей площадью 63,3 тыс. кв. м. Объем финансовых средств (с учетом доплаты до рыночной стоимости жилья) за весь период реализации программы составит 3,5 млрд руб., в том числе:

на этапе 2019–2020 гг. — 651 человека из 272 помещений общей площадью 10 399,72 кв. м;

на этапе 2020–2021 гг. — 471 человек из 199 помещений общей площадью 7 432,46 кв. м;

на этапе 2021–2022 гг. — 145 человек из 59 помещений общей площадью 2 130,02 кв. м;

на этапе 2022–2023 гг. — 2828 человек из 1206 помещений общей площадью 43 351,00 кв. м.

По состоянию на 01.08.2021 в рамках первых трех этапов полностью завершено расселение 869 человек из 383 помещений общей площадью 14,3 тыс. кв. м. При этом освоено 811,0 млн руб., в том числе:

- Фонд — 573,5 млн руб. (70,7%);
- краевой бюджет — 6,6 млн руб. (0,8%);
- городской бюджет — 230,9 млн руб. (28,5%).

Осталось расселить 399 чел. из 147 помещений общей площадью 5 696,32 кв. м (из них «законтрактовано» 87 помещений площадью 3 624,20 кв. м, в которых проживает 264 чел., «контрактование» — более 85%). Таким образом, целевые показатели выполняются в полном объеме.

7 июля 2021 г. Постановлением Правительства Алтайского края № 245 в федеральную программу были внесены изменения: срок ее реализации перенесен с 2025 до конца 2023 г. В связи с ускоренной реализацией федеральной программы за 2 года органам власти необходимо расселить 2828 человек из 1206 помещений, общей площадью более 43 тыс. кв. м, (на 4 этапе — 134 дома), освоить 2,5 млрд руб. (из них 1,8 млрд руб. средства Фонда, 735 млн руб. необходимо предусмотреть на доплату разницы между размером субсидии (40,7 тыс. руб.) и рыночной стоимостью жилья (57,6 тыс. руб.).

На наш взгляд, целесообразно исходя из количества аварийного жилья распределить денежные средства следующим образом:

2022 г. — 1,8 млрд руб., из них: средства фонда — 1 260,3 млн руб., на возмещение разницы надо 539,7 млн руб.;

2023 г. — 250 млн руб., из них: средства фонда — 176,5 млн руб., на возмещение разницы нужно 73,5 млн руб.

Согласно типовым условиям, в случае направления денежных средств из Фонда к концу 2022 г. городу Барнаулу будет необходимо заключить соглашения и контракты в отношении 90% помещений, включенных в последний этап федеральной программы, а это не менее 39,0 тыс. кв. м, а также освоить 2,2 млрд руб. (что в 2 раза превышает целевые показатели первых трех этапов) [13]. В связи с этим к реализации 4-го этапа федеральной программы необходимо приступать незамедлительно.

В пределах выделенных средств органами власти города уже объявлены закупки на приобретение квартир и ведется работа по оценке помещений для изъятия их у собственников. Ускоренная

реализация федеральной программы позволит решить проблему расселения домов, признанных аварийными до 01.01.2017. Вместе с тем ежегодно в Барнауле аварийным признается в среднем 9,0 тыс. кв. м жилого фонда.

На сегодняшний день в федеральную программу не вошли 76 домов, признанных аварийными после 01.01.2017, общей площадью более 42 тыс. кв. м, в которых проживает более 2 тыс. человек [12]. Выделение денежных средств на переселение граждан из указанных домов не предусмотрено федеральным и региональным бюджетами. Их расселение в настоящее время осуществляется во исполнение решений судов, исключительно за счет бюджета города. Такой механизм не позволяет одновременно переселить всех граждан, проживающих в конкретном аварийном доме. Ориентировочно на расселение указанной группы домов требуется еще 2,3 млрд руб.

В соответствии с действующим законодательством сроки переселения граждан из аварийных домов в городе Барнауле ограничены и не должны превышать трех лет с момента их признания (два года на снос, потом изъятие и год на расселение).

Поскольку непринятие своевременных мер по расселению аварийных домов приводит к возникновению угрозы жизни и здоровью граждан, во избежание повторения чрезвычайных ситуаций администрацией города принято решение о привлечении специализированных организаций для обследования, мониторинга технического состояния и охраны аварийных домов, а также принятию мер по обеспечению безопасности граждан. На эти цели из бюджета города в 2021 г. было выделено 35,0 млн руб. (ремонт муниципального (маневренного) фонда — 10,0 млн руб., на аренду квартир — 11,5 млн руб., на обследование — 12,8 млн руб., охрану — 0,7 млн руб. [12]).

Переселение жителей из домов, признанных аварийными после 2017 г., возможно предусмотреть в рамках реализации государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем населения Алтайского края», утвержденной постановлением Правительства Алтайского края от 15.06.2020 № 266. Решение данного вопроса позволит органам власти совместно за счет средств бюджета края и города финансировать расселение домов, не включенных в федеральную программу. Проведенный анализ показал, что в перспективе в качестве аварийных может быть признано еще более 400 домов общей площадью не менее 120 тыс. кв. м. Исходя из технического состояния, весь этот фонд будет требовать расселения в ближайшие годы (одно-, двухэтажные дома, год постройки, как правило, до 1950).

В качестве одного из решений существующей проблемы предлагаем принять соответствующие нормативные документы на региональном уровне с целью реализации мер по комплексному развитию территории города — в том числе в районе «Потока». Кроме того, остается вопрос с использованием земельных участков, остающихся после сноса многоквартирных домов, расселенных в рамках федеральной программы. Использование данных земельных участков ограничено условиями 185 Федерального закона — строительство нового жилья на них невозможно, за исключением социальных объектов.

Основными проблемами при реализации полномочий по переселению граждан остаются:

- недостаточность бюджетных средств для расселения всего аварийного жилищного фонда в установленные сроки;
- несоответствие размера субсидии, предоставляемой в рамках федеральной программы, рыночной стоимости жилых помещений (субсидия — 40,7 тыс. руб. за 1 кв. м, а рыночная стоимость — 57,6 тыс. руб.);
- «узкий круг» поставщиков при объявлении конкурсных процедур на приобретение жилых помещений для нанимателей;
- отсутствие на региональном уровне нормативной базы, позволяющей осуществлять комплексное развитие застроенных территорий;
- ограничения в использовании земельных участков.

Для своевременного расселения граждан, проживающих в аварийном жилом фонде, предлагается:

- дополнительно предусмотреть 735,0 млн руб., необходимых для софинансирования этапа 2022–2023 гг. федеральной программы, на условиях паритетного софинансирования: по 367,5 млн руб. из бюджетов края и города;
- включить дома, признанные аварийными после 01.01.2017, в государственную программу «Обеспечение доступным и комфортным жильем населения Алтайского края», утвержденную постановлением Правительства Алтайского края от 15.06.2020 № 266 с ежегодным выделением городу Барнаулу средств краевого бюджета на реализацию данных мероприятий не менее 150 млн руб.;
- принять нормативные документы, регламентирующие процедуру комплексного развития территорий.

Данные мероприятия направлены на межорганизационную координацию при проведении благоустроительных мероприятий каждого города [13].

Выполненный в статье анализ показал, что порядок признания жилья аварийным требует временных рамок и организационного потенциала вместе со своевременным принятием норматив-

но-правовых документов, что является сдерживающим моментом управления реновацией жилого фонда. В конечном итоге ранее подготовленные предложения позволят в кратчайшие сроки завершить работу по переселению жителей из аварийного жилищного фонда и сделать город комфортным для проживания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Королева Е. Н., Мищенко Вал. В. Некоторые подходы к расчету индекса качества городской среды // Экономика Профессия Бизнес. 2020. № 4. С. 61–66.
2. Павленков М. Е., Лабазова Е. В. Проблемы управления развитием города // Инновации в менеджменте. 2014. № 1. С. 32–35.
3. Денисов В. Н., Половцев И. Н., Евдокимов Т. В. Благоустройство жилых территорий. СПб., 2004. 98 с.
4. Vogt J., Hauer R., Fischer B. C. Urban forestry as interdisciplinary environmental science // Conference: Association for Environmental Studies and Sciences 2015. Conference: Confronting Frontiers, Borders, and Boundaries. San Diego, 2015.
5. Боголюбов В. С., Стеняев В. М. Управление городским хозяйством. Л., 1989. 168 с.
6. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 30.12.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc/ (дата обращения: 09.03.2022).
7. Постановление Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 (ред. от 17.02.2022) «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc/ (дата обращения: 09.03.2022).
8. Указ Губернатора Алтайского края от 20.12.2018 № 214 «Об утверждении Положения о Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Алтайского края». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View>. (дата обращения: 09.03.2022).
9. Остащенко М. С. Современные проблемы развития городских поселений // Молодой ученый. 2018. № 16. С. 165–167.
10. Ефимов В. В., Честнов Ю. Социально-экономическая привлекательность российских городов: сравнительный анализ // Городское управление. 2003. № 11. С. 32.
11. Ramely A. et al. Green event practices understandings: Understanding the adaptation of event organisers through a systematic review // Malaysian Journal of Sustainable Environment. 2022. Vol. 9. No. 1. Pp. 119–140.
12. Отчет комитета жилищно-коммунального хозяйства города Барнаула. URL: <https://barnaul.org/> (дата обращения: 16.03.2022).
13. Zhong D., Luo Q., Chen W. Green governance: understanding the greening of a leading business event from the perspective of value chain governance // Journal of Sustainable Tourism. 2020. Vol. 29. Pp. 1894–1912.

REFERENCES

1. Koroleva E. N., Mishchenko Val. V. Some approaches to calculating the urban environment quality index // Economics Profession Business. 2020. No. 4 Pp. 61–66.
2. Pavlenkov M. E., Labazova E. V. Problems of city development management // Innovations in management. 2014. No. 1. Pp. 32–35.
3. Denisov V. N., Polovtsev I. N., Evdokimov T. V. Improvement of residential areas. St. Petersburg, 2004. 98 p.
4. Vogt J., Hauer R., Fischer B. C. Urban forestry as interdisciplinary environmental science // Conference: Association for Environmental Studies and Sciences 2015. Conference: Confronting Frontiers, Borders, and Boundaries. San Diego, 2015.
5. Bogolyubov V. S., Stenyaev V. M. Urban management. L., 1989. 168 p.
6. «Housing Code of the Russian Federation» dated 29.12.2004 No. 188-FZ (as amended on 30.12.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc/ / (date of access: 09.03.2022).

7. Decree of the Government of the Russian Federation of 28.01.2006 No. 47 (ed. of 17.02.2022) «On approval of the Regulations on the recognition of premises as residential premises, residential premises unsuitable for habitation, an apartment building in emergency and subject to demolition or reconstruction, a garden house as a residential house and a residential house as a garden house» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc (date of access: 09.03.2022).

8. Decree of the Governor of the Altai Territory dated 20.12.2018 No. 214 «On approval of the Regulations on the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Altai Territory» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View> (date of access: 09.03.2022).

9. Ostashchenko M. S. Modern problems of urban settlements development // Young scientist. 2018. No. 16. Pp. 165–167.

10. Efimov V. V., Chestnov Yu. Socio-economic attractiveness of Russian cities: comparative analysis // City administration. 2003. No. 11. P. 32.

11. Ramely A. et al. Green event practices understandings: Understanding the adaptation of event organisers through a systematic review // Malaysian Journal of Sustainable Environment. 2022. Vol. 9. No. 1. Pp. 119–140.

12. Report of the Committee of housing and communal services of the city of Barnaul. URL: <https://barnaul.org/> (date of access: 16.03.2022).

13. Zhong D., Luo Q., Chen W. Green governance: understanding the greening of a leading business event from the perspective of value chain governance // Journal of Sustainable Tourism. 2020. Vol. 29. Pp. 1894–1912.

Поступила в редакцию: 24.03.2022.

Принята к печати: 28.04.2022.

ФАКТОР ПЛАТЕЖА ЗА МОЩНОСТЬ В ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКЕ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ

И. С. Межов¹, А. В. Яценко²

¹НВП «Горизонты Алтая» (Барнаул, Россия)

²АО «Барнаульская горэлектросеть» (Барнаул, Россия)

В статье рассматривается проблема воспроизводства генерирующих мощностей в аспекте выстраивания рационального механизма инвестирования. Так, как он сейчас работает, не может устроить потребителей электроэнергии. Практически все специалисты утверждают, что альтернатива одна — снижение стоимости энергозатрат для повышения конкурентоспособности экономики. Механизм ценообразования не позволяет генерирующим компаниям формировать капитал для собственного развития. Был придуман способ изъятия средств у потребителей на поддержку и ввод генерирующих мощностей через так называемый механизм продажи мощности. Однако как бы ни аргументировали этот внеэкономический способ изъятия средств у потребителей, в конечном итоге эти суммы ложатся дополнительной нагрузкой на экономику. Очевидно, не может быть эффективно функционирующей электроэнергетики без сектора «потребление», без развивающейся и растущей промышленности и, как следствие, растущего производительного электропотребления. Одним из условий роста экономики является условие экономически обоснованных производственных затрат. В силу географических и страновых условий стоимость электрической энергии для промышленных потребителей в РФ выше, чем за рубежом, а потребление из-за климатических условий больше. С точки зрения затрат на электрическую энергию наша промышленность проигрывает конкуренцию.

Ключевые слова: мощность, электроэнергия, взаимодействие, экономика, механизм ценообразования, поставщик, потребитель, трансформация электроэнергетики, интеграция.

PAYMENT FACTOR FOR POWER IN THE POWER INDUSTRY: PLUSSES AND MINUSES FOR THE ECONOMY

I. S. Mezhov¹, A. V. Yashchenko²

¹NVP "Horizons of Altai" (Barnaul, Russia)

²JSC Barnaulskaya Gorelektroset (Barnaul, Russia)

The article deals with the problem of reproduction of generating capacities in the aspect of building a rational investment mechanism. Since it is now working, it cannot satisfy consumers of electricity. Almost all experts say that there is only one alternative — reducing the cost of energy consumption in order to increase the competitiveness of the economy. The pricing mechanism does not allow generating companies to generate capital for their own development. A method was devised to withdraw funds from consumers to support and commission generating capacities through the so-called capacity sale mechanism. However, no matter how this non-economic method of withdrawing funds from consumers is argued, in the end, these amounts place an additional burden on the economy. Obviously, there cannot be an efficiently functioning electric power industry without the «consumption» sector, without developing and growing industry and, as a result, growing productive power consumption. One of the conditions for economic growth is the condition of economically justified production costs. Due to geographic and country conditions, the cost of electrical energy for industrial consumers in the Russian Federation is higher than abroad, and consumption due to climatic conditions is higher. In terms of electricity costs, our industry is losing the competition.

Keywords: power, electricity, interaction, economics, pricing mechanism, supplier, consumer, power industry transformation, integration.

Анализ организации взаимодействия экономики и электроэнергетики содержит ряд серьезных недостатков, к числу которых можно отнести следующие [1, 2, 3]:

- потеря системной целостности организационно-технологической структуры;
- снижение надежности функционирования и повышение вероятности рисков аварий и отказов в работе;
- нарушение естественного механизма воспроизводства электроэнергетических компаний и внедрение искусственных методов поддержания производственного потенциала на основе концепции «продажи мощности»;
- создание механизма ценообразования, нарушающего рыночные принципы взаимодействия поставщика и покупателя, когда кому платить и сколько — определяют не участники сделки, а некие посредники.

В целом все эти недостатки, так или иначе, влияют на цены электроэнергии и мощности. В рамках данного исследования не стоит задача найти методологический подход к полному устранению всех перечисленных недостатков, однако

нами поставлена и решается задача найти способы и инструменты улучшения механизма ценообразования, устранения причин внеэкономического повышения цены, поскольку цена на электроэнергию, включая мощность, кардинальным образом определяет качество взаимодействия экономики и электроэнергетики. Цена электроэнергии определяет издержки экономики и, следовательно, сдерживает ее рост и глобальную конкурентоспособность.

В таблице 1 наглядно демонстрируется рост цен в постреформационный период деятельности электроэнергетики в Алтайском крае, а на рисунке 1 показана динамика роста цен как для населения (регулируемые цены), так и для прочих потребителей (нерегулируемые цены). На рисунке 2 представлена динамика потребления электроэнергии в млн квт·ч и сальдированный финансовый результат электроэнергетики Алтайского края в тыс. руб. за период с 2005 по 2020 г. Как следует из рисунка 2 и таблицы 1, объем потребления электроэнергии был практически постоянным, однако до 2012 г. доход электроэнергетических компаний колебался с большой амплитудой, причем были периоды больших убытков между 2005 и 2010 гг.

Таблица 1

**Ретроспектива динамики цен и поставок электроэнергии в Алтайском крае
(по данным Алтайкрайстата)**

Годы наблюдений	Среднегодовая нерегулируемая цена электроэнергии, руб. / 1000 квт·ч	Объем потребленной электроэнергии, млн квт·ч	Сальдированный финансовый результат, тыс. руб.	Число предприятий электроэнергетики, шт. ¹⁾
2005	1240,67 ²⁾	7172,5	176165	67
2006	1279,57 ²⁾	7289,2	-3331223	175
2007	1506,84	7552,8	2295459	245
2008	1725,59	8142,6	-1888610	253
2009	1945,55	7221,2	336639	170
2010	2083,70	7824,0	3190809	217
2011	2193,67	7705,9	-860360	212
2012	2196,51	8441,7	-170996	218
2013	2417,38	8220,4	334742	207
2014	2537,31	8591,6	291590	217
2015	2761,76	7793,6	989667	211
2016	2883,52	8062,1	1812588	209
2017	3534,70	8111,1	856262	216
2018	3557,24	8134,8	540683	214
2019	3720,27	7956,8	999423	216
2020	3840,00	7803,0	1633193	212

¹⁾ Приведены данные бухгалтерской отчетности полного круга организаций за 2005–2016 гг.

²⁾ В 2005–2006 гг. — электроэнергия, отпущенная различным категориям потребителей.

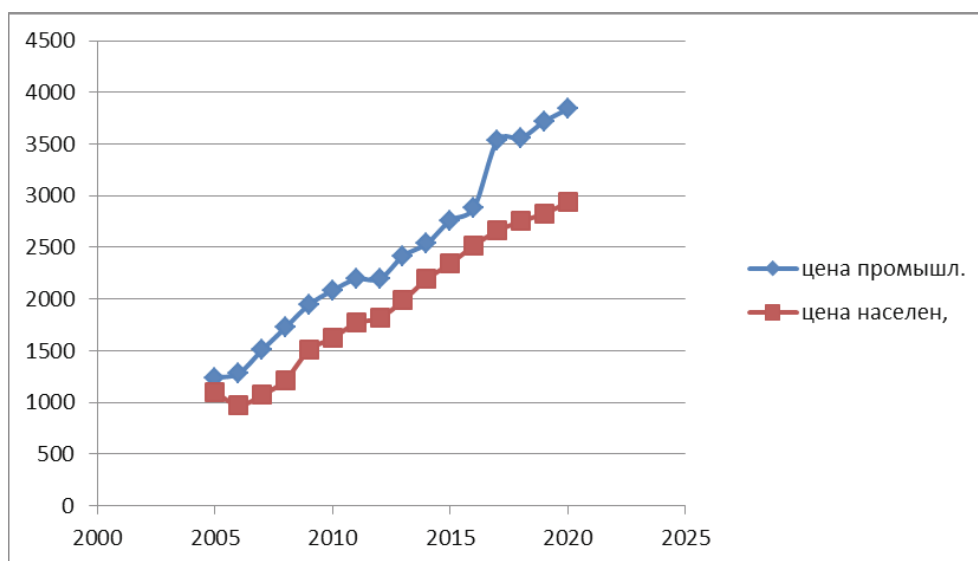

Рис. 1. Динамика роста цен на электроэнергию в Алтайском крае

Это можно объяснить тем, что в этот период фактически осуществлялась настройка инфраструктурной составляющей рынка электроэнергии: создавались новые правила, вводились законы, механизмы ценообразования и регулирующие огра-

ничения. В начале этого же периода в Алтайском крае резко увеличилось число электроэнергетических компаний (табл. 1), так, в 2005 г. их было 67; в 2006—175; в 2007 г. — 245, и далее их количество не становилось менее 207 компаний.

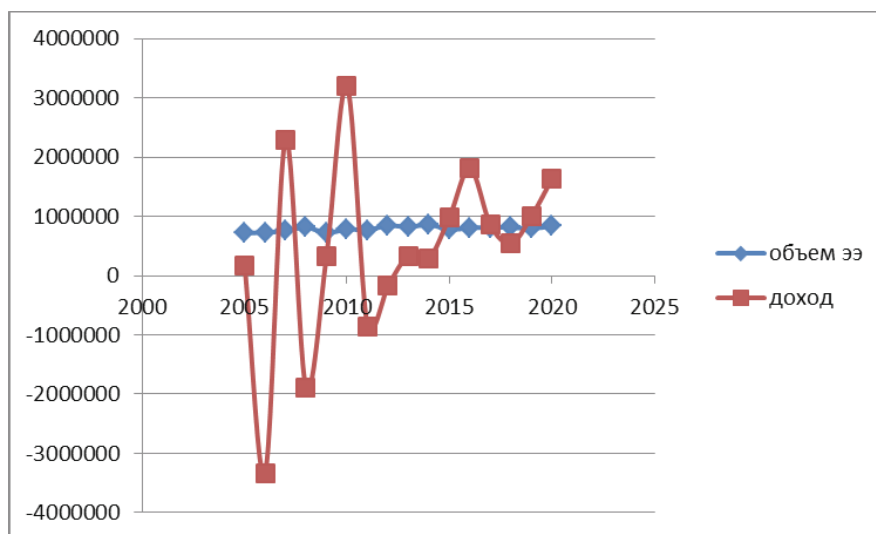

Рис. 2. Динамика потребления электроэнергии и финансовый результат деятельности электроэнергетических компаний, млн/квт.ч

Естественно, увеличение числа компаний на связанном, территориальном и отраслевом рынке увеличило число взаимодействий, трансакций, договоров, актов координации действий, что неизбежно привело к увеличению трансакционных издержек и, как следствие, к увеличению цены на электроэнергию и мощность. Жесткая конкурентная борьба корпораций в развитых в рыночном отношении странах привела их к необходимости интегрироваться для сокращения трансакционных

издержек. Интеграция инициирует новые инструменты управления: она требует перестройки технологий, пересчета производственных программ и перераспределения затрат участников с целью сокращения издержек. Поставщик, выполняя договорные обязательства, оптимизирует структуру затрат и технологический процесс.

Все это необходимо для системного эффекта наивысшего показателя проявления организационной целостности. При этом, как считают многие

авторы, взаимодействующие поставщик и потребитель обычно системный эффект получают в звене потребителя, а системные издержки — в звене поставщика [4, 5]. Это объясняется тем, что прибыль у потребителя фактически аккумулирует все факторы взаимодействия и определяется в технологическом звене с большей добавленной стоимостью. Вот почему так важно оценивать эффективность деятельности отрасли электроэнергетики через реакцию со стороны экономики.

В контексте вышесказанного предлагается для совершенствования механизма ценообразова-

ния на электроэнергию для прочих потребителей с целью снижения их затрат и повышению роста производства и развития:

1. Подход к изменению действующей в настоящее время организационной модели снабжения потребителей электроэнергией (раздельная генерация, инфраструктурные компании, сетевые компании, гарантирующие поставщики и т. д.) путем интеграции региональных генерирующих, инфраструктурных компаний и гарантирующих поставщиков, принципиальная схема представлена на рисунке 3.

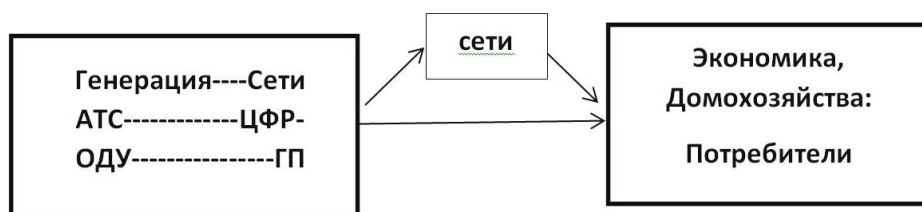

Рис. 3. Трансформация схемы поставки электроэнергии путем вертикальной интеграции

Трансформация электроэнергетики на предлагаемой основе позволит сократить транзакционные затраты в новой модели поставок от 5 до 10% от общих затрат и снизить цену поставки [6]. Другой, достаточно весомой составляющей издержек поставки электроэнергии, являются инфраструктурные издержки, которые включены в тариф и автоматически начисляются потребителям.

Значительную долю затрат от неоптимальной структуры электроэнергетики несут расходы на административно-управленческий аппарат. Покажем эти расходы в упрощенном варианте на примере электроэнергетических компаний Алтайского края. Предположим, что упомянутые затраты состоят из ставки заработной платы директора, в среднем, — 100 тыс. руб., главного бухгалтера — 90 тыс. руб., и руководителей трех отделов, всего 240 тыс. руб. В год эта сумма составляет $430 * 12 = 5160$ тыс. руб. — затраты на одно предприятие. Согласно данным статистики, в 2005 г. в Алтайском крае было 67 предприятий и до 2020 г. стало в среднем 210 предприятий, тогда рост дополнительных затрат составляет

$$(210-67) * 5160 = 737880 \text{ тыс. руб.}$$

И это по самым скромным оценкам уровня зарплат, не считая премий и прочих преференций. При создании интегрированной госкорпорации многие компании могут войти в нее на правах дивизионов, инфраструктурные компании станут функциональными подразделениями по решению задач определения и регистрации объема потребления электроэнергии и расчета цены. В целом за счет уменьшения транзакционных и инфра-

структурных платежей можно сократить до 17–20% издержек поставки электроэнергии в сектор экономики [7].

2. По результатам исследования оптового рынка электроэнергии и мощности, розничного рынка и рынка продажи мощности возможно значительно упростить механизм ценообразования, убрав из него многие детали и правила, стремление учитывать мелочные отклонения и колебания электроэнергии от среднего значения, многочисленные формальные процедуры, формы цены, способы учета данных регистрации электроэнергии в настоящем механизме, направленные не на эффективность взаимодействия экономики и электроэнергетики, а на учет личных интересов совладельцев электроэнергетических компаний, стремящихся получить максимальный доход от деятельности электроэнергетики. Виды тарифов, одноставочный, двуставочный тариф, ценовые категории, которых всего 6, регулируемые цены, нерегулируемые цены и т. д. [8, 9, 10]. В данном случае, не касаясь корректности правил поставок электроэнергии, достаточно многочисленных и сложных, как с технологической, так и с организационной точек зрения, считаем, что сам механизм ценообразования может быть упрощен, причем во многом, путем интеграции компаний и за счет изменения способов измерения потребляемой электроэнергии.

3. Существенное влияние на рост цен на электроэнергию имеет и достаточно высокая норма прибыли электроэнергетических и сетевых компаний. Причем интерес к высокой норме прибыли проявляют не только частные собственники,

но и государство. По данным финансовой отчетности за 2020 г. Красноярской ГЭС, норма чистой прибыли составляет 79,1%, норма чистой прибыли ТЭЦ-3–10,3%, это очень высокие показатели.

4. Значительный вклад в увеличение цены на электроэнергию для конечных потребителей вносит и налог на добавленную стоимость (НДС). Чем больше предприятий-юридических лиц сосредоточено по технологической цепочке, тем больше составляется договоров и выписывается счет-фактур на оплату товаров и услуг, которые естественно сопровождаются оплатой НДС. Так или иначе, эти платежи увеличивают экономическую нагрузку на конечного потребителя (экономику). С одной стороны, может показаться, что государству выгодно получать платежи в форме НДС, но это ошибочное мнение, поскольку увеличение нагрузки на производственные затраты снижает деловую активность сектора экономики и по логике уменьшает рост производства, а следовательно, и рост добавленной стоимости, который гораздо выгоднее государственному бюджету, поскольку поступления в бюджет увеличиваются и увеличиваются доходы граждан. Поэтому мы предлагаем там, где это возможно, провести интеграцию электроэнергети-

ческих компаний и сократить оплату НДС, размер которой, как известно, составляет 20% от стоимости товара или услуг.

5. Как представляется, концепция авансовой оплаты мощности, реализованная в действующем механизме ценообразования, как минимум спорна, а как максимум не обоснована и в какой-то степени вредна для эффективного взаимодействия экономики и электроэнергетики. Тем более что на это указывают многие исследователи [2, 3, 7].

Одним из вариантов отказа от концепции платы за мощность и снижение цен и тарифов является упрощение структуры и организации электроэнергетических поставок на основе интеграции [11]. Здесь мы предлагаем для решения инвестиционных задач поддержания и развития электроэнергетических предприятий создать под эгидой государства общий фонд развития электроэнергетики (рис. 4). На этом рисунке представлена концепция, или точнее — авторский подход, к организационно-экономической трансформации сложившихся отношений электроэнергетики и экономики, который состоит в том, что мы пытаемся вернуться к рыночным принципам взаимодействия рыночных агентов поставщиков электроэнергии и потребителей.

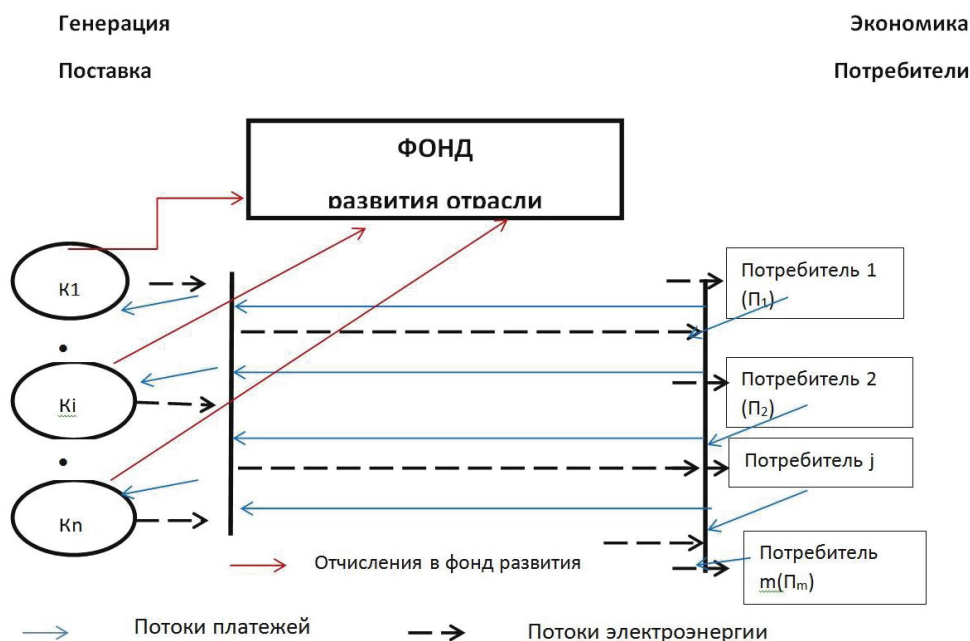

Рис. 4. Схема формирования фонда развития электроэнергетики: K_i — энергокомпании; P_j — предприятия и организации

Первое — необходимо восстановить компенсационные механизмы взаимодействий, все претензии по платежам и сами платежи должны быть экономически обоснованы. Второе — от сложившихся, весьма запутанных и сложных процедур ценообразования будет трудно одноmomentно отка-

заться или провести быстрые организационные преобразования. Однако в экономическом плане это можно будет сделать таким образом, как это представлено на рисунке 4. В целом, без кардинального изменения механизма ценообразования можно восстановить компенсационный принцип

экономики, в частности, все виды и формы платежей электроэнергетическим компаниям со стороны предприятий-потребителей должны быть компенсированы в той или иной форме. За потребленную электроэнергию потребители оплачивают счета, и в данном случае, формула: $D - T - D$ выполняется. По мощности мы имеем формулу ПУ: $D - ПТ(t + \Delta)$, здесь ПТ — потенциальный товар, который может поступить через Δ — лет, с непрогнозируемым исходом. Следует признать, что плата за мощность на 5 или 6 лет вперед, с позиции теории инвестирования, для плательщика несет дополнительные потери, обусловленные временной стоимостью денег. Если провести дисконтирование на альтернативную стоимость капитала для потребителя, то это покажет потери средств от их замораживания. В предлагаемом нами подходе (рис. 4) платежи за мощность можно накапливать на специально созданном государственном

депозитном фонде, предназначенном для инвестирования программ развития генерирующих мощностей. В этом фонде могут накапливаться и другие платежи: часть инфраструктурных платежей и дивидендов, выплачиваемых, например, государству. Используя позитивный рыночный опыт разных стран, такие фонды могут использоваться государством под различные социальные программы, когда нет строительства мощностей, что выгодно и государству, и инвесторам. Для инвестора нет потери средств, для государства не надо брать кредиты под государственный долг. Однако императив компенсации требует возмещения платежей потребителей за мощность. В этом случае на эти платежи или взносы могут выдаваться акции или другие ценные бумаги при вводе новых мощностей, если ввода нет, то эти средства могут рассматриваться как депозиты с установленным банковским процентом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Воропай Н. И., Паламарчук С. И., Стенников В. А. Рынки электрической и тепловой энергии: проблемы, вызовы, тенденции // Международная энергетическая конференция всероссийского открытого постоянно действующего научного семинара «Экономические проблемы энергетического комплекса (семинар А. С. Некрасова) — 2017»: материалы конференции. М., 2017. С. 182–203.
2. Кутовой Г. П. Нужна новая парадигма (или архитектура) экономических отношений в электроэнергетике // Энергетик. 2016. №2. С. 8–13.
3. Кутовой Г. П. О выборе варианта дальнейших реформ в электроэнергетике: от чего ушли, к чему пришли и как выстраивать отношения в электроэнергетике, обеспечивая ее развитие // Международная энергетическая конференция всероссийского открытого постоянно действующего научного семинара «Экономические проблемы энергетического комплекса (семинар А. С. Некрасова) — 2017»: материалы конференции. М., 2017. С. 209–235.
4. Межов И. С. Методы и инструменты анализа вертикальных взаимодействий предприятий — участников интеграции // Экономическая наука современной России. 2008. №4 (43). С. 114–125.
5. Плещинский А. С., Титов В. В., Межов И. С. Механизмы вертикальных взаимодействий предприятий (вопросы методологии и моделирования). Новосибирск, 2005. 336 с.
6. Яценко А. В. Влияние структурных и трансакционных издержек на механизм ценообразования при взаимодействии экономики и электроэнергетики // Экономика и предпринимательство. 2021. № 11. С. 1314–1318.
7. Колпаков А. Ю. Возможность сдерживания тарифов на газ и электроэнергию в условиях низкой экономической динамики в России // Международная энергетическая конференция всероссийского открытого постоянно действующего научного семинара «Экономические проблемы энергетического комплекса (семинар А. С. Некрасова) — 2017»: материалы конференции. М., 2017. С. 255–272.
8. Белобородов С. С. Снижение эмиссии CO₂: развитие когенерации или строительство ВИЭ? // Энергосовет. 2018. № 1 (51). С. 16–25. URL: http://www.energsovet.ru/bul_stat.php?idd=687 (дата обращения: 20.01.2022).
9. Беляев Л. С. Рынки электроэнергии: экономический анализ, практический опыт и особенности их организации на востоке России и в Северо-Восточной Азии. URL: <https://isem.irk.ru/symp2010/papers/RUS/S1-03r.pdf> (дата обращения: 20.01. 2022).
10. Кудрявый В. В. Разговор об энергетике // Энергосовет. 2018. № 1 (51). С. 5–8. URL: http://www.energsovet.ru/bul_stat.php?idd=683 (дата обращения: 20.01.2022).
11. Кутовой Г. П. Электроэнергетика вновь перед выбором варианта дальнейших реформ // Энергосовет. 2018. № 1 (51). С. 26–30. URL: http://www.energsovet.ru/bul_stat.php?idd=688 (дата обращения 20.01.2022).

REFERENCES

1. Voropay N. I., Palamarchuk S. I., Stennikov V. A. Electricity and thermal energy markets: problems, challenges, trends // International Energy Conference of the All-Russian Open Permanent Scientific Seminar «Economic Problems of the Energy Complex (A. S. Nekrasov's seminar) — 2017»: materials of the conference. M., 2017. Pp. 182–203.
2. Kutovoy G. P. We need a new paradigm (or architectonics) of economic relations in the electric power industry // Energetik. 2016. No. 2. Pp. 8–13.
3. Kutovoy G. P. On the choice of options for further reforms in the electric power industry: what they left, what they came to and how to build relations in the electric power industry, ensuring its development // International Energy Conference of the All-Russian Open Permanent Scientific Seminar «Economic Problems of the Energy Complex (A. S. Nekrasov's seminar) — 2017»: materials of the conference. M., 2017. Pp. 209–235.
4. Mezhev I. S. Methods and tools for the analysis of vertical interactions of enterprises — participants in the integration // Economic science of modern Russia. 2008. No. 4 (43). Pp. 114–125.
5. Pleshchinskii A. S., Titov V. V., Mezhev I. S. Mechanisms of vertical interactions between enterprises (questions of methodology and modeling). Novosibirsk, 2005. 336 p.
6. Yaschenko A. V. The influence of structural and transaction costs on the pricing mechanism in the interaction of the economy and the electric power industry // Economics and Entrepreneurship. 2021. No. 11. Pp. 1314–1318.
7. Kolpakov A. Yu. Possibility of restraining tariffs for gas and electricity in conditions of low economic dynamics in Russia // International Energy Conference of the All-Russian open permanent scientific seminar «Economic problems of the energy complex (seminar by A. S. Nekrasov) — 2017»: materials of the conference. M., 2017. Pp. 255–272.
8. Beloborodov S. S. Reduction of CO2 emissions: development of cogeneration or construction of RES? // Energoverset. 2018. No. 1 (51) Pp. 16–25. URL: http://www.energoverset.ru/bul_stat.php?idd=687 (date of access: 20.01.2022).
9. Belyaev L. S. Electricity markets: economic analysis, practical experience and peculiarities of their organization in the East of Russia and in Northeast Asia. URL: <https://isem.irk.ru/symp2010/papers/RUS/S1-03r.pdf> (date of access: 20.01. 2022).
10. Kudryaviy V. V. Conversation about energy // Energoverset. 2018. No. 1 (51). Pp. 5–8. URL: http://www.energoverset.ru/bul_stat.php?idd=683 (date of access: 20.01.2022).
11. Kutovoy G. P. The electric power industry again faces a choice of options for further reforms // Energoverset. 2018. No. 1 (51). Pp. 26–30. URL: http://www.energoverset.ru/bul_stat.php?idd=688 (date of access: 20.01.2022).

Поступила в редакцию: 15.02.2022.

Принята к печати: 21.03.2022.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ГОРОДСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ¹

В. В. Мищенко, Л. А. Капустян, И. В. Стрижкина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена вопросам цифровой трансформации управления в сфере городского хозяйства, приоритетам повышения его эффективности. Особое внимание уделяется рейтинговому анализу и оценке Индекса «IQ городов». Также раскрываются результаты реализации проекта «Умный город» на данной территории. Обосновывается необходимость в обучении кадров органов государственного и муниципального управления сквозным цифровым технологиям в рамках проекта «Цифровая экономика». Рассмотрены основные направления развития городского хозяйства в цифровой среде в рамках документа «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» и Национального проекта «Цифровая экономика», который, в свою очередь, включает в себя ряд подпроектов, одним из которых является «Цифровое государственное управление», а также федерального проекта «Умный город». В статье рассмотрены конкретные результаты региональной политики в области цифровизации экономики в Алтайском крае, рассмотрены цели и задачи, поставленные в федеральных национальных проектах. Выявлены проблемы реализации проектов и управления городским хозяйством. Детально рассмотрена проблема наличия квалифицированных кадров в области муниципального управления. Предложены конкретные пути решения данной проблемы, выявленные в результате мониторинга и проведения научных мероприятий.

Ключевые слова: цифровая экономика, регион, город, городское хозяйство, национальный проект.

ON SOME ASPECTS OF DIGITAL TRANSFORMATION IN URBAN MANAGEMENT

V. V. Mischenko, L. A. Kapustyan, I. V. Strizhkina

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the issues of digital transformation of management in the field of urban economy, priorities for improving its efficiency. Special attention is paid to rating analysis and evaluation of the «IQ of Cities» Index. The results of the implementation of the Smart City project in this territory are also disclosed. The necessity of training the personnel of state and municipal administration bodies in end-to-end digital technologies within the framework of the Digital Economy project is substantiated. The main directions of urban economy development in the digital environment are considered within the framework of the document «Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030» and the National Project «Digital Economy», which in turn, includes, a number of subprojects, one of which is «Digital Public Administration», as well as the federal project «Smart the city». The article discusses the specific results of regional policy in the field of digitalization of the economy in the Altai Territory, considers the goals and objectives set in federal national projects. The problems of project implementation and urban management. The problem of the availability of qualified personnel in the field of municipal administration is considered in detail. Specific ways of solving this problem, identified as a result of monitoring and conducting scientific events, are proposed.

Keywords: digital economy, region, city, urban economy, national project.

---

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Цифровой город» программы развития Алтайского государственного университета в контексте выполнения Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Введение. В 2020 г. доля населения, проживающего в городах, в мире составляла 56,2% (в РФ — более 75%), по прогнозам доля городского населения в 2050 г. увеличится до 68–70% [1]. Особенно быстро растет население крупных мегаполисов, где концентрация и разнообразие трудовых ресурсов, знаний и капиталов постоянно порождают инновации, новые технологии и специализации, более высокие доходы, производительность труда и конкурентоспособность. Именно крупнейшие города и прилегающие к ним территории — городские агломерации или метрополитенские регионы — являются основными моторами современной экономики, обеспечивающими технологический прогресс и экономический рост. В нашей стране несомненно лидерские позиции по многим показателям занимает наша столица — Москва. На Московском урбанистическом форуме еще в 2020 г. было отмечено, что города — это будущее человечества. Современные вызовы заставляют города все больше и больше внедрять новые цифровые технологии в управление городским хозяйством [2].

Исследование. Непрерывное развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на управление на всех уровнях государственной власти и местного самоуправления. Ключевым трендом современности стало понятие «цифровая трансформация». Начало данному процессу, на наш взгляд, было положено принятием главами государств и правительств «Группы восьми» 22 июля 2000 г. Окинавской хартии Глобального информационного общества. В ней отмечалось, что информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. Информационные технологии быстро становятся жизненно важным стимулом развития мировой экономики. Они также дают возможность частным лицам, фирмам и сообществам, занимающимся предпринимательской деятельностью, более эффективно и творчески решать экономические и социальные проблемы [3].

В нашей стране в 2008 г. была принята «Стратегия развития информационного общества на 2011–2020 годы», а затем указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [4].

Стратегия направлена на создание условий для формирования в Российской Федерации общества знаний; развитие человеческого потенциала; развитие свободного, устойчивого и безопасного

взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления; повышение эффективности государственного управления, развитие экономики и социальной сферы; формирование цифровой экономики.

В 2018 г. был утвержден национальный проект «Цифровая экономика», который, в свою очередь, включает в себя ряд подпроектов, одним из которых является «Цифровое государственное управление» [5], в рамках данного проекта 2019 года — стандарт федерального проекта «Умный город», то есть набор базовых и дополнительных мероприятий, которые предстоит выполнять всем городам-участникам проекта цифровизации городского хозяйства до 2024 года. Мероприятия включают восемь направлений: городское управление, «умное» ЖКХ, инновации для городской среды, «умный» городской транспорт, интеллектуальные системы общественной и экологической безопасности, инфраструктура сетей связи, туризм и сервис.

Проект «Умный город» направлен на повышение конкурентоспособности российских городов, формирование эффективной системы управления городским хозяйством, создание безопасных и комфортных условий для жизни горожан и базируется на 5 ключевых принципах: ориентация на человека; технологичность городской инфраструктуры; повышение качества управления городскими ресурсами; комфортная и безопасная среда; акцент на экономической эффективности, в том числе сервисной составляющей городской среды [6].

В декабре 2021 года Правительство РФ утвердило Стратегию цифровой трансформации строительной отрасли, городского и жилищно-коммунального хозяйства до 2030 года [7]. Задачами цифровой трансформации, в частности, являются достижение «цифровой зрелости» в отрасли жилищно-коммунального хозяйства за счет стандартизации применения интеллектуальных систем; технологии интернета вещей; применения принципа сквозных технологий на основе отечественных решений; поддержка граждан в части повышения доступности и качества оказываемых государственных и муниципальных услуг в сфере строительства и жилищно-коммунального хозяйства и обеспечения вовлеченности в вопросы управления жилищно-коммунального хозяйства. Для оценки эффективности мероприятий, реализуемых в рамках проекта, был разработан интегральный индекс оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства — IQ городов.

Основной показатель эффективности цифровизации городского хозяйства — динамика изменения IQ. Города сравнивают себя с похожими городами: почему при более или менее одинаковом старте

кому-то удастся достичь больших результатов, а кому-то нет. Это возможность для анализа, поиска и внедрения уже доказавших эффективность решений. Индекс IQ городов также может указать на эффективность работы местных властей — обратить внимание глав субъектов на еще не проработанные направления и найти точки роста.

В марте 2020 г. Минстрой России представил первый индекс IQ городов за 2018 г., который отразил результаты цифровизации городского хозяйства 191 города (города свыше 100 тыс., административные центры, города-пилоты по желанию). Затем в декабре 2020 г. Минстрой России озвучил данные второго индекса IQ городов за 2019 г., при этом количество участников расчета увеличилось до 203 городов. Сегодня среднее значение индекса уже превысило 40 баллов из 120 возможных при положительной динамике более чем на 18% (из 30%, необходимых к 2024 г.). Это соответствует первой фазе реализации проекта «Умный город» — структурирование, появление центров компетенций, начало выполнения дорожных карт региональных и муниципальных проектов.

Выводы и рекомендации. В рамках Национального проекта «Цифровая экономика», реализуемого в Алтайском крае, предполагается освоить бюджет в сумме 530 млн руб. Срок реализации проекта — 31.12.2024, ответственным за реализацию проекта является Министерство цифрового развития и связи Алтайского края.

В рамках проекта поставлены конкретные цели и определено достижение следующих показателей:

100% больниц, поликлиник, ФАПов, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления Алтайского края, образовательных организаций должны иметь доступ в Интернет;

100% образовательных организаций, реализующих программы общего образования, будут обеспечены беспроводным широкополосным доступом к сети Интернет по технологии Wi-Fi;

95% массовых социально значимых услуг будут предоставляться в электронной форме на ЕПГУ;

4,4 балла — минимальный уровень удовлетворенности качеством предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде с использованием ЕПГУ;

694 государственных (муниципальных) служащих Алтайского края и работников учреждений пройдут обучение по компетенциям в сфере цифровой трансформации государственного и муниципального управления.

В настоящее время реализация проекта осуществляется по следующим основным направлениям (проектам):

В рамках информационной инфраструктуры проект направлен на развитие качественной и доступной IT-сети по всему краю.

Для этого в регионе постепенно подключают к Интернету органы государственной власти и местного самоуправления; больницы, поликлиники, ФАПы, общеобразовательные организации в населенных пунктах; объекты Росгвардии.

В части информационной безопасности целью проекта является создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры.

На основании поставленной цели приняты следующие решения:

- органы власти переходят на отечественное программное обеспечение;
- все органы исполнительной власти Алтайского края размещены в федеральном сегменте сети RSNNet;
- организована подготовка специалистов по направлениям информационной безопасности;
- обеспечена централизация доступа органов власти к сети Интернет, а также осуществляется централизованное размещение информационных систем и мониторинг событий информационной безопасности;
- создан региональный центр обработки данных.

Приоритетной задачей проекта является рост расходов организаций на внедрение сквозных цифровых технологий, а также цифровизация сельского хозяйства Алтайского края для снижения себестоимости продукции и роста производительности труда. Для осуществления данной проектной цели в регионе:

- запланировано предоставление предприятиям займов на льготных условиях для цифровизации производства;
- сопровождается участие компаний в получении федеральных грантов, конкурсных отборах и льготных кредитов;
- расширяются возможности использования широкополосной мобильной связи;
- внедряются информационные технологии отечественного приборостроения в АПК;
- создан и функционирует Центр компетенций по цифровизации сельского хозяйства Алтайского края.

Одним из важнейших условий осуществления проекта является наличие квалифицированных кадров в регионе и городах края. Проект направлен на повышение уровня цифровых компетенций государственных и муниципальных служащих региона. В связи с решением поставленной задачи в крае:

- стимулируют рост числа студентов IT-специальности в вузах;
- создают условия для увеличения доли выпускников профессиональных училищ и колледжей с ключевыми компетенциями цифровой экономики;
- развивают систему переобучения и повышения квалификации по направлениям цифровой экономики;
- организуют прохождение жителями региона программ, размещенных на общедоступных онлайн-сервисах, которые направлены на повышение цифровой грамотности и формирование ключевых компетенций цифровой экономики;
- сопровождают участие образовательных организаций в конкурсных процедурах по получению грантовой поддержки из федерального бюджета;
- обеспечивают для государственных и муниципальных служащих возможность пройти переподготовку по направлениям цифровой экономики.

Проект также направлен на оптимизацию процесса оказания государственных и муниципальных услуг в электронной форме, внедрение сквозных платформенных решений в государственном и муниципальном управлении. В связи с этим в Алтайском крае:

- развивают юридически значимый электронный документооборот между органами власти, органами местного самоуправления, подведомственными организациями;
- развивают электронное межведомственное взаимодействие с органами власти;
- внедрили и развивают портал обратной связи, обеспечивающий возможность участия граждан в опросах, голосованиях и общественных обсуждениях, а также направление сообщений и предложений в органы власти через Единый портал Госуслуг;
- переводят массовые социально значимые услуги в электронную форму [8].

Цифровая трансформация городского управления осуществляется и в городах Алтайского края. В рейтинге городов с населением от 250 до 1 млн человек IQ г. Барнаула в 2018 г. — 41,82, в 2020 г. — 44,88. Барнаул занимает 10-е место среди 20 городов. При этом IQ первого в данном рейтинге городов — Белгорода составляет — 75,75 (для сравнения Москвы — 103,25).

В городе Барнауле реализуется муниципальный проект «Развитие цифровой экономики на территории города Барнаула». Ключевыми направлениями реализации муниципального проекта являются:

- подготовка высококвалифицированных кадров для цифровой экономики;
- внедрение цифровых технологий в сфере муниципального управления, оказания услуг;
- обеспечение информационной безопасности на основе отечественных разработок.

К 2024 г. планируется обеспечить ежегодное предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме на уровне не ниже 70% от общего количества заявок и увеличение затрат на приобретение отечественного программного обеспечения до 80% от общего объема затрат на эти цели.

На 1 января 2022 г. 64 из 72 муниципальных услуг в городе предоставляются в электронном виде, продолжается работа по переводу остальных. По итогам 9 месяцев 2021 года 74,24% обращений за муниципальными услугами поступило в электронной форме.

С целью развития цифровых технологий в сфере муниципального управления и оказания государственных и муниципальных услуг функционирует и постоянно совершенствуется городской портал «Электронный Барнаул».

С августа 2019 г. ведется работа в новом современном формате по созданию и продвижению в социальных сетях «ВКонтакте» интернет-сообществ, посвященных популяризации электронных услуг. На начало 2022 г. количество их подписчиков составило более 6000 человек. Осуществлена модернизация Инвестиционного портала города Барнаула, предназначенного для потенциальных инвесторов, улучшения условий ведения предпринимательской деятельности.

Особое внимание уделяется реализации проекта «Умный город», который направлен на формирование эффективной системы управления городским хозяйством, создание безопасных и комфортных условий для жизни граждан [9].

В Барнауле уже реализуются отдельные элементы данного проекта:

- действует Единая городская дежурно-диспетчерская служба, на базе которой функционируют 7 информационных систем сбора и обработки информации. Обеспечен доступ к системам видеонаблюдения и мониторинга паводковой и дорожной обстановки, а также погодных условий. Для охраны порядка установлены камеры видеонаблюдения;
- внедрены системы контроля движения общественного транспорта, работы дорожной и коммунальной техники;
- в многоквартирных жилых домах устанавливаются «умные» приборы учета энергоресурсов с дистанционной передачей данных,

- в образовательных учреждениях города устанавливаются автоматизированные индивидуальные тепловые пункты;
- ведется работа по модернизации опор уличного освещения для обеспечения отдельных территорий Барнаула сотовой связью и Интернетом;
- на территории Нагорного парка и набережной р. Оби организованы зоны доступа к сети Wi-Fi.

На территории города ведется работа по созданию остановочных павильонов повышенной комфортности («умных» остановок), оборудованных информационной сенсорной панелью с интерактивной картой города, позволяющей отслеживать передвижение общественного транспорта, точкой беспроводного доступа Wi-Fi, «тревожной кнопкой» для связи с экстренными службами, зоной для подзарядки мобильных устройств. Определены предполагаемые места установки, подготовлена нормативная база для установки на территории города «умных» остановочных павильонов.

Планируется создание IT-парка — центра, обеспечивающего комфортные условия для работы специалистов сферы информационных технологий. Осуществляется работа по привлечению инвесторов. В настоящее время работа по данному проекту ведется без прямого участия федеральных и краевых средств — за счет городского бюджета и потенциальных инвестиций. В 2021 г. объем финансирования проекта составил 81,7 млн руб. В 2022 г. планируемый объем финансирования муниципального проекта «Развитие цифровой экономики на территории города Барнаула» — 49,8 млн руб. [10]. Средства планируется направить на сопровождение информационных систем, развитие программного и технического обеспечения органов местного самоуправления города, повышение квалификации муниципальных служащих, развитие материально-технической базы общеобразовательных учреждений, эксплуатацию Единой дежурно-диспетчерской службы.

Таким образом, для обеспечения эффективной цифровой трансформации, на наш взгляд, одной из первоочередных задач является подготовка кадров, способных эту трансформацию осуществить.

В Алтайском государственном университете разработан и начат реализовываться проект «Цифровой город». Проект направлен на разработку

инновационной программы дополнительного профессионального образования «Цифровой город». Участие в проекте принимают специалисты различных направлений: экономисты, географы, математики и информатики. В рамках работы над проектом будет создан конечный продукт, отличающийся новизной и оригинальностью, — адаптированная программа дополнительного профессионального образования. В этой программе найдут отражение несколько направлений: сфера управления, пространственные решения и цифровые технологии. Для отражения запросов рынка и формирования новых цифровых компетенций был проведен опрос профессионалов-экспертов, который дал возможность сформировать пул востребованных на рынке труда компетенций.

В процессе реализации проекта будет произведен анализ понятия «цифровая экономика» по отношению к городскому хозяйству, обобщение различных цифровых технологий в управлении городом, сформированы ключевые компетенции, необходимые для реализации концепции «цифровой город». На основании проведенного исследования будут также сформированы образовательные модули, которые учтут персонифицированные модели обучения.

Реализация данного проекта будет способствовать более эффективной организации системы управления городским хозяйством для создания безопасных и комфортных условий жизни горожан. Основной инструмент — это использование новых цифровых решений при функционировании городской инфраструктуры. Программа «Цифровой город» будет разработана с учетом трендов развития городов, особенно их жилищно-коммунального хозяйства и связана с изучением и внедрением новых технологий. Будет осуществлена возможность применения технологий анализа данных для эффективного функционирования системы оказания городских услуг.

Таким образом, проект направлен на развитие системы ДПО на основе персонифицированной модели обучения, цифровых решений, реализации сетевых программ с промышленными партнерами, обеспечивающей опережающее развитие кадрового потенциала цифровой экономики и социально-культурной сферы региона в соответствии с интересами научно-технологического развития Алтайского края и Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Урбанистика. Городская экономика, развитие и управление: учебник и практикум для вузов / Л. Э. Лимонов и др.; под ред. Л. Э. Лимонова. М., 2022. 822 с. // Образовательная платформа Юрайт: сайт. С. 26. URL: <https://urait.ru/bcode/495545/p.26> (дата обращения: 26.04.2022).

2. Зотов В. Б. Информационные технологии в государственном и муниципальном управлении. М., 2021.
3. Окинавская хартия глобального информационного общества. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 26.04.2022).
4. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «Гарант».
5. Национальный проект «Цифровая экономика». URL: <https://digital.ac.gov.ru/> (дата обращения: 26.04.2022).
6. Попов Е. В., Семьячков К. А. Умные города: монография. М., 2021. 346 с. // ЭБС Юрайт: сайт. URL: <https://urait.ru/bcode/477213> (дата обращения: 26.04.2022).
7. Распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2021 года № 3883-р «О Стратегии цифровой трансформации строительной отрасли, городского и жилищно-коммунального хозяйства до 2030 года // СПС «Гарант».
8. Официальная страница общероссийского информационного портала «Будущее России. Национальные проекты», направление «Цифровая экономика». URL: <http://futuresrussia.gov.ru/cifrovaya-ekonomika>
9. Дук Е. Цифровизация городского хозяйства. URL: <https://www.tbforum.ru/blog/cifrovizaciya-gorodskogo-hozyajstva> (дата обращения: 26.04.2022).
10. Казанцева О. Л. Местное самоуправление переходит в цифру // Российско-Азиатский правовой журнал. 2021. № 2.

REFERENCES

1. Urbanism. Urban Economy, Development and management: textbook and workshop for universities / L. E. Limonov et al.; edited by L. E. Limonov. 2022. 822 p. // Yurayt Educational Platform: website. P. 26. URL: <https://urait.ru/bcode/495545/p.26> (date of access: 26.04.2022).
2. Zotov V. B. Information technologies in state and municipal management. M., 2021.
3. Okinawa Charter of the Global Information Society. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (date of access: 26.04.2022).
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 dated May 9, 2017 «On the Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030» // SPS Garant.
5. National Project «Digital Economy». URL: / <https://digital.ac.gov.ru/> (date of access: 26.04.2022).
6. Popov E. V., Semyachkov K. A. Smart cities: a monograph. M., 2021. 346 p. // Yurayt Educational Platform: website. URL: <https://urait.ru/bcode/477213> (date of access: 26.04.2022).
7. Decree of the Government of the Russian Federation No. 3883-r dated December 27, 2021 «On Strategies for digital transformation of the construction industry, urban and housing and communal services until 2030» // SPS Garant.
8. The official page of the All-Russian information portal «The Future of Russia. National projects», direction «Digital economy». URL: <http://futuresrussia.gov.ru/cifrovaya-ekonomika> (date of access: 26.04.2022).
9. Duk E. Digitalization of urban economy. URL: <https://www.tbforum.ru/blog/cifrovizaciya-gorodskogo-hozyajstva> (date of access: 26.04.2022).
10. Kazantseva O. L. Local self-government turns into a figure // Russian-Asian Legal Journal. 2021. No. 2.

Поступила в редакцию: 28.04.2022.

Принята к печати: 30.05.2022.

ВЛИЯНИЕ ДОВЕРИЯ НА ОТНОШЕНИЕ К НАЛОГОВОЙ ДИСЦИПЛИНЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В СТРАНАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Н. В. Покровская¹, О. А. Теляк²

¹Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

²Полесский государственный университет (Пинск, Беларусь)

Статья посвящена категории доверия и его роли в развитии экономики и финансов для Российской Федерации и Республики Беларусь. Целью исследования является соотнесение динамики горизонтального и вертикального доверия, а также отношения к налоговой дисциплине с учетом возрастных характеристик респондентов в странах Союзного государства. В качестве базы исследования использовались лонгитюдные данные проекта Всемирного обзора ценностей с 1990-х гг. Было показано, что при общих исторических, экономических и культурных истоках экономических и финансовых систем стран Союзного государства уровень горизонтального доверия и темпы изменения вертикального доверия в странах различаются. Результаты опросов респондентов в анализируемых странах свидетельствовали о росте снисходительности к нарушениям налоговой дисциплины за последние тридцать лет, впрочем, не подкрепляемом соответствующим ростом задолженности по налогам. Для всего периода наблюдений справедливо увеличение нетерпимости к нарушению налоговой дисциплины с увеличением возраста респондентов. При трактовке результатов оценки мнений студентов как будущих налогоплательщиков важно учитывать, что они отражают достаточно радикальную позицию, и налоговая дисциплина с возрастом потенциально усиливается.

Ключевые слова: доверие, горизонтальное доверие, вертикальное доверие, налоговое мошенничество, налоговая культура.

THE INFLUENCE OF TRUST ON THE ATTITUDE TO TAX DISCIPLINE IN THE CONTEXT OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE COUNTRIES OF THE UNION STATE

N. V. Pokrovskaja¹, O. A. Telyak²

¹St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

²Polesky State University (Pinsk, Belarus)

The article is devoted to the category of trust and its role in the development of the economy and finance for the Russian Federation and the Republic of Belarus. The purpose of the study is to correlate the dynamics of horizontal and vertical trust, as well as attitudes towards tax discipline, taking into account the age characteristics of respondents in the countries of the Union State. The study is based on longitudinal data from the World Values Survey project since the 1990s. It was shown that with the common historical, economic and cultural origins of the economic and financial systems of the countries of the Union State, the level of horizontal trust and the rate of change in vertical trust in the countries differ. The results of surveys of respondents in the analyzed countries indicated an increase in leniency towards tax cheating over the past thirty years, though not supported by a corresponding increase in tax arrears. For the entire observation period, an increase in intolerance to tax cheating with an increase in the age of respondents is true. When interpreting the results of assessing the opinions of students as future taxpayers, it is important to take into account that they reflect a rather radical position and tax discipline potentially increases with age.

Keywords: trust, horizontal trust, vertical trust, tax cheating, tax culture.

Введение. В поле научного зрения большинства экспертов, занимающихся вопросами экономики, входят не только категории капитала, труда, монетарной и фискальной политики, но и вопросы доверия. Высокий уровень доверия в стране устойчиво ассоциируется с развитостью ее финансового рынка, правовой системы и с качеством институтов в целом и с качеством корпоративной предпринимательской среды в частности. Доверие просто необходимо, в том числе и для развития рыночных отношений.

Одним из первых ученых, поднявших вопросы важности доверия в развитии стран и экономик, был Ф. Фукуяма [1, 2], именно он акцентировал внимание на существенном положительном влиянии доверия на развитие экономики. Ученый писал, что одним из главных уроков изучения экономической жизни является то, что благополучие страны, а также ее созыательная способность на фоне других стран определяются одной универсальной культурной характеристикой — присущим ее обществу уровнем доверия.

Большинство ученых, занимающихся вопросами доверия, активно ссылаются на результаты исследований Я. Алгана и П. Каю [3], которые выявили прочную взаимосвязь между уровнем доверия и уровнем внутреннего валового продукта (ВВП) на душу населения. По расчетам авторов, прирост доверия на 10 процентных пунктов может обеспечить рост ВВП на душу населения на 13%. Существует мнение, что именно недостаток доверия явился в советской экономике причиной общего кризиса всей системы [4]. Ученые, исследующие белорусскую экономику, уверены, что государственные институты могут повысить эффективность проводимой ими политики благодаря росту доверия [5]. А. А. Аузан настаивает на том, что доверие — главный ресурс развития и подчеркивает, что при уровне доверия, как в Швеции, российская экономика была бы эффективнее более чем в полтора раза [6]. Есть и более скептические мнения о невозможности дать однозначную оценку прямого влияния доверия на экономический рост [7].

Нет единства и в понимании причинно-следственных связей доверия и экономического роста, качества институтов. Одни ученые утверждают, что доверие не является первичной категорией. Другие — наоборот, настаивают на том, что при начальном повышении доверия в обществе будут возникать благоприятные условия для развития институтов и экономики.

О. А. Золотарева определяет доверие как базовый институт современной денежно-кредитной политики, находящийся в комплементарных отношениях с институтом денег, подчеркивает важность создания институтами взаимодоверчивых

и дополняющих друг друга правил, стимулов поведения экономических агентов [8]. Важность доверия для финансово-кредитной системы очевидна, даже исходя из этимологии слова «кредит» (от лат. *credo* — верить). Однако не менее значимую роль данная категория играет и в налогообложении [9–11].

Следует отметить предшествующие исследования отношения к налогам в России и соседних государствах, которые в значительной мере предопределили интерес авторов к данной тематике — прежде всего работы М. Беренсона [12] и коллектива исследователей под руководством А. П. Киреенко и Е. Ф. Киреевой [13–15]. М. Беренсон характеризует налоговую культуру в России, Украине и Польше с 1990-х до середины 2010-х гг. и вектор ее развития отражен в заглавии исследования: от принуждения к сотрудничеству. Серия лабораторных экспериментов, ориентированных на изучение налогового поведения российских и белорусских студентов, позволила не только выделить факторы, предопределяющие это поведение, но и показала различия в реакции потенциальных налогоплательщиков двух стран на изменение налоговых условий, а также различия в отношении к правительству и налоговой системе, осознания социальной направленности деятельности государства. Насколько позиция обучающихся, будущих налогоплательщиков, отражает мнение общества в целом? Меняется ли отношение к национальным налоговым системам во времени? Поиск ответов на эти вопросы задал направления характеристики трендов доверия и отношения к исполнению налоговых обязательств в странах Союзного государства.

Целью исследования является соотнесение динамики горизонтального и вертикального доверия, а также отношения к налоговой дисциплине с учетом возрастных характеристик респондентов в странах Союзного государства. Широкое распространение имеет мнение о близости финансовых систем России и Беларуси по причине общих исторических, экономических и культурных истоков [16]. Гипотезой исследования является схожесть уровня доверия в странах Союзного государства.

Методология исследования. Для характеристики уровня доверия используются экспертные заключения, авторские методики, различные рейтинги и эксперименты. Основой для проверки гипотезы исследования стали данные всемирного проекта World Value Survey (WVS). Впервые масштабная межнациональная оценка ценностей на основании опроса респондентов была предпринята в 1981 г. в рамках European Values Study; оценка повторяется каждые девять лет и включает все больше стран, в том числе за пределами Европы. В рамках World Value Survey каждые пять лет про-

водится оценка основных ценностей жителей более ста двадцати стран. Данный проект дает представление об идеях, убеждениях, предпочтениях и ценностях в разных странах. Он объединяет взгляды на жизнь, семью, работу, религию, политику и общество. Последовательные наблюдения на протяжении сорока лет наглядно представляют, как меняются ценности в различных странах и насколько различаются скорости этого изменения. Оценки European Values Study и World Value Survey являются базой многочисленных исследований, в том числе в сфере налогообложения [17–20].

Данные по Российской Федерации представлены в отчетах WVS за пять волн — 1990–1994, 1995–1999, 2005–2009, 2010–2014 и 2015–2020 гг. Республика Беларусь не была включена в отчет 2005–2009 гг. Потому сравнительный анализ по странам Союзного государства проведен за период 1990–1999 и 2010–2020 гг.

Рассматривались результаты ответа респондентов на следующие вопросы:

- уровень доверия (вопрос Q57 опросника): как вы считаете, большинству людей можно доверять или в общении с людьми следует быть осторожным? Ответ на вопрос предполагал два варианта ответа, напрямую представленные в вопросе;
- доверие к правительству (вопрос Q71 опросника): насколько вы доверяете пра-

вительству? Ответ на вопрос включает четыре градации — полностью доверяю, доверяю в значительной степени, доверяю в незначительной степени, не доверяю вообще. Результаты опроса представлены только для периодов 1995–1999, 2010–2014 и 2015–2020 гг.;

- отношение к налоговой дисциплине (вопрос Q180 опросника): считаете ли вы, что мошенничество с налогами может быть оправдано? Вариант ответов предполагает десять уровней от «не может быть оправдано ни при каких обстоятельствах», до «оправдано вне зависимости от обстоятельств».

Ответы респондентов оценены отдельно по следующим возрастным группам: респонденты в возрасте до 29 лет, от 30 до 49 лет, свыше 50 лет. Ответы «затрудняюсь сказать» по всем вопросам исключались из рассмотрения.

Доверие в странах Союзного государства.

Относительно исходного вопроса о том, можно ли доверять большинству людей, ответы по странам совпадали в период 1994–1999 гг. За анализируемые три десятилетия доверие в белорусском обществе укрепилось, а в российском — во второй половине 2010-х гг. наблюдалась обратная тенденция (рис. 1).

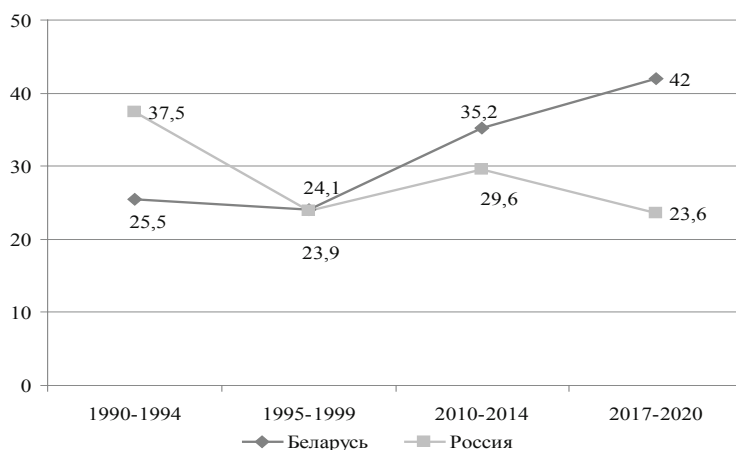

Рис. 1. Доля респондентов, считающих, что можно доверять большинству людей, %

Таблица 1

Мнения респондентов, характеризующие доверие к правительству, %

Варианты ответов	Беларусь	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь	Россия
	1995–1999		2010–2014		2017–2020	
Полностью доверяю	14,4	3,4	14,9	7,4	11,9	13,8
Преимущественно доверяю	36,8	22,6	41,5	42,7	43,3	41,1
Преимущественно не доверяю	32	39,4	31,2	32,4	30,1	28,5
Полностью не доверяю	16,8	34,6	12,5	17,6	14,6	16,5

И в Республике Беларусь, и в Российской Федерации в 2010-е гг. наблюдается выраженное повышение доверия к правительству по сравнению с 1990-ми гг. (табл. 1).

В Беларуси снизилась доля респондентов, безоговорочно доверяющих правительству, однако это справедливо и для полярного мнения о полном недоверии. И все же наиболее впечатляющие изменения произошли во мнениях российских респондентов: если во второй половине 1990-х доверяло правительству менее четверти опрошенных, в конце 2010-х доля доверяющих превысила 50%; доля респондентов, полностью доверяющих правительству, увеличилась в 4 раза.

Таким образом, горизонтальное доверие выше в белорусском обществе, уровень вертикального доверия в странах Союзного государства не различается столь значительно, как горизонтального, однако в России темпы увеличения доверия к правительству с 1990-х к 2010-м гг. были выше.

Следует отметить, что уровень доверия в Беларуси и России имеет потенциал к росту, однако не является низким по сравнению с сопоставимыми по уровню развития странами.

Отношение к налоговой дисциплине в странах Союзного государства. На фоне достаточно высокого уровня доверия правительству оценка отношения к налоговому мошенничеству в странах Союзного государства выглядит достаточно обескураживающей. В отчете 2017–2020 гг. представлены результаты ответа на вопрос об одобрении налогового мошенничества респондентов 83 стран; при ранжировании доли ответивших, что налоговое мошенничество не может быть оправданным ни при каких обстоятельствах, Беларусь и Россия занимают 78-е и 81-е места из 83 соответственно. В обеих странах с 1990-х гг. наблюдается увеличение снисходительности к налоговому мошенничеству (рис. 2). И все же наиболее выражено изменение к налоговой дисциплине в России: доля респондентов, резко отрицательно относящихся к налоговому мошенничеству, за двадцать лет снизилась почти вдвое за счет роста доли респондентов, считающих его в достаточной мере оправданным. В Беларуси снижение доли респондентов, резко отрицательно относящихся к налоговому мошенничеству, дополнялось ростом относящихся скорее отрицательно, чем положительно.

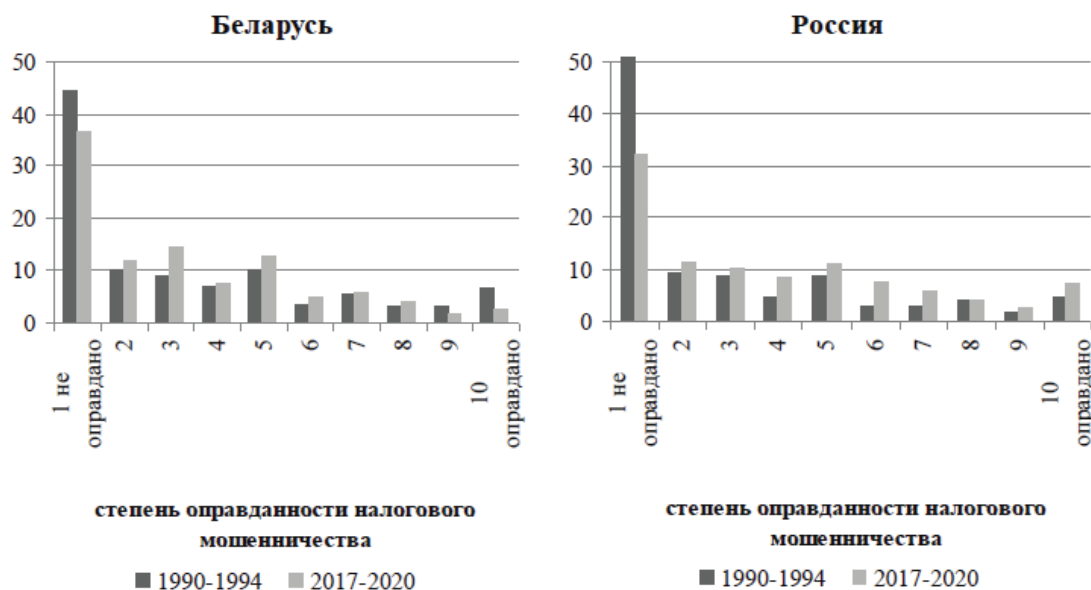

Рис. 2. Распределение ответов об оправданности мошенничества с налогами в 1990–1994 гг. и 2017–2020 гг. в Беларуси и России, %

При схожем векторе в странах Союзного государства на рост одобрения налогового мошенничества все же более значительно оно проявилось в Российской Федерации. Вместе с тем данные по величине недоимки по налогам Росстата России демонстрируют с 1990-х гг. последователь-

ное снижение задолженности по налогам более чем в 15 раз — от почти 10% ВВП в 1999 г. до 0,7% в 2020 г. (рис. 3). Таким образом, изменение взглядов на налоговое мошенничество не имеет прямого отражения в официальных данных о взимании налогов.

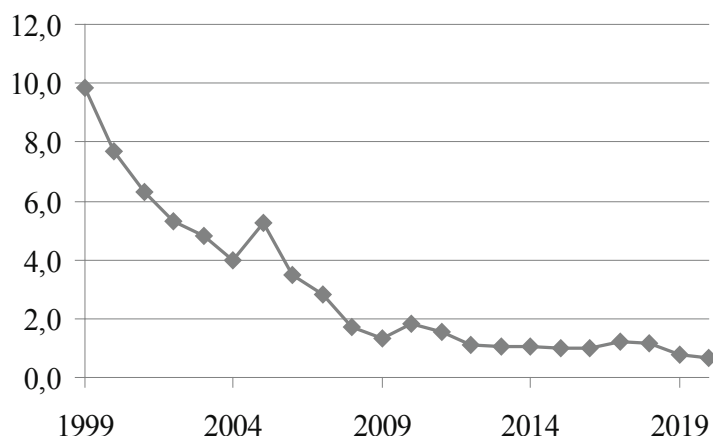

Рис. 3. Задолженность по налогам в России, % к ВВП

На результаты мнения о налоговом мошенничестве оказывает значительное влияние возраст респондентов (табл. 2). По исследованиям 2010–2014 и 2015–2020 гг. в России и Беларуси совпадают доли респондентов в возрасте свыше 50 лет,

полагающих, что налоговое мошенничество не может быть оправдано ни при каких обстоятельствах; при этом схожей согласованности в доле респондентов соответствующего возраста, оправдывающих налоговое мошенничество, не наблюдается.

Таблица 2

Мнения респондентов, характеризующие оправданность мошенничества с налогами, %

	РБ	РФ	РБ	РФ	РБ	РФ	РБ	РФ
	1990–1994		1995–1999		2010–2014		2017–2020	
1. Всех респондентов								
Не может быть оправдано	44,4	53	40,7	46,6	44,1	43	36,5	32,2
Оправдано	6,3	4,5	5,4	5,4	0,7	2,5	2,2	7,3
2. Респонденты в возрасте до 29 лет								
Не может быть оправдано	27,7	35,3	26,9	28,0	32,7	30,8	27,3	26,9
Оправдано	7,4	9,1	11,9	9,3	1,1	5,0	3,9	9,7
3. Респонденты в возрасте от 30 до 49 лет								
Не может быть оправдано	46,1	50,1	37,0	42,1	39,0	37,7	34,3	28,7
Оправдано	6,3	3,8	4,8	5,8	0,8	3,0	2,0	8,8
4. Респонденты в возрасте свыше 50 лет								
Не может быть оправдано	57,9	67,7	53,8	60,9	55,3	55,5	43,0	43,0
Оправдано	5,0	2,2	2,0	2,9	0,5	0,6	1,5	3,9

Примечание. РБ — Республика Беларусь, РФ — Российская Федерация.

Данные исследования показывают, что отношение к налоговому мошенничеству меняется с возрастом: от большего к меньшему его одобрению. Потому динамику доверия в целом и отношения к налоговому мошенничеству в частности можно рассматривать в хронологическом развитии — например, от 1990-х до 2010-х гг. Однако не менее примечательны результаты изменения мнений респондентов с переходом их от одной возрастной категории к другой — например, от возра-

ста до 29 лет до возраста свыше 50 лет. В контексте указанных двух аспектов в странах Союзного государства можно констатировать рост одобрения налогового мошенничества за последние тридцать лет и ее последовательное снижение с возрастом респондентов. При трактовке результатов оценки мнений студентов как будущих налогоплательщиков [11, 13] важно учитывать, что они отражают достаточно радикальную позицию, и налоговая дисциплина с возрастом потенциально усиливается.

Выводы. Гипотеза исследования не получила своего полного подтверждения. Горизонтальное доверие выше в Республике Беларусь; тенденция к росту доверия к людям сохраняется. Вертикальное доверие демонстрировало в 2010-е гг. более высокие темпы роста в России, однако уровень вертикального доверия в странах Союзного государства значимо не различается.

Не выявлено и полного единства позиций респондентов двух стран по вопросу об одобрении налогового мошенничества. Для стран Союзного государства для всего периода наблюдений справедливо увеличение нетерпимости к налоговому

мошенничеству с увеличением возраста респондентов. Вместе с тем рост снисходительности респондентов к налоговому мошенничеству в России дополняется снижением задолженности по налогам. Таким образом, рассогласованность ценностных установок и официальных данных об уплате налогов актуализирует перспективу более глубокого и детализированного рассмотрения уровня доверия в странах Союзного государства и его отражения на налоговой дисциплине, которые могут быть дополнены соотношением уровня доверия и неформальных оценок масштабов налогового мошенничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М., 2004. 730 с.
2. Fukuyama F. Social Capital, Civil Society and Development // *Third World Quarterly*. 2001. No. 22 (1). Pp. 7–20. DOI: 10.1080/01436590020022547.
3. Algan Y., Cahuc P. Trust, Growth, and Well-Being: New Evidence and Policy Implications // *Handbook of Economic Growth*. 2014. No. 2. Pp. 49–120. DOI: 10.1016/B978-0-444-53538-2.00002-2.
4. Николаев И. А., Ефимов С. В., Марушкина Е. В. Доверие в экономике: количественная оценка. Аналитический доклад Департамента стратегического анализа ФБК. М., 2006. 38 с. URL: <https://www.fbk.ru/upload/images/doverie1.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).
5. Борнукова К., Годес Н., Щерба Е. Доверие в экономике: что это, как работает и для чего нужно? // *Банковский вестник*. 2020. № 3 (680). С. 95–99.
6. Аузан А. А. Доверие в пяти ракурсах // Материалы научного семинара «Реалистическое моделирование». МГУ имени М. В. Ломоносова, Экономический факультет, 29 ноября 2018 г. С. 4–6. URL: <http://council.gov.ru/media/files/SA92Q3DMC6jIXDA2fs3nknurwMSYdH9E.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).
7. Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства: материалы к заседанию научно-экспертного Совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации от 13 ноября 2020 года. URL: <http://council.gov.ru/structure/docs/42783/> (дата обращения: 02.02.2022).
8. Золотарева О. А. Институты денежно-кредитной политики: сущность, виды, взаимодействие // *Российское предпринимательство*. 2014. № 20 (266). С. 29–43.
9. Ciziceno M., Pizzuto P. Life Satisfaction and Tax Morale: The Role of Trust in Government and Cultural Orientation // *Journal of Behavioral and Experimental Economics*. 2022. Vol. 97. 101824. DOI: 10.1016/j.socsc.2021.101824.
10. Вылкова Е. С. Энциклопедия управления налогообложением экономических субъектов. Том 1. Теоретические основы. СПб., 2017. 324 с.
11. Львова Н. А., Покровская Н. В., Иванов В. В. Социально-ориентированное налогообложение и его восприятие (на материалах опроса будущих экономистов) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017. Том 10. № 4. С. 196–211. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.11.
12. Berenson M. Taxes and Trust. From Coercion to Compliance in Poland, Russia and Ukraine. Cambridge University Press, 2018. 364 p. DOI: 10.1017/9781108333580.
13. Kireenko A. P., Nevzorova E. N., Kireyeva A. F., Filippovich A. S., Khoroshavina E. S. Lab Experiment to Investigate Tax Compliance: the Case of Future Taxpayers' Behavior in Russia and Belarus // *Journal of Tax Reform*. 2018. Vol. 4. No. 3. Pp. 266–290. DOI: 10.15826/jtr.2018.4.3.056.
14. Теневая экономика и уклонение от уплаты налогов / под ред. А. П. Киреенко, Д. Ю. Федотова. Иркутск, 2017. 202 с.
15. Пинская М. Р., Киреенко А. П. Лабораторный эксперимент при исследовании проблемы уклонения от уплаты налогов: значение и методика проведения // *Налоги и налогообложение*. 2017. № 7. С. 56–66. DOI: 10.7256/2454-065X.2017.7.23846.

16. Иванов В. В., Покровская Н. В., Теляк О. А. Тренды налогообложения доходов населения по банковским вкладам в странах Союзного государства // Белорусский экономический журнал. 2021. № 2 (95). С. 70–80. DOI: 10.46782/1818–4510–2021–2–70–80.
17. Daude C., Gutierrez H., Melguizo A. What Drives Tax Morale? // OECD Development Centre Working Papers, No. 315. Paris, 2012. 51 p. DOI: 10.1787/5k8zk8m61kzq-en10.1787/5k8zk8m61kzq-en.
18. Horodnic I. A. Tax Morale and Institutional Theory: a Systematic Review // International Journal of Sociology and Social Policy. 2018. Vol. 38. No. 9/10. Pp. 868–886. DOI: 10.1108/IJSSP-03–2018–003910.1108/IJSSP-03–2018–0039.
19. Zidkova H., Tepperova J., Helman K. EVS Data-Based Analysis of Tax Evasion: Descriptive vs. Regression Modeling // Society and economy in Central and Eastern Europe: journal of the Corvinus University of Budapest. 2018. Vol. 40 (1). Pp. 89–103. DOI: 10.1556/204.2018.40.1.610.1556/204.2018.40.1.6.
20. Rysava T., Zidkova H. What are the Factors of Tax Evasion? New Findings in the EVS Study // Review of Economic Perspectives. 2021. Vol. 21. No. 4. Pp. 385–409. DOI: 10.2478/revecp-2021–0017.

REFERENCES

1. Fukuyama F. Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity. Moscow, 2004. 730 p.
2. Fukuyama F. Social Capital, Civil Society and Development // Third World Quarterly. 2001. No. 22 (1). Pp. 7–20. DOI: 10.1080/01436590020022547.
3. Algan Y., Cahuc P. Trust, Growth, and Well-Being: New Evidence and Policy Implications // Handbook of Economic Growth. 2014. No. 2. Pp. 49–120. DOI: 10.1016/B978–0–444–53538–2.00002–2.
4. Nikolaev I. A., Efimov S. V., Marushkina E. V. Trust in the Economy: a Quantitative Assessment. Analytical report of FBK Strategic Analysis Department. M., 2006. 38 p. URL: <https://www.fbk.ru/upload/images/doverie1.pdf> (date of access: 02.02.2022).
5. Bornukova K., Godes N., Shcherba E. Trust in the Economy: what is it, how does it work and what is it for? // Bank Bulletin. 2020. No. 3 (680). Pp. 95–99.
6. Auzan A. A. Trust in Five Perspectives // Proceedings of the Scientific Seminar «Realistic Modeling», Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Faculty of Economics, November 29, 2018. Pp. 4–6. URL: <http://council.gov.ru/media/files/SA92Q3DMC6jlxDA2fs3nknurwMSYdH9E.pdf> (date of access: 02.02.2022).
7. Trust as a Critical Factor in Achieving the Strategic Goals of the Socio-economic and Political Development of the State. Materials for the meeting of the Scientific and Expert Council under the Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation dated November 13, 2020. URL: <http://council.gov.ru/structure/docs/42783/> (date of access: 02.02.2022).
8. Zolotareva O. A. Monetary Policy Institutions: Essence, Types, Interaction // Russian Journal of Entrepreneurship. 2014. No. 20 (266). Pp. 29–43.
9. Ciziceno M., Pizzuto P. Life Satisfaction and Tax Morale: The Role of Trust in Government and Cultural Orientation // Journal of Behavioral and Experimental Economics. 2022. Vol. 97. 101824. DOI: 10.1016/j.socec.2021.101824.
10. Vylkova E. S. Encyclopedia of Taxation Management of Economic Entities. Vol. 1. Theoretical Foundations. St. Petersburg, 2017. 324 p.
11. Lvova N. A., Pokrovskaya N. V., Ivanov V. V. Socially Oriented Taxation and its Perception (based on a Survey of Future Economists) // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. Vol. 10. No. 4. Pp. 196–211. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.11.
12. Berenson M. Taxes and Trust. From Coercion to Compliance in Poland, Russia and Ukraine. Cambridge University Press, 2018. 364 p. DOI: 10.1017/9781108333580.
13. Kireenko A. P., Nevzorova E. N., Kireyeva A. F., Filippovich A. S., Khoroshavina E. S. Lab Experiment to Investigate Tax Compliance: the Case of Future Taxpayers' Behavior in Russia and Belarus // Journal of Tax Reform. 2018. Vol. 4. No. 3. Pp. 266–290. DOI: 10.15826/jtr.2018.4.3.056.
14. Shadow Economy and Tax Evasion / ed. A. P. Kireenko, D. Yu. Fedotov. Irkutsk, 2017. 202 p.
15. Pinskaya M. R., Kireenko A. P. Laboratory Experiment in the Study of the Problem of Tax Evasion: Meaning and Methodology // Taxes and Taxation. 2017. No. 7. Pp. 56–66. DOI: 10.7256/2454–065X.2017.7.23846.
16. Ivanov V. V., Pokrovskaya N. V., Telyak O. A. Trends in Taxation of Household Income on Bank Deposits in the Countries of the Union State Russia and Belarus // Belarusian Economic Journal. 2021. No. 2 (95). Pp. 70–80. DOI: 10.46782/1818–4510–2021–2–70–80.

---

17. Daude C., Gutierrez H., Melguizo A. What Drives Tax Morale? // OECD Development Center Working Papers, No. 315. Paris, 2012. 51 p. DOI: 10.1787/5k8zk8m61kzq-en10.1787/5k8zk8m61kzq-en

18. Horodnic I. A. Tax Morale and Institutional Theory: a Systematic Review // International Journal of Sociology and Social Policy. 2018. Vol. 38 No. 9/10. Pp. 868–886. DOI: 10.1108/IJSSP-03–2018–003910.1108/IJSSP-03–2018–0039.

19. Zidkova H., Tepperova J., Helman K. EVS Data-Based Analysis of Tax Evasion: Descriptive vs. Regression Modeling // Society and economy in Central and Eastern Europe: journal of the Corvinus University of Budapest. 2018. Vol. 40 (1). Pp. 89–103. DOI: 10.1556/204.2018.40.1.610.1556/204.2018.40.1.6.

20. Rysava T., Zidkova H. What are the Factors of Tax Evasion? New Findings in the EVS Study // Review of Economic Perspectives. 2021. Vol. 21. No. 4. Pp. 385–409. DOI: 10.2478/revecp-2021–0017.

Поступила в редакцию: 07.04.2022.

Принята к печати: 21.04.2022.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ГРАЖДАН КАК ИНСТРУМЕНТ СОКРАЩЕНИЯ МОНЕТАРНОГО НЕРАВЕНСТВА¹

А. А. Пугачев

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова (Ярославль, Россия)

Монетарное неравенство является для России одной из актуальных социально-экономических проблем. Налоги до настоящего времени не способствовали сокращению неравенства. Потенциалом в его сглаживании обладает не только подоходное налогообложение граждан, но и имуществонное.

В России доля имущественных налогов физических лиц в налоговых доходах бюджета существенно ниже, чем во многих развитых странах. Показано, что имущественные налоги физических лиц имеют серьезный потенциал как в повышении бюджетной обеспеченности регионов и муниципальных образований, так и в сглаживании неравенства.

В России к инструментам сглаживания неравенства среди имущественных налогов можно отнести льготы для отдельных категорий граждан; транспортный налог на дорогостоящие автомобили («налог на роскошь»); снижение налоговой базы по налогу на имущество физических лиц на кадастровую стоимость 20 кв. м для квартир и 50 кв. м для жилых домов. С учетом зарубежного опыта обосновано, что значимыми в рамках сглаживания монетарного неравенства могут быть введение налога на наследство и дарение, а также повышение ставок налога на имущество для владельцев многих объектов недвижимости.

Ключевые слова: монетарное неравенство, налог на имущество физических лиц, дифференциация, сглаживание.

TRANSFORMATION OF PROPERTY TAXATION AS TOOL TO REDUCE THE MONETARY INEQUALITY OF CITIZENS

A. A. Pugachev

P. G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia)

Monetary inequality is one of the most pressing socio-economic problems for Russia. Taxes have so far failed to reduce inequality. Not only income taxation of citizens, but also property taxation has the potential to smooth it out.

In Russia, the share of property taxes of individuals in the tax revenues of the budget is significantly lower than in many developed countries. It is shown that property taxes of individuals have a serious potential both in increasing the budget security of regions and municipalities, and in smoothing inequality.

In Russia, the tools for smoothing inequality among property taxes include benefits for certain categories of citizens; transport tax on expensive cars («luxury tax»); reduction of the tax base for the property tax of individuals by the cadastral value of 20 sq. m. for apartments and 50 sq. m. for residential buildings. Taking into account foreign experience, it is proved that the introduction of inheritance and gift taxes, as well as an increase in property tax rates for owners of many real estate objects, can be significant within the framework of smoothing monetary inequality.

Keywords: monetary inequality, personal property tax, differentiation, equalization.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МК-2397.2022.2 «Возможности регулирования структуры налогообложения граждан для сглаживания монетарного неравенства».

Имущественные налоги в России — налог на имущество, транспортный налог и земельный налог — являются значимыми и стабильными источниками формирования субфедеральных и местных бюджетов. В большинстве стран эти налоги также зачисляются в региональные и/или местные бюджеты. По результатам проведенного Центром налоговой политики и администрирования Организации экономического сотрудничества и развития исследования [1], в период с 1965 по 2019 г. доля налогов на имущество упала с 7,9 до 5,5% от общего объема налоговых поступлений в среднем по ОЭСР, при этом с 1990 по 2019 г. она оставалась более стабильной — 5,3–5,5%. В Канаде, Израиле, Южной Корее, Соединенном Королевстве и Соединенных Штатах доходы от налога на имущество составляли более 10% от общего объема налоговых поступлений. Напротив, менее 1% от общего объема доходов они составляли в Эстонии и Литве.

Доля имущественных налогов в валовом внутреннем продукте (ВВП) в 1990–2019 гг. — 1,6–1,8%. Наибольший удельный вес в ВВП имущественные налоги имеют в Бельгии, Канаде, Франции, Люк-

сембурге, США, Великобритании, Южной Корее, Израиле (3–4% ВВП). Наименьшую долю — в Австрии, Чехии, Словакии, Словении, Литве, Эстонии, Мексике (0,2–0,6% ВВП).

В России доля имущественных налогов в ВВП составляет 1,2–1,4%, а в общем объеме налоговых доходов бюджетной системы — 6–8,2% [2], имея тенденцию к снижению, обусловленную выбытием производственных фондов, возрастанием объемов налоговых льгот. Относительно развитых стран ОЭСР, в России доля имущественных налогов в ВВП несколько ниже, а в общих налоговых доходах бюджета — выше. Это обусловлено тем, что в России в целом налоговая нагрузка ниже, чем в среднем по ОЭСР. Динамика доли имущественных налогов в ВВП и общем объеме налоговых поступлений в отдельных странах ОЭСР и России в 1990–2019 гг. представлена в таблице 1.

Таким образом, в налоговых системах развитых стран сложился разный уровень налоговой нагрузки по имущественным налогам. В США, Великобритании, Канаде имущественные налоги формируют более 10% в структуре имущественных налогов, в Австрии и Германии, напротив, они составляют 1–3%.

Таблица 1

Динамика доли имущественных налогов в ВВП и общем объеме налоговых поступлений в отдельных странах ОЭСР и России в 1990–2019 гг., %²

Страны	Доля в ВВП					Доля в налоговых доходах				
	1990	2000	2010	2018	2019	1990	2000	2010	2018	2019
Австрия	1,1	0,6	0,5	0,5	0,5	2,7	1,3	1,3	1,3	1,3
Канада	3,5	3,3	3,8	3,9	3,9	10,0	9,5	12,3	11,5	11,4
Франция	2,6	3,0	3,5	4,0	3,9	6,3	6,9	8,4	8,7	8,7
Германия	1,2	0,8	0,8	1,1	1,1	3,4	2,3	2,3	2,8	2,9
Япония	2,6	2,7	2,6	2,6	2,6	9,4	10,5	9,7	8,1	8,2
Польша	-	1,4	1,3	1,3	1,3	-	4,3	4,2	3,7	3,6
Швейцария	2,1	2,6	2,0	2,0	2,1	8,9	9,7	7,7	7,5	7,7
Турция	0,3	0,7	1,0	1,0	1,0	2,3	3,2	4,1	4,3	4,2
Великобритания	2,7	3,8	3,8	4,1	4,1	8,2	11,4	12,0	12,6	12,4
США	3,1	2,9	3,1	2,9	2,9	11,7	10,3	13,5	11,8	11,5
В среднем по ОЭСР	1,7	1,7	1,6	1,8	1,8	5,5	5,3	5,4	5,5	5,5
РФ	-	-	1,4	1,3	1,2	-	-	8,2	6,6	6,0

² Составлено автором по [1, 2].

По-разному налоговая нагрузка распределена и между имущественными налогами, уплачиваемыми гражданами и бизнесом. Динамика и структура имущественных налогов граждан в отдельных странах ОЭСР в 1965–2019 гг. представлена в таблице 2. Высокая налоговая нагрузка на граждан сложилась в Великобритании, Франции, Швейцарии, Кана-

де, низкая — в Австрии, Германии, Польше, Турции, Японии. В последние 20 лет доля имущественных налогов граждан в налоговых доходах в рассматриваемых странах является в известной степени стабильной, что свидетельствует об устойчивости элементов имущественных налогов граждан, стабильности формируемой ими налоговой базы. В таб-

лице 2 приведена классификация имущественных налогов граждан не по конкретным налогам, а в соответствии с группировкой Центра налоговой политики и администрирования ОЭСР, в рамках которой выделены налоги на имущество и недвижимость, на богатство, на наследство и дарение.

Относительно представленной группировки необходимо отметить, что налоги на богатство сколько-нибудь существенны только во Франции и Швейцарии. В других развитых странах ОЭСР они отсутствуют, отменены в последние годы или несущественны. Налоги граждан на наследство и дарение широко распространены в развитых странах

и имеют существенное бюджетное значение, сопоставимое с налогами на имущество/недвижимость в Германии, Швейцарии, Канаде и Японии.

Граждане России среди имущественных уплачивают транспортный налог, который является региональным, а также местные — земельный и налог на имущество физических лиц. В России доля имущественных налогов физических лиц в налоговых доходах бюджета в последние годы составляет 1–1,3%. Это существенно ниже, чем во многих развитых странах ОЭСР, но соответствует уровню Германии, Польши, Японии и Турции, как показано на рисунке 1.

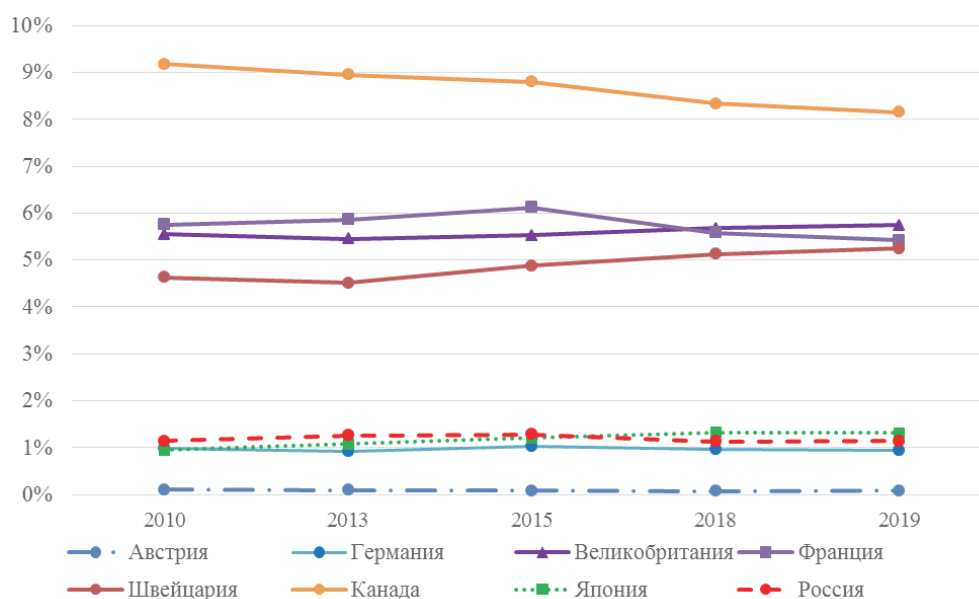

Рис. 1. Динамика доли имущественных налогов граждан в налоговых доходах консолидированных бюджетов стран ОЭСР и России в 2010–2019 гг., %¹

Таблица 2

Динамика и структура имущественных налогов граждан в отдельных странах ОЭСР в 1965–2019 гг.²

Показатели по странам	1965	1980	1990	2000	2007	2010	2013	2015	2018	2019
Австрия, млн евро	100	256	350	199	247	128	124	119	119	134
На недвижимость	47	66	84	87	92	93	105	107	110	133
На наследство и дарение	16	50	77	111	155	35	19	12	9	1
На богатство	37	140	189	1						
Доля в налоговых поступлениях, %	1,61	0,86	0,65	0,22	0,21	0,11	0,09	0,08	0,07	0,08
Германия, млн евро	1779	2684	4754	6713	8490	8932	9584	11575	12495	12762
На недвижимость	644	1187	1784	3540	4285	4526	4951	5286	5681	5776
На богатство	973	977	1425	191	2	1	0	-1	0	0
На наследство и дарение	162	520	1545	2982	4203	4405	4633	6290	6814	6986

¹ Составлено автором по [1, 2].

² Составлено автором по [1].

Окончание таблицы 2

Показатели по странам	1965	1980	1990	2000	2007	2010	2013	2015	2018	2019
Доля в налоговых поступлениях, %	2,39	0,93	1,05	0,88	0,96	0,98	0,92	1,03	0,97	0,95
Великобритания, млн фунтов стерлингов	826	4 166	3 694	16 420	27 476	28 561	31 019	33 797	40 034	41 702
На недвижимость	539	3 687	2 373	14 205	23 609	25 919	27 640	29 355	34 733	36 537
На наследство и дарение	287	479	1 321	2 215	3 867	2 642	3 379	4 442	5 301	5 165
Доля в налоговых поступлениях, %	7,55	5,13	1,83	4,57	5,40	5,55	5,45	5,53	5,68	5,75
Франция, млн евро	343	5 464	16 555	29 533	43 884	48 679	56 646	61 402	60 848	59 541
На недвижимость	198	4 454	11 493	20 186	30 584	36 480	41 818	43 861	44 602	42 235
На богатство			938	2 440	4 390	4 461	4 372	5 224	1 847	2 054
На наследство и дарение	145	1 010	4 124	6 907	8 910	7 738	10 456	12 317	14 399	15 252
Доля в налоговых поступлениях, %	1,33	3,06	3,82	4,58	5,28	5,75	5,86	6,13	5,58	5,42
Швейцария, млн швейцарских франков	640	2 080	3 537	4 707	7 073	7 518	7 805	8 832	9 951	10 488
На недвижимость	78	304	447	735	895	968	1 052	1 138	1 204	1 329
На богатство	420	1 383	2 194	3 972	5 309	5 576	5 787	6 606	7 535	7 927
На наследство и дарение	142	393	896	1 215	869	974	966	1 088	1 212	1 232
Доля в налоговых поступлениях, %	5,70	4,48	4,12	3,67	4,67	4,63	4,51	4,88	5,13	5,24
Канада, млн канадских долларов	233	75	18 547	27 167	41 403	47 404	53 044	57 509	62 335	63 733
На недвижимость	17	0	18 544	27 165	41 403	47 226	52 823	57 241	62 001	63 386
На наследство и дарение	216	75	3	2		178	221	268	334	347
Доля в налоговых поступлениях, %	1,52	0,07	7,60	6,96	8,08	9,18	8,96	8,80	8,34	8,16
Польша, млн злотых				2 520	3 941	4 845	6 541	6 795	7 456	7 761
На недвижимость				2 348	3 613	4 555	6 289	6 549	7 157	7 436
На наследство и дарение				172	328	290	252	246	299	325
Доля в налоговых поступлениях, %				1,02	0,96	1,07	1,23	1,16	1,00	0,96
Турция, млн турецких лир		0	0	206	1 589	2 884	4 187	6 317	9 624	10 785
На наследство и дарение		0	0	15	125	215	340	435	921	1 104
На недвижимость		0	0	191	1 464	2 669	3 847	5 882	8 703	9 681
Доля в налоговых поступлениях, %		0,00	0,00	0,51	0,78	1,00	0,91	1,08	1,07	1,08
Япония, млн иен	44	441	1 918	1 782	1 503	1 250	1 574	1 968	2 333	2 301
На наследство и дарение	44	441	1 918	1 782	1 503	1 250	1 574	1 968	2 333	2 301
Доля в налоговых поступлениях, %	0,71	0,71	1,47	1,31	1,03	0,94	1,08	1,20	1,33	1,31

Динамика и структура поступлений в бюджет РФ имущественных налогов физических лиц в 2006–2021 гг. отражена в таблице 3. Подчеркнем, что в 2006 и 2010 гг. поступления земельного налога в отчете 1-НМ распределялись не по плательщикам — физическим и юридическим лицам, а по налоговым ставкам — пп. 1 и 2 п. 1 ст. 394 НК РФ. Данные Росстата по ВВП и ИПЦ за 2020–2021 гг. — оценочные.

Поступления имущественных налогов физических лиц с 2019 г. превышают четверть триллиона рублей, являясь достаточно стабильным, устой-

чивым к колебаниям конъюнктуры источником формирования бюджета. Доля имущественных налогов физических лиц в ВВП в России остается незначительной, однако с 2006 г. по 2020 г. она возросла с 0,09 до 0,26%, то есть в 3 раза. Наиболее интенсивным рост был по налогу на имущество за счет перехода на кадастровую стоимость и по транспортному налогу в результате повышения ставок и расширения налоговой базы в части прироста транспортных средств. В реальном выражении с учетом инфляции в последние годы происходит сокращение поступлений земельно-

го налога, а налог на имущество физических лиц демонстрирует наиболее устойчивую тенденцию к росту. В налоговых доходах консолидированного бюджета РФ имущественные налоги физических лиц формируют до 1,32%, а в налоговых доходах консолидированных бюджетов субъектов их доля

составляет до 2,75%, с тенденцией к сокращению с 2021 г. С позиций бюджетной обеспеченности в России имущественные налоги граждан имеют более скромное значение по сравнению с имущественными налогами организаций, что проиллюстрировано на рисунке 2.

Таблица 3

Динамика и структура поступлений в бюджет РФ имущественных налогов физических лиц в 2006–2021 гг.¹

Показатели	2006	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Налог на имущество, млрд руб.	5,53	15,58	30,30	36,09	52,23	61,34	70,67	78,73	84,54
Транспортный налог, млрд руб.	14,50	54,42	109,79	109,18	127,62	132,04	142,28	151,38	154,24
Земельный налог, млрд руб.	5,09	17,58	36,16	35,41	45,32	45,06	45,14	43,79	42,98
Имущественные налоги в целом, млрд руб.	25,12	87,57	176,24	180,68	225,18	238,45	258,08	273,90	281,76
Доля в налоговых доходах консолидированного бюджета РФ, %	0,46	1,14	1,28	1,26	1,31	1,13	1,15	1,32	1,00
Доля в налоговых доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ, %	0,92	1,95	2,55	2,39	2,75	2,54	2,55	2,73	2,23
Доля в ВВП, %	0,09	0,19	0,21	0,21	0,25	0,23	0,24	0,26	Н/Д
Реальный темп роста поступлений налога на имущество, %	-	-	-	112,4	141,8	113,3	111,7	106,9	99,1
Реальный темп роста поступлений транспортного налога, %	-	-	-	93,8	114,5	99,8	104,5	102,1	94,0
Реальный темп роста поступлений земельного налога, %	-	-	-	92,4	125,4	95,9	97,1	93,1	90,5
Реальный темп роста поступлений имущественных налогов, %	-	-	-	96,7	122,1	102,1	105,0	101,8	94,9

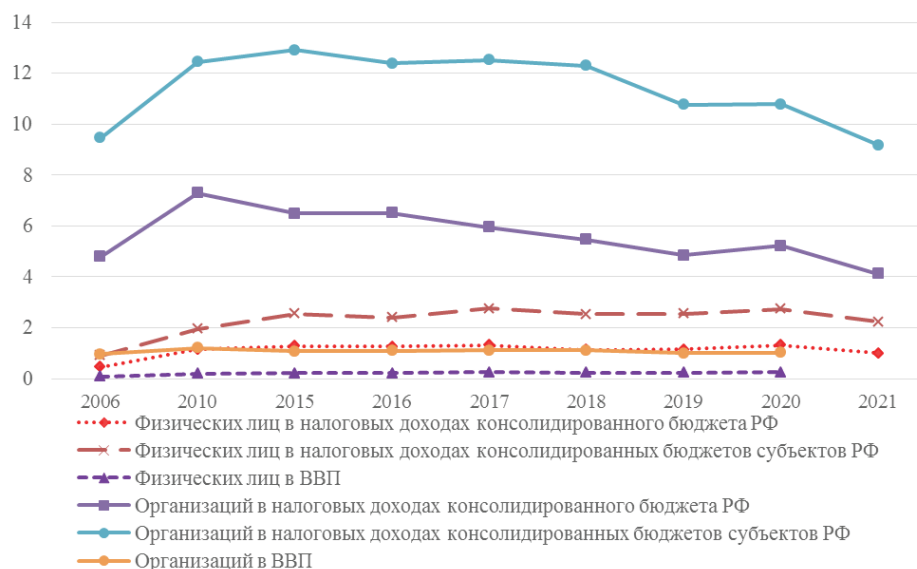

Рис. 2. Динамика доли поступлений по имущественным налогам физических лиц и организаций в налоговых доходах и ВВП России в 2006–2021 гг., %²

¹ Составлено автором по [2, 3, 4].

² Составлено автором по [2, 3].

Таким образом, имущественные налоги физических лиц в России являются стабильным источником формирования налоговых доходов региональных и местных бюджетов, но по сравнению с рядом развитых стран имеют потенциал наращивания налоговой нагрузки. Этот тезис получает особую актуальность в контексте необходимости усиления налогового воздействия на сглаживание монетарного неравенства в России. Социальное расслоение по доходам в России долгое время находится на предельно высоком уровне. Коэффициент Джини, как показатель неравенства, изменяющийся в диапазоне от 0 до 1, где 0 — полное равенство, а 1 — абсолютное неравенство, достигает в России 0,43. В то время как, по данным Статкомитета СНГ, в большинстве европейских государств и стран бывшего СССР он существенно ниже. Например, в Белоруссии — 0,28, Украине — 0,26, Казахстане — 0,29, в Германии — 0,31, Польше — 0,28, Великобритании — 0,33, Франции — 0,29, Латвии и Литве — 0,36, Эстонии — 0,3 [5, с. 12–13].

Подходящее налогообложение граждан в России в период действия плоской шкалы не оказало существенного воздействия на сглаживание монетарного неравенства и даже, напротив, усилило его [6, с. 31]. Имущественное налогообложение также не использовалось с позиций сглаживания, при этом с учетом роли имущественных налогов на граждан в развитых странах очевидно, что они имеют серьезный потенциал как в повышении бюджетной обеспеченности регионов и муниципальных образований, так и в сглаживании неравенства по уровню доходов граждан. Рассмотрим действующие элементы имущественных налогов физических лиц, которые позволяют сгладить монетарное неравенство, а также перспективные инструменты, способные усилить их регулирующее воздействие в будущем.

Сглаживанию монетарного неравенства призваны способствовать налоговые льготы по имущественным налогам граждан для пенсионеров, уровень благосостояния, как правило, у которых в целом ниже, чем у работоспособного населения.

По налогу на имущество физических лиц сегодня предусмотрено снижение налоговой базы на кадастровую стоимость 20 кв. м для квартир и 50 кв. м для жилых домов. Это способствует снижению налоговой нагрузки по объектам недвижимости в первую очередь малообеспеченных граждан, имеющих небольшое по площади жилье. Соответственно, для более дорогих объектов недвижимости с большими площадями и высокими кадастровыми стоимостями эффективная процентная ставка будет выше.

Особым проявлением социального эффекта имущественных налогов в России с 2014 г. высту-

пает транспортный налог на дорогостоящие автомобили (свыше 3 млн руб.), катера, яхты, вертолеты и самолеты. Он получил неофициальное название «налог на роскошь». К таким транспортным средствам при расчете налога применяется повышающий коэффициент до 3. Идея введения налога на роскошь состояла в том, что с его помощью государство регулирует налоговую нагрузку в пользу сокращения монетарного неравенства, повышает обложение доходов, направляемых на «сверхпотребление». С позиций экономической теории налог на роскошь представляет собой налог на товар Веблена, являющийся элитным благом, рост цены на которое приводит к росту спроса на него у отдельных категорий потребителей, то есть нарушает закон спроса [7]. Этот эффект также реализуется при введении налога на роскошь.

Стоимость транспортных средств с 2022 г. для применения повышающего коэффициента по транспортному налогу повышена до 10 млн руб. Это обусловлено резким ростом цен на автомобили. Такое изменение не окажет существенного воздействия на уровень неравенства. У наименее обеспеченных граждан нет дорогостоящих автомобилей. Дорогостоящие транспортные средства наиболее богатых граждан и ранее подпадали под повышающий коэффициент по транспортному налогу, когда он применялся к стоимости свыше 3 млн руб. Таким образом, средний класс получает выгоды от снижения налоговой нагрузки. Поскольку налоговая нагрузка на наименее и наиболее обеспеченных граждан не изменится, то и на уровень неравенства это существенного влияния не окажет.

К инструментам сглаживания монетарного неравенства в рамках имущественного налогообложения граждан могут быть отнесены и другие налоговые льготы, и повышенные ставки с учетом устанавливаемых региональными властями и органами МСУ. Однако описанные выше, на наш взгляд, сегодня являются ключевыми. С учетом низкой доли имущественных налогов в налоговой нагрузке физических лиц эти инструменты не являются существенными с позиций сглаживания высокого уровня монетарного неравенства в России. Их потенциал практически не реализован.

В этой связи по налогу на имущество физических лиц интерес представляет опыт Белоруссии, где для состоятельных граждан, владеющих более чем одним объектом недвижимости, устанавливается двукратная налоговая ставка [8, с. 261]. Иными словами, граждане, имеющие в собственности единственный объект недвижимости, в котором они и проживают, уплачивают по нему минимальную сумму по сравнению с состоятельными гражданами — владельцами нескольких объектов.

В целом этот налоговый инструмент также способствует сглаживанию монетарного неравенства.

В России, в отличие от многих развитых стран, отсутствует налог на наследство и дарение. При этом данный налог действовал в нашей стране с 1992 по 2005 г. включительно на основании Закона РФ от 12.12.1991 № 2020–1 «О налоге с имущества, переходящего в порядке наследования или дарения». Налог был фактически прогрессивным и его ставка зависела как от стоимости имущества, так и от степени родства наследников. В настоящее время действует отдельный элемент этого налога в качестве НДС со стоимости подаренного объекта недвижимого имущества, что закреплено пп. 7 п. 2.2. ст. 210 НК РФ. Представляется, что с позиций сглаживания монетарного неравенства возобновление налогообложения наследства и дарения является целесообразным, особенно для наиболее дорогостоящего имущества. Эффективно при этом налог выполнял и свою фискальную функцию: в 1994 г. налоговые поступления по нему достигли 10,5% ВВП [9, с. 176]. Такой налог, в отличие от прогрессивного подоходного налога, не является дестимулятором деловой активности граждан. Отменен налог был в связи с нарушением принципа однократности обложения, поскольку наследство — это имущество, приобретенное ранее на доходы, с которых уже был уплачен подоходный налог. Однако такой аргумент не выдерживают и многие другие функционирующие сегодня в России и мире налоги. Полученное в наследство или в качестве дара имущество является для его получателя доходом, причем полученным безвозмездно, а не в виде трудового дохода. Налогообложение такого дохода в связи с этим является экономически обоснованным и социально справедливым, как отмечают многие исследователи [8, с. 250; 10].

Заслуживает внимания позиция В. Г. Панскова, который отмечает следующее. С учетом специфики прошедшей 30 лет назад в России приватизации, когда накопленное трудом многих поколений благосостояние оказалось сосредоточено у ограниченного числа граждан, налог на наследство и дарение помог бы скорректировать ее результаты в направлении обеспечения социальной справедливости. Это обусловлено тем, что в настоящее время в рамках эпохи естественной смены собственников идет

процесс передачи огромных масштабов имущества через наследство и дарение при отсутствии налогообложения [8, с. 252–253].

С учетом высокого уровня монетарного неравенства граждан в России полагаем целесообразным анализ возможности введения прогрессивного налога на наследство и дарение. При этом важно учитывать риски уклонения от уплаты налогов наиболее обеспеченными гражданами за счет передачи имущества, находящегося за рубежом. В связи с этим целесообразно налогообложение наследства и дарения безотносительно его месторасположения, то есть по всему миру. Это, очевидно, требует разработки особых подходов к администрированию таких операций. Вместе с тем для обеспечения сглаживания неравенства целесообразно введение вычетов, льгот или ставки 0% для недорогого единственного имущества, передающегося по наследству наиболее близким родственникам — супругам, детям и родителям.

Итак, имущественные налоги в России являются значимыми и стабильными источниками формирования субфедеральных и местных бюджетов. Имущественное налогообложение граждан не используется в настоящее время с позиций необходимости сглаживания монетарного неравенства. С учетом практики развитых стран очевидно, что имущественные налоги имеют серьезный потенциал как в повышении бюджетной обеспеченности регионов и муниципальных образований, так и в сглаживании неравенства по уровню доходов граждан. В России инструментами сглаживания неравенства, имплементированными в систему имущественного налогообложения граждан, можно считать льготы для их отдельных категорий, например, пенсионеров; транспортный налог на дорогостоящие автомобили («налог на роскошь»); снижение налоговой базы по налогу на имущество физических лиц на кадастровую стоимость 20 кв. м для квартир и 50 кв. м для жилых домов. Эти меры представляются лишь минимально необходимыми с позиций обеспечения выравнивания. Особую значимость в этой связи с учетом зарубежного опыта имеют налог на наследство и дарение, отмененный в РФ с 2006 г., а также повышенные ставки налога на имущество для владельцев многих объектов недвижимости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Revenue Statistics 2021: The Initial Impact of COVID-19 on OECD Tax Revenues. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/6e87f932-en/1/3/1/index.html?itemId=/content/publication/6e87f932-en&csp_=989e3029323a6936ab9fa6df32f709e4&itemIGO=oecd&itemContentType=book#section-d1e271 (дата обращения: 05.02.2022).

2. Данные по формам статистической налоговой отчетности / Федеральная налоговая служба России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 05.02.2022).
3. Валовой внутренний продукт в рыночных ценах в соответствии с методологией СНС 2008 / ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57319> (дата обращения: 05.02.2022).
4. Индекс потребительских цен / ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31074> (дата обращения: 05.02.2022).
5. Мониторинг показателей качества жизни населения в странах Содружества Независимых Государств 2015–2018. Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2019. 69 с.
6. Пугачев А. А. О влиянии НДФЛ на социальное и территориальное расслоение в России // Финансы. 2022. № 1. С. 26–31.
7. Веблен Т. Теория делового предприятия. М., 2007. 288 с.
8. Теоретико-методологический конструктив индивидуального подоходного налогообложения: монография для магистрантов / И. А. Майбуров, Ю. Б. Иванов. М., 2021. 327 с.
9. Пушкарева В. М. Эволюция взглядов на налог с наследства и его будущее в современной России // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2018. № 2 (86). С. 169–179. DOI: 10.24866/2311-2271/2018-2/169-179.
10. Королева Л. П. Налогообложение собственности во Франции в контексте борьбы с имущественным неравенством // Налоги и налогообложение. 2017. № 8. С. 55–65. DOI: 10.7256/2454-065X.2017.8.23902. URL: https://e-notabene.ru/pnn/article_23902.html (дата обращения: 05.02.2022).

REFERENCES

1. Revenue Statistics 2021: The Initial Impact of COVID-19 on OECD Tax Revenues. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/6e87f932-en/1/3/1/index.html?itemId=/content/publication/6e87f932-en&csp_=989e3029323a6936ab9fa6df32f709e4&itemIGO=oecd&itemContentType=book#section-d1e271 (date of access: 05.02.2022).
2. Data on statistical tax reporting forms / Federal Tax Service of Russia. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms (date of access: 05.02.2022).
3. Gross domestic product in market prices in accordance with the methodology of the 2008 SNA / EMISS. State Statistics. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57319> (date of access: 05.02.2022).
4. Consumer Price Index / EMISS. State Statistics. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31074> (date of access: 05.02.2022).
5. Monitoring of indicators of the quality of life of the population in the countries of the Commonwealth of Independent States 2015–2018. Interstate Statistical Committee of the CIS. M., 2019. 69 p.
6. Pugachev A. A. On the impact of personal income tax on social and territorial stratification in Russia // Finance. 2022. No. 1. Pp. 26–31.
7. Veblen T. Theory of a business enterprise. M., 2007. 288 p.
8. Theoretical and methodological constructive of individual income taxation: monograph for undergraduates / I. A. Maiburov, Yu. B. Ivanov. M., 2021. 327 p.
9. Pushkareva V. M. Evolution of views on inheritance tax and its future in modern Russia // The bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management. 2018. № 2 (86). Pp. 169–179. DOI: 10.24866/2311-2271/2018-2/169-179.
10. Koroleva L. P. Property Taxation in France as a Reducing Wealth Inequality Tool // Taxes and Taxation. 2017. № 8. Pp. 55–65. DOI: 10.7256/2454-065X.2017.8.23902. URL: https://en.nbpublish.com/library_read_article.php?id=23902 (date of access: 05.02.2022).

Поступила в редакцию: 21.02.2022.

Принята к печати: 04.04.2022.

МАШИНОСТРОЕНИЕ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ¹

А. В. Соколов^{1,2}, В. А. Бажанов¹

¹Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

²Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

В статье рассматриваются состояние и тенденции развития машиностроения Азиатской части Российской Федерации. Под Азиатской частью России в статье подразумевается совокупность субъектов федерации Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, а также Тюменская область. Машиностроение представлено в статье тремя видами экономической деятельности, соответствующими позициям в таблицах статистического сборника «Регионы России: социально-экономические показатели». Анализ состояния машиностроительных видов деятельности проводился по данным сборников за 2006–2021 гг., а перспективы их развития определялись по текстам действующих на момент написания статьи документов государственного стратегического планирования. Результаты анализа показали, что для Азиатской части России присуще опережение темпов объемов выпуска машиностроительной продукции по сравнению со средними по РФ. Периоды подъемов и спадов для АЧР и РФ в целом практически идентичны — либо специфики АЧР в этом вопросе не наблюдается. Отметим только серьезные различия в тенденциях показателя за три последних года рассматриваемого периода — 2018–2020. Анализ региональных стратегий выявил общность намерений и возможностей развития машиностроения в Азиатской части России, особенно в части инвестиционного обеспечения достижения стратегических целей. В статье представлены три возможных сценария развития машиностроения Азиатской части России.

Ключевые слова: машиностроение, Азиатская часть России, субъекты федерации, динамика роста, инвестиции, экспорт, импорт, оборонно-промышленный комплекс, сценарии развития.

MECHANICAL ENGINEERING OF THE ASIAN PART OF RUSSIA: STATE, PROSPECTS

A. V. Sokolov^{1,2}, V. A. Bazhanov¹

¹Institute of Economics and Organization of Industrial Production SB RAN (Novosibirsk, Russia)

²Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

The article discusses the state and trends in the development of mechanical engineering in the Asian part of the Russian Federation. Under the Asian part of Russia in the article is meant a set of subjects of the federation of the Siberian and Far Eastern federal districts, as well as the Tyumen region. Mechanical engineering is presented in the article by three types of economic activity, corresponding to the positions in the tables of the statistical collection «Regions of Russia: socio-economic indicators». The analysis of the state of machine-building activities was carried out according to the data of collections for 2006–2021, and the prospects for their development were determined by the texts of the state strategic planning documents in force at the time of writing. The results of the analysis showed that the Asian part of Russia is characterized by an outpacing of the rates of output of machine-building products in comparison with the average for the Russian Federation. The periods of ups and downs for the AChR and the Russian Federation as a whole are almost identical — any specificity of the AChR in this matter is not observed. We note only serious differences in the trends of the indicator for the last three years of the

---

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, проводимого при финансовой поддержке Российской Федерации в лице Министерства науки и высшего образования России в рамках крупного научного проекта «Социально-экономическое развитие Азиатской России на основе синергии транспортной доступности, системных знаний о природно-ресурсном потенциале, расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий», Соглашение № 075–15–2020–804 от 02.10.2020 (грант № 13.1902.21.0016).

period under review — 2018–2020. An analysis of regional strategies revealed a commonality of intentions and opportunities for the development of mechanical engineering in the Asian part of Russia, especially in terms of investment support for achieving strategic goals. The article presents three possible scenarios for the development of mechanical engineering in the Asian part of Russia.

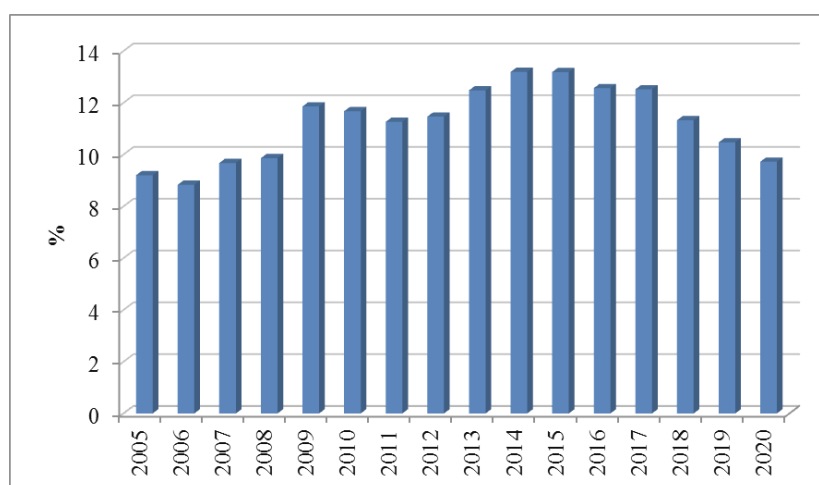
Keywords: mechanical engineering, Asian part of Russia, subjects of the federation, growth dynamics, investments, exports, imports, military-industrial complex, development scenarios.

Для начала определим место, которое занимает машиностроение в общей структуре обрабатывающих производств Азиатской части России (АчР). В отраслевой структуре выпуска обрабатывающих производств лидирующие позиции занимают нефтепереработка, а также металлургия — что логично вытекает из специализации крупнейших по выпуску субъектов федерации АчР. На долю трех видов деятельности, относящихся к машиностроению, — «производство компьютеров, электронных и оптических изделий; производство электрического оборудования» (далее — МАШ1); «производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; производство автотранспортных средств, прицепов

и полуприцепов; производство прочих транспортных средств и оборудования» (далее — МАШ2); «ремонт и монтаж машин и оборудования» (далее — МАШ3), — в 2019 г. приходилось суммарно 13,4% от общего объема выпуска, а в 2020 г. — 12,9% [1].

Рассмотрим основные тенденции развития машиностроения в России в целом и ее Азиатской части за период 2005–2020 гг.

На рисунке 1 представлена доля АчР в общероссийском объеме выпуска машиностроительной продукции за рассматриваемый период. Как следует из данных рисунка 1, этот показатель имел тенденцию к росту до середины 2010-х гг. (максимум был достигнут в 2014–2015 гг. — 13,2%), после чего имел тенденцию к снижению.

Источник: [2]

Рис. 1. Доля машиностроения АчР в общероссийском машиностроительном производстве в 2005–2020 гг., %

На рисунке 2 представлена динамика выпуска продукции машиностроения в АчР и в РФ за рассматриваемый период в сопоставимых ценах. Отметим, что для Азиатской части России присуще опережение темпов объемов выпуска машиностроительной продукции по сравнению со средним по РФ. Периоды подъемов и спадов для АчР и РФ в целом практически идентичны — то есть какой-либо специфики АчР в этом вопросе не наблюдается. Отметим только серьезные различия в тенденциях по-

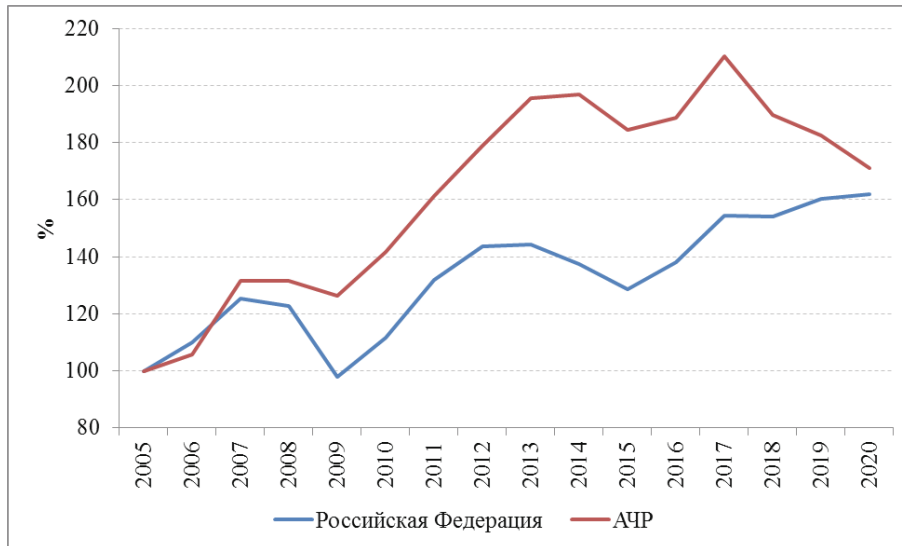
казателя за три последних года рассматриваемого периода — 2018–2020 гг.: для машиностроения РФ в целом 2018 — год стабильного выпуска на уровне предыдущего года, 2019–2020 гг. — рост выпуска, в то время как в машиностроении АчР и в эти два года наблюдается снижение выпуска.

На рисунке 3 представлена динамика темпов прироста выпуска продукции машиностроения в Азиатской части России и в РФ. Как следует из представленных данных, периоды роста

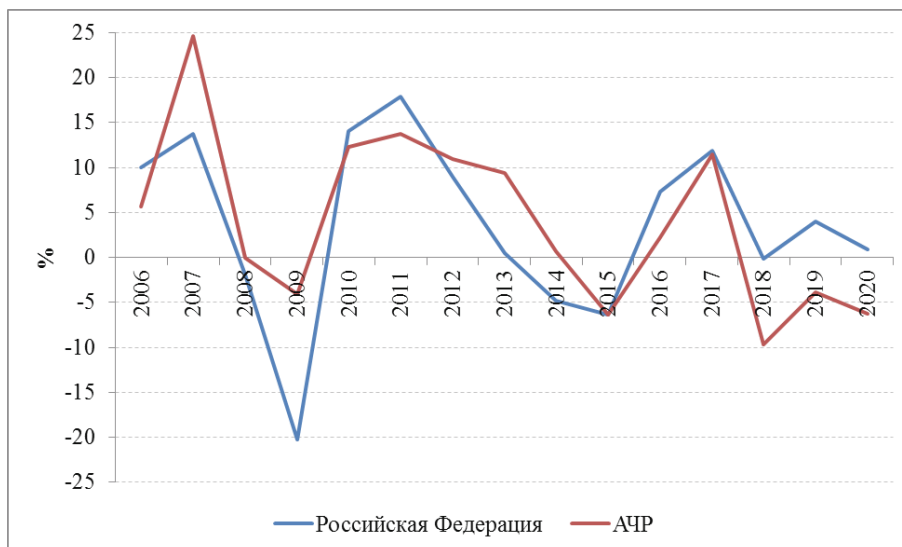
и снижения анализируемого показателя идентичны для машиностроения РФ и ее Азиатской части; различаются лишь скачки показателя — особенно ярко это проявилось в 2009 г., когда падение выпу-

ска в АчР (–4%) было относительно незначительно по сравнению с РФ в целом (–20%), а также отмеченное выше отставание от общероссийских темпов в 2018–2020 гг.

Источник: [2]

Рис. 2. Динамика выпуска продукции машиностроения в АчР и в РФ в 2005–2020 гг., в сопоставимых ценах, 2005 г. = 100%

Источник: [2]

Рис. 3. Темпы прироста выпуска продукции машиностроения в АчР и в РФ в 2005–2020 гг., в сопоставимых ценах, % к предыдущему году

На рисунке 4 представлена доля АчР в общем объеме российских инвестиций в машиностроение за рассматриваемый период. Пик данного показателя приходится на 2011 г. (27%), после чего следует некоторое снижение его значения. Сопоставив данные рисунков 1 и 4, отметим, что доля инвестиций в машиностроение Азиатской части

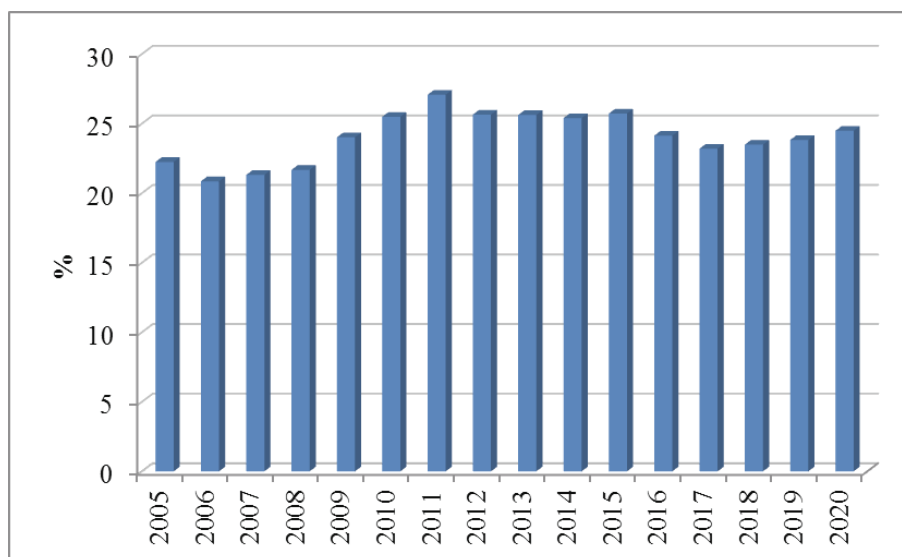
России стабильно примерно вдвое превышает ее долю в общероссийском объеме выпуска; следовательно, машиностроение АчР является более инвестиционно привлекательным, чем машиностроение Европейской части.

На рисунке 5 приведена динамика инвестиций в машиностроение в АчР и в РФ. Отметим, что,

с одной стороны, периоды подъема и спада этого показателя совпадают для России в целом и ее Азиатской части практически полностью, с другой стороны — в Азиатской части России инвестирование в машиностроение шло опережающими среднероссийский уровень темпами.

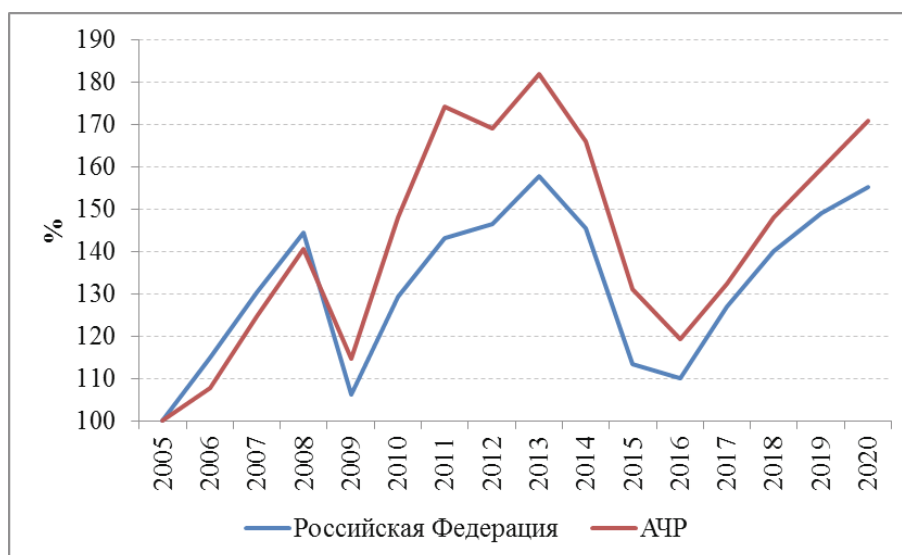
Отмеченное выше опережение АчР в динамике инвестиций определяется региональной структурой инвестиционных расходов в машиностроении

(рис. 6). Как видно из представленных данных, в 2020 г. (как и в предыдущие годы) лидерами по объему инвестиций были Тюменская область (27,3%) и Красноярский край (11,2%), представляющие соответственно в первую очередь нефтегазовый комплекс и цветную металлургию — виды производств, имеющие возможности осуществлять крупномасштабные проекты по замене производственного оборудования.

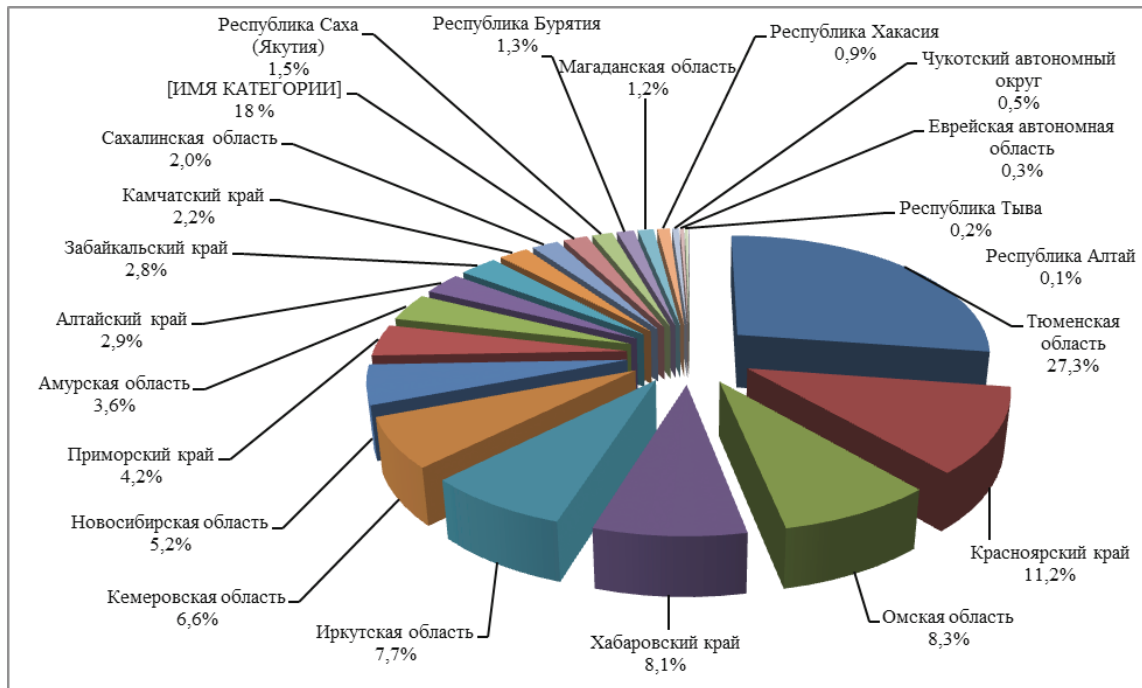
Источник: [3]

Рис. 4. Доля АчР в общероссийском объеме инвестиций в машиностроение в 2005–2020 гг., %

Источник: рассчитано авторами по [3]

Рис. 5. Динамика инвестиций в машиностроение в АчР и в РФ в 2005–2020 гг., в сопоставимых ценах, 2005 г. = 100%

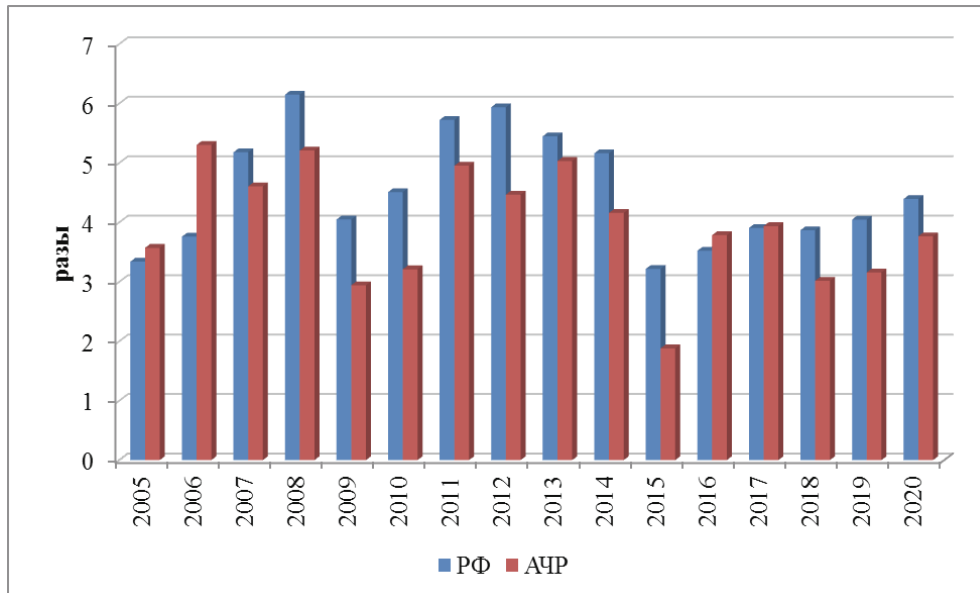

Источник: рассчитано авторами по [3]

Рис. 6. Структура инвестиций в машиностроение АЧР в 2020 г. по субъектам федерации, %

На рисунке 7 представлены данные о соотношении объемов импорта и экспорта машин, оборудования и транспортных средств в АЧР и в РФ. Стабильно в течение рассматриваемого периода объем

расходов на импорт превышал объем экспортной выручки; при этом, как правило, в АЧР относительная величина такого превышения была меньше, чем в среднем по РФ.

Источник: рассчитано авторами по [4]

Рис. 7. Превышение импорта над экспортом машин, оборудования и транспортных средств в Азиатской части России и в РФ в 2005–2020 гг., раз

На рисунке 8 представлены данные о доле Азиатской части России в общероссийском экспорте

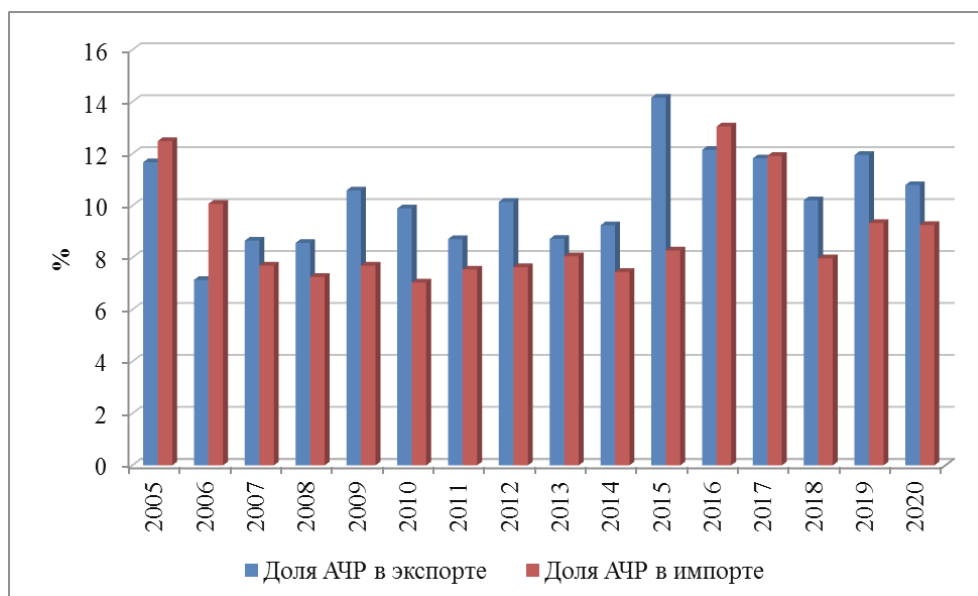
и импорте машин, оборудования и транспортных средств. Как следует из представленных данных,

максимального значения доля экспорта машиностроительной продукции Азиатской части России достигает максимума в 2015 г. (14,2%), доля импорта — в 2016 г. (13,0%).

На рисунке 9 представлены сравнительные данные об объемах выпуска машиностроительной продукции в Азиатской части России и объемах ее

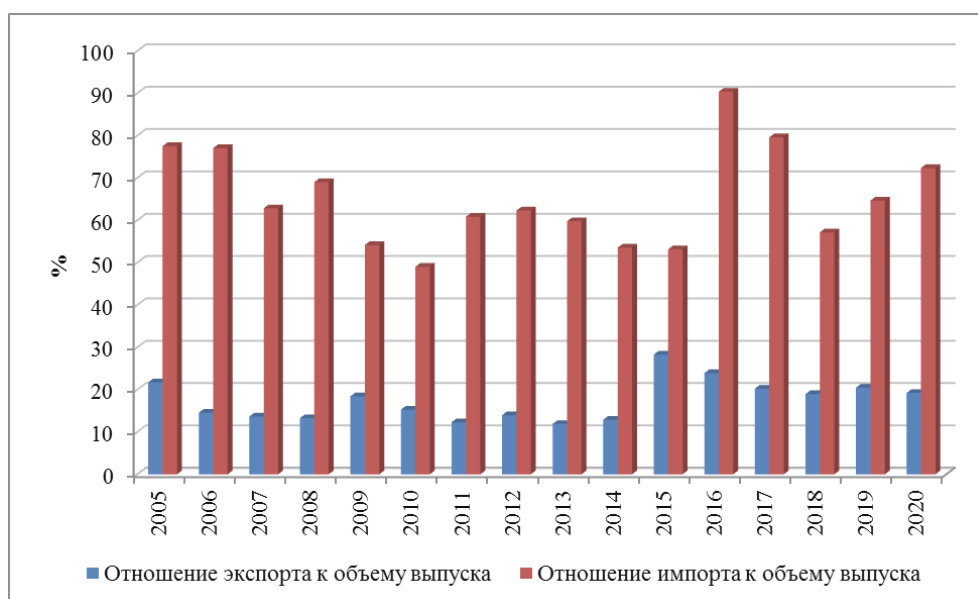
экспорта и импорта, осуществляемых субъектами федерации, входящими в нее.

Снижение отношения объемов экспорта и импорта к объему выпуска (два последних показателя были рассчитаны в рублях по обменному курсу) в 2015–2020 гг. представляет во многом следствие введения санкций против РФ в 2014 г.

Источник: рассчитано авторами по [4]

Рис. 8. Доля Азиатской части России в общероссийском экспорте и импорте машин, оборудования и транспортных средств в 2005–2020 гг., %

Источник: рассчитано авторами по [2] и [4]

Рис. 9. Отношение объемов экспорта и импорта машин, оборудования и транспортных средств к объему выпускаемой машиностроительной продукции в Азиатской части России в 2005–2020 гг., %

Машиностроение в составе трех позиций МАШ1, МАШ2 и МАШ3 в 2020 г. было размещено во всех субъектах федерации Азиатской части, за исключением Чукотского автономного округа (табл. 1). В трех субъектах — Республиках Алтай и Тыва, в Сахалинской области — были размещены только ремонтные и монтажные производства (МАШ3). Как следует из таблицы 1, условное «ядро»

машиностроительных производств сосредоточено в 5 субъектах — Красноярском, Приморском, Хабаровском краях, Иркутской и Новосибирской областях. На их долю в сумме трех видов машиностроительных производств приходилось две трети (66,5%) отгруженной продукции в целом по АчР.

По отдельным видам машиностроительных производств картина размещения следующая.

Таблица 1

Доли машиностроительных видов деятельности регионов АчР в общей сумме отгруженной продукции по этим видам в целом по АчР в 2020 г.

	МАШ1	МАШ2	МАШ3	Доля в общем выпуске машиностроительных производств с ремонтом (МАШ3)	Доля в общем выпуске машиностроительных производств без ремонта (МАШ3)
Тюменская область	7,587	4,806	22,443	10,393	5,505
СФО	88,017	46,126	56,198	56,517	56,647
Республика Алтай	0,000	0,000	0,239	0,069	0,000
Республика Тыва	0,000	0,000	0,007	0,002	0,000
Республика Хакасия	3,113	0,355	3,673	1,805	1,047
Алтайский край	3,995	7,772	1,484	5,283	6,824
Красноярский край	7,628	8,314	20,071	11,585	8,142
Иркутская область	6,750	11,713	6,723	9,386	10,466
Кемеровская область	2,747	4,951	9,991	6,012	4,398
Новосибирская область	31,139	7,937	6,555	11,684	13,764
Омская область	12,899	3,845	5,324	5,890	6,119
Томская область	19,334	0,958	2,653	4,730	5,573
ДФО	5,190	49,238	21,117	33,252	38,175
Республика Бурятия	0,486	13,250	0,668	7,339	10,044
Республика Саха (Якутия)	0,037	0,019	1,184	0,358	0,024
Забайкальский край	0,064	0,269	2,696	0,933	0,217
Камчатский край	0,000	0,046	1,093	0,340	0,034
Приморский край	4,222	16,816	7,189	11,787	13,653
Хабаровский край	0,000	18,680	6,118	11,717	13,989
Амурская область	0,000	0,145	0,869	0,328	0,108
Магаданская область	0,000	0,117	0,143	0,103	0,087
Сахалинская область	0,000	0,000	0,856	0,247	0,000
Еврейская автономная область	0,000	0,007	0,022	0,010	0,005
Чукотский автономный округ	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
АчР всего	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00

Источник: рассчитано авторами по [2].

Производство продукции вида МАШ1 в 2020 г. было в основном сосредоточено в трех субъектах СФО — Новосибирской, Омской и Томской областях, на долю которых приходилось 63,4% всей отгруженной продукции этого вида машиностроительных производств в АчР. Немногим более 60%

отгруженной продукции вида МАШ2 всей АчР приходится на долю Республики Бурятия, Приморского и Хабаровского краев, Иркутской области. Монтаж и ремонт машин и оборудования (МАШ3) сосредоточен в основном в Кемеровской и Тюменской областях, в Красноярском и Приморском краях

(60% от всего МАШЗ АчР). Отметим, что по Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. [5] в АчР машиностроение, как перспективная экономическая специализация, сосредоточено в 14 из 22 регионов.

За последние годы во властных и исследовательских кругах в условиях действия негативных вызовов актуализировались проблемы развития российского машиностроения. Эти вызовы более всего проявляются в регионах сосредоточения значительных машиностроительных мощностей. Региональные аналитики при рассмотрении возможных направлений развития машиностроения в своих регионах, обращают внимание на существование и необходимость решения накопившихся проблем. Рассмотрим некоторые из публикаций за последние годы.

Так, в публикации В. Ф. Исламутдинова [6] исследуются факторы, влияющие на развитие машиностроения в ресурсодобывающем регионе. В работе показано влияние неформальных институтов, наиболее важных факторов и тенденций развития отрасли при сохранении зависимости от курса национальной валюты и при уменьшении зависимости от цен на нефть. По результатам анализа выявлено, что неформальные нормы и правила оказывают как положительное, так и негативное влияние на развитие отрасли. Наиболее важным положительно влияющим фактором является уровень конкуренции в отрасли. Отрицательными факторами являются: уровень квалификации и состав трудовых ресурсов, географическое положение региона.

В работе В. Н. Маковеева [7] выявлены главные тенденции и проблемы развития отрасли. Основными из них являются:

- ускоренная модернизация производственных мощностей отрасли;
- проведение сертификации продукции машиностроения с целью ее продвижения на мировой рынок;
- повышение наукоемкости машиностроения за счет развития инновационной инфраструктуры и инновационной системы;
- использование системы льготного налогообложения для предприятий, вкладывающих крупные средства в перспективные научные разработки;
- создание и развитие в регионе промышленных парков и технопарков;
- применение современных энергосберегающих технологий и др.

В статье В. В. Шевелькова [8] для решения основных проблем машиностроения региона: низкой производительности труда; значительного износа основных фондов; использования дешевых,

менее качественных и менее современных импортных технологий и оборудования; недозагруженности производственных мощностей; дефицита технически грамотных, профессиональных кадров; отсутствия эффективных способов финансового обеспечения технологического перевооружения предприятий машиностроения — предлагается проведение комплексной модернизации отрасли, включающей три составляющих: технологическую, социальную и экономическую.

В работе А. Е. Мельникова [9] на примере Вологодской области рассмотрены состояние и проблемы развития машиностроения региона, анализируется роль машиностроения в экономике региона, определены основные факторы, сдерживающие развитие отрасли и рекомендуются направления ее развития.

В публикации Б. Я. Татарских [10] даются обобщенные направления развития региональных машиностроительных производств в аспекте повышения их инновационного потенциала. Основные из них заключаются в следующем:

- совершенствование государственного управления научно-техническим прогрессом в ведущих отраслях путем целевого отраслевых научно-исследовательских центров;
- улучшение информационного и кадрового обеспечения в сфере новых технологий;
- оптимизация структуры инвестиций научно-технологического назначения в пользу повышения удельного веса НИОКР;
- совершенствование методов оценки эффективности внедрения наукоемких технологий;
- повышение качества ценообразования применения современных технологий в ОПК и гражданском машиностроении и др.

В монографии «Машиностроение России: техника Сибири, Севера и Арктики», подготовленной группой авторов [11], анализируются состояние, цели, задачи, перспективы развития техники и технологий для Сибири и Арктики. Рекомендуются основные направления развития исследовательской и нормативной базы проектирования, производства и эксплуатации техники северного исполнения, отвечающие Стратегии национальной безопасности России.

По оценкам экспертного сообщества [12] к концу второго десятилетия текущего века в машиностроении России сохранялись:

- изношенность и отсталость производственного аппарата;
- дефицит человеческого капитала;
- неэффективность инновационной политики;

- неразвитость инновационной инфраструктуры;
- неэффективность нормативно-правовой системы;
- финансовая ограниченность развития машиностроения.

Отметим, что в обрабатывающей промышленности АчР довольно значимые размеры имеет совокупность предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК), поэтому реализация намеченных планов диверсификации оборонного производства естественно вызовет определенные структурные сдвиги в машиностроении АчР. Так, в состав организаций ОПК в Сибирском федеральном округе включено 70 промышленных предприятий [13]. В 2019 г. выпуск гражданской продукции осуществляли 45 в основном машиностроительных крупных и средних предприятий, результаты деятельности которых учитываются органами государственной статистики. Доля продукции гражданского назначения крупных и средних предприятий в общем объеме производства возросла на 2,2% относительно 2018 г. и составила 29,4% [13]. Отмечается медленный, но положительный тренд роста. В 2020 г. был сформирован каталог высокотехнологичной гражданской продукции оборонно-промышленного комплекса Сибири. В него вошла информация о более чем 450 образцах продукции 59 предприятий ОПК и кооперации, выпускаемой сибирскими предприятиями.

Прогнозы развития гражданского машиностроения, в том числе в региональном разрезе, можно анализировать по различным документам стратегического планирования: в национальных программах, в государственных отраслевых (машиностроительных) программах, в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. и в региональных Стратегиях социально-экономического развития на период до 2030–2035 гг.

Анализ региональных прогнозов развития машиностроения АчР позволяет сделать некоторые выводы о будущем этой отрасли. Исторически в АчР образовался довольно развитый машиностроительный комплекс, отдельные виды которого полноценно вписываются в приоритетные направления стратегического развития промышленного потенциала России. Машиностроение АчР отличается широким ассортиментом продукции — от ракетно-космической и авиационной техники до широкой гаммы комплектующих изделий, машин, техники и оборудования для нефтегазовой, горнодобывающей, пищевой и перерабатывающей промышленности, лесного и сельского хозяйства, транспорта. Главная проблема — недостаточность инвестиционных ресурсов. Развитие машиностроения в АчР возмож-

но только при условии хотя бы сохранения сложившейся динамики инвестиций в их основной капитал. Следует отметить, что по данным Цифровой платформы «Инвестиционные проекты» [14] в течение 2020–2030 гг. в АчР предусмотрена реализация 222 инвестиционных машиностроительных проектов на общую сумму инвестиций, превышающей 475 млрд руб. Около 30% от общего количества занимают проекты, связанные с транспортом.

Естественно, что развитие машиностроения АчР будет связано с общероссийскими проблемами, но для этой части территории страны важными являются два фактора:

- теснота взаимосвязей машиностроения и федеральных и корпоративных структур,
- теснота торговых и кооперационных связей с Китайской Народной Республикой.

Специалисты McKinsey так представляют себе идеальное будущее машиностроительной отрасли России (и Азиатской ее части) к 2030 г.: активное внедрение инноваций и цифровых технологий; машиностроительные заводы стали эффективнее и высоко конкурентоспособными; российский бизнес успешно встроился в транснациональные цепочки создания стоимости; машиностроительное производство стало прибыльным и не нуждается в господдержке; значительная часть производимых машин и оборудования будет оснащена датчиками, исполнительными механизмами и аналитическими данными, которые могут обмениваться критически важными данными с другими машинами и компьютерными сетями [15].

Исходя из стратегических намерений и возможностей регионов АчР, можно прогнозировать, что машиностроение в целом по этой части может увеличить свою долю в структуре обрабатывающих производств с 15,3% в 2019 г. до 17% к 2030 г., оставаясь на третьем месте после производства нефтепродуктов и металлургии.

Без учета влияния современных геополитических факторов возможные сценарии развития машиностроения Азиатской части России могут быть следующими:

Сценарий 1 — пессимистический, предполагающий сохранение тренда 2019–2020 гг. (снижение объема выпуска примерно на 4,6–5,0% в год с постепенным замедлением и выходом на уровень выпуска начала 2010-х гг. — до начала реализации Государственной программы вооружения ГПВ-2020), то есть около 800–900 млрд руб. (рис. 2).

Сценарий 1 предполагает:

- сохранение уровня выпуска продукции гражданского назначения предприятий оборонно-промышленного комплекса на уровне 2010-х гг. в связи, во-первых, с трудностями выбора направлений выпу-

ска конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках гражданской продукции, во-вторых — в связи с недостатком инвестиций для реализации крупномасштабных проектов перехода на новые технологии выпуска такой продукции;

- сохранение уровня экспорта машиностроительной продукции, частичное выполнение национального проекта «Международная кооперация и развитие экспорта», реализация которого перенесена с 2024 на 2030 г.;
- отсутствие значимых результатов в реализации программы импортозамещения.

Сценарий 2 — умеренно оптимистический, предполагающий сохранение тренда 2005–2020 гг. (рост объема выпуска примерно на 4,0–4,1% в год (удвоение выпуска за 17–18 лет) с опережением темпов роста машиностроения РФ (около 3,0–3,2%) (рис. 2, 3).

Сценарий 2 предполагает:

- сохранение уровня выпуска продукции гражданского назначения предприятий ОПК на уровне 2010-х гг. по большинству направлений при создании определенных прорывов развития; частичная реализация намеченных инвестиционных проектов с началом внедрения в производство машиностроительной продукции технологий Индустрии 4.0;
- умеренный рост экспорта машиностроительной продукции (в первую очередь — высокотехнологичной);
- усиление государственной поддержки реализации планов импортозамещения — как путем установления квот на поставки

импортной машиностроительной продукции, так и путем субсидирования инвестиционных проектов российских корпораций.

Сценарий 3 — оптимистический, предполагающий сохранение тренда 2010–2013 гг. (рост объема выпуска на 8,4% в год — удвоение выпуска за 9 лет, то есть до 2030 г., с опережением темпов роста машиностроения РФ — около 6,6% (рис. 2, 3).

Сценарий 3 предполагает:

- полное выполнение планов по диверсификации оборонного производства, достижение паритета выпуска продукции военного и гражданского назначения;
- реализацию намеченных инвестиционных проектов с активным внедрением в производство машиностроительной продукции технологий Индустрии 4.0 (роботизация, аддитивные технологии, использование искусственного интеллекта); создание прорывных направлений выпуска продукции гражданского назначения предприятий ОПК;
- выход на новые рынки экспорта машиностроительной продукции; выполнение национального проекта «Международная кооперация и развитие экспорта»;
- выполнение планов импортозамещения машиностроительной продукции.

Независимо от складывающихся условий в экономике России, связанных с влиянием геополитических факторов, и при любых сценариях будущего развития экономики Азиатской части России машиностроение должно рассматриваться как основа инновационно-ориентированного развития экономики Сибири и Дальнего Востока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Регионы России: социально-экономические показатели: статистический сборник. 2021 г. / Росстат. С. 569, 588–589. URL: <http://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 24.01.2022).
2. Регионы России: социально-экономические показатели: статистические сборники 2006–2021 гг. Раздел 13 / Росстат. URL: <http://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 24.01.2022).
3. Регионы России: социально-экономические показатели: статистические сборники. 2006–2021 гг. Раздел «Инвестиции» / Росстат. URL: <http://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 24.01.2022).
4. Регионы России: социально-экономические показатели: статистические сборники. 2006–2021 гг. Раздел «Внешняя торговля» / Росстат. URL: <http://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 24.01.2022).
5. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р (с изм. на 16 декабря 2021 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения: 24.01.2022).
6. Исламутдинов В. Ф. Факторы развития отрасли «машиностроение и металлообработка» в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 4. С. 1424–1437 DOI: 10.17059/2018-4-2. URL: https://www.researchgate.net/publication/329864478_FAKTORY_RAZVITIYA_OTRASLI_MASINOSTROENIE_I_METALLOOBRABOTKA_V_HANTY-MANSIJSKOM_AVTONOMNOM_OKRUGE_-_UGRE (дата обращения: 24.01.2022).

7. Маковеев В. Н. Машиностроение региона: тенденции и ключевые проблемы развития // Проблемы развития территории. 2013. Т. 63. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mashinostroenie-regiona-tendentsii-i-klyuchevye-problemy-razvitiya> (дата обращения: 24.01.2022).
8. Шевельков В. В. История, проблемы и перспективы развития машиностроения Псковской области // Псковский регионологический журнал. 2014. № 19. URL: https://arch.pskgu.ru/projects/pgu/storage/prj/prj_19/prj_19_04.pdf (дата обращения: 24.01.2022).
9. Мельников А. Е. Проблемы развития машиностроения в России // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2015. № 11. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2015/11/10020> (дата обращения: 24.01.2022).
10. Татарских Б. Я. Региональные проблемы использования инновационно-технологического потенциала развития предприятий российского машиностроения // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. № 14–1 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-problemy-ispolzovaniya-innovatsionno-tehnologicheskogo-potentsiala-razvitiya-predpriyatii-rossiyskogo> (дата обращения: 24.01.2022).
11. Фортов В. Е., Махутов Н. А., Москвичев В. В., Фомин В. М. Машиностроение России: техника Сибири, Севера и Арктики: монография. Красноярск, 2018. URL: <https://research.sfu-kras.ru/publications/publication/41830978> (дата обращения: 24.01.2022).
12. Абдикеев Н. М., Богачев Ю. С., Морева Е. Л. Направления совершенствования государственного регулирования промышленного развития // Учет. Анализ. Аудит. 2018. Т. 5. № 4.
13. Справка о составе организаций ОПК в Сибирском федеральном округе, основных результатах в 2019 году и направлениях выпуска гражданской продукции // Официальный сайт полномочного представителя Президента России в Сибирском федеральном округе. URL: <http://sfo.gov.ru/press/novosti/10931/> (дата обращения: 24.01.2022).
14. Цифровая платформа «Инвестиционные проекты». URL: <https://investprojects.info/regions/75> (дата обращения: 24.01.2022).
15. Портал РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d652ed39a794752820edc3f> (дата обращения: 24.01.2022).

REFERENCES

1. Regions of Russia: socio-economic indicators: Statistical compendium. 2021 / Rosstat. Pp. 569, 588–589. URL: <http://rosstat.gov.ru/> (date of access: 24.01.2022).
2. Regions of Russia: socio-economic indicators: Statistical collections 2006–2021. Section 13 / Rosstat. URL: <http://rosstat.gov.ru/> (date of access: 24.01.2022).
3. Regions of Russia: socio-economic indicators: Statistical collections 2006–2021. Section «Investments» / Rosstat. URL: <http://rosstat.gov.ru/> (date of access: 24.01.2022).
4. Regions of Russia: socio-economic indicators: Statistical collections 2006–2021. Section «Foreign trade» / Rosstat. URL: <http://rosstat.gov.ru/> (date of access: 24.01.2022).
5. On approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025: Decree of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019 No. 207-r (as amended on December 16, 2021). URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (date of access: 24.01.2022).
6. Islamutdinov V. F. Factors of development of the industry «machine building and metalworking» in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra // Economics of the region. 2018. Vol. 14. No. 4. Pp. 1424–1437 DOI: 10.17059/2018-4-2. URL: https://www.researchgate.net/publication/329864478_FAKTORY_RAZVITIA_OTRASLI_MASINOSTROENIE_I_METALLOOBRABOTKA_V_HANTY-MANSIJSKOM_AVTONOMNOM_OKRUGE_-_UGRE (date of access: 24.01.2022).
7. Makoveev V. N. Mechanical engineering of the region: trends and key development problems // Problems of Territory Development. 2013. V. 63. No. 1 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mashinostroenie-regiona-tendentsii-i-klyuchevye-problemy-razvitiya> (date of access: 24.01.2022).
8. Shevelkov V. V. History, problems and prospects for the development of mechanical engineering in the Pskov region // Pskov Regional Journal. 2014. No. 19. URL: https://arch.pskgu.ru/projects/pgu/storage/prj/prj_19/prj_19_04.pdf (date of access: 24.01.2022).
9. Melnikov A. E. Problems of development of mechanical engineering in Russia // Economics and management of innovative technologies. 2015. No. 11. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2015/11/10020> (date of access: 24.01.2022).

10. Tatarskikh B. Ya. Regional problems of using the innovative and technological potential of the development of Russian engineering enterprises // Russia: trends and development prospects. 2019. No. 14–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-problemy-ispolzovaniya-innovatsionno-technologicheskogo-potentsiala-razvitiya-predpriyat-rossiyskogo> (date of access: 24.01.2022).

11. Fortov V. E., Makhutov N. A., Moskvichev V. V., Fomin V. M. Mechanical engineering in Russia: the technique of Siberia, the North and the Arctic: monograph. Krasnoyarsk, 2018. URL: <https://research.sfu-kras.ru/publications/publication/41830978> (date of access: 24.01.2022).

12. Abdikeyev N. M., Bogachev Yu. S., Moreva E. L. Directions for improving the state regulation of industrial development // Accounting. Analysis. Audit. 2018. Vol. 5. No. 4.

13. Information on the composition of defense industry organizations in the Siberian Federal District, the main results in 2019 and the directions for the production of civilian products. Official website of the Plenipotentiary Representative of the President of Russia in the Siberian Federal District. URL: <http://sfo.gov.ru/press/novosti/10931/> (date of access: 24.01.2022).

14. Digital platform «Investment projects». URL: <https://investprojects.info/regions/75> (date of access: 24.01.2022).

15. RBC portal. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d652ed39a794752820edc3f> (date of access: 24.01.2022).

Поступила в редакцию: 15.03.2022.

Принята к печати: 26.04.2022.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Т. Ф. Рябова¹, Н. М. Сурай²

¹Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского
(Первый казачий университет) (Москва, Россия)

²Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Москва, Россия)

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что проблема государственного управления качеством жизни населения в стране вызывает необходимость некоторой его корректировки. Это обусловлено низким уровнем жизни определенных слоев населения, нежели в развитых странах мира. Установлено, что численность населения с каждым годом снижается из-за неблагоприятных экологических и других условий жизни, а также повышенной миграции жителей в другие государства. Наряду с этим в экономике страны значительную нишу рынка занимает импортная продукция — особенно молочная и мясная, что снижает темпы роста организаций агропромышленного комплекса и уровень экономической безопасности страны. Другой проблемой является недостаточное развитие инфраструктуры в регионах и малочисленность современных отечественных заводов по производству инновационных, наукоемких средств производства. Названные проблемы снижают качество человеческого потенциала страны и вызывают необходимость наращивания государственного финансового капитала для воспроизводства наукоемких технологий. Обоснованность тематики обусловлена также низким инновационным уровнем производства субъектов отраслей промышленности страны, значительной долей устаревших средств труда, что обуславливает высокую трудоемкость выпускаемых товаров по сравнению с развитыми странами.

В данный период качество продовольственных товаров регламентируется в России техническими условиями и поэтому не соответствует международным требованиям. Выпускаемая продукция характеризуется низкой конкурентоспособностью, что вызывает необходимость ускоренного инновационного развития и внедрения процессов цифровизации в конкретные производства.

Ключевые слова: тенденции, качество жизни, инновационный рост, конкурентоспособность, интеллектуальный потенциал.

QUALITY OF LIFE OF POPULATION OF RUSSIA: STATE, PROBLEM, PROSPECTS

T. F. Ryabova¹, N. M. Suray²

¹Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University) (Moscow, Russia)

²Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)

The relevance of the chosen topic is due to the fact that the problem of state management of the quality of life of the population in the country causes the need for some adjustment. This is due to the low standard of living of certain segments of the population than in the developed countries of the world. It is established that the population is decreasing every year due to unfavorable environmental and other **living conditions**, as well as increased migration of residents to other states. Along with this, imported products occupy a significant niche in the country's economy, especially dairy and meat products, which reduces the growth rate of agro — industrial organizations and the level of economic security of the country.

Another problem is the insufficient development of infrastructure in the regions and the small number of modern domestic plants for the production of innovative, knowledge-intensive means of production. These problems reduce the quality of the country's human potential and cause the need to increase state financial capital for the reproduction of high-tech technologies. The validity of the topic is also due to the low innovative level of

production of the subjects of the country's industries, a significant proportion of obsolete means of labor, which causes a high labor intensity of manufactured goods in comparison with developed countries.

During this period, the quality of food products is regulated in Russia according by technical conditions, and therefore does not meet international requirements. The manufactured products are characterized by low competitiveness, which necessitates accelerated innovative development and the introduction of digitalization processes in specific industries.

Keywords: trends, quality of life, innovative growth, competitiveness, intellectual potential.

Введение. Целью настоящего исследования является разработка социально-экономических механизмов повышения качества жизни населения, способствующих экономическому росту производства. Задачи данного исследования обусловлены следующими категориями: необходимостью разработки методов повышения качества жизни населения; выявлением фактического состояния демографической ситуации страны; созданием благоприятных условий жизни населения, учитывающих, отраслевые особенности регионов. Разработанные методы повышения качества жизни населения России должны быть адаптированы к требованиям Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2030 г.

Информационной базой исследования послужили указы президента и постановления правительства страны, законы Российской Федерации, научная литература, данные официальной статистики России, а также интернет-ресурсы. Методология исследования предусматривает использование таких методов, как систематизация, анализ, структурирование, гипотеза, моделирование, сопоставление, индексирование, экономико-математические и другие.

В результате выполненного исследования получены следующие аспекты научной новизны, содействующие повышению качества жизни населения: выявлена важная социально-экономическая проблема, обусловленная наличием в обществе страны населения с низкой заработной платой и доходами, недостаточными для нормальной жизнедеятельности; предложены реальные способы повышения заработной платы и доходов малоимущих слоев населения, основными из которых можно считать рост заработной платы (доходов) до уровня 30 тыс. руб. в месяц и введение дифференцированного налога на доходы физических лиц; определен тренд среднемесячной заработной платы исследуемой группы жителей страны, ориентированный на уровень роста главного мерила качества жизни, который увеличивается слишком медленными темпами; установлено, что в целом по стране примерно 37% населения находится в зоне риска. Сложившаяся ситуация позволяет считать одной из неотложных

проблем общества рост заработной платы исследуемой группы населения на основе выявления дополнительных резервов и источников эффективного управления качеством жизни на основе системы механизмов повышения качества жизни населения, обоснованную оценками экспертов; ускоренное внедрение инновационных технологий, использование единых HR-процессов по управлению человеческим капиталом; применение эффективных механизмов стимулирования труда.

Постановка проблемы. На основе систематизации выполненного анализа статистической информации доказано, что в России имеются ценностные ориентиры на рост рождаемости, повышение заработной платы и доходов, а также увеличение продолжительности жизни населения, практически до 73 лет в 2018 г. против 65,3 года в 2005 г. Выявлена важная социально-экономическая проблема, обусловленная наличием в обществе страны населения с низкой заработной платой и доходами, недостаточными для благоприятных условий жизни. Одной из проблем здесь является рост численности населения старшего возраста и уменьшение численности молодых женщин, способных к рождению детей. Именно эта ситуация является главной причиной естественного сокращения численности населения страны. Основной проблемой создания механизмов повышения качества жизни малоимущих слоев населения является изыскание средств для роста заработной платы, достойных для нормального жизнеобеспечения. Важным аспектом в этой связи признано определение совокупности факторов, воздействующих на рост заработной платы и доходов малоимущих слоев населения страны, на основе использования специфических интегральных и локальных особенностей, влияющих на инновационное преобразование экономики и обеспечение экономической безопасности страны. Результаты систематизации и анализа количественно-качественной оценки предмета исследования могут служить определенной платформой для разработки эффективных механизмов управления трудовыми ресурсами. Исследователи отмечают, что задача повышения качества жизни населения является одной из ключевых в эконо-

мике [1]; качество жизни определяет различные стороны жизнедеятельности населения [2]. Разработка научно обоснованных институциональных, организационно-управленческих и социально-экономических векторов улучшения качества жизни определенной категории населения призвана способствовать росту инновационного уровня производства.

Материалы и методы. Многими учеными (С. Ю. Глазьевым, Л. И. Абалкиным и другими) доказано, что в России имеются определенные ценностные ориентиры для повышения заработной платы и доходов низкооплачиваемым гражданам для увеличения численности, а также продолжительности жизни населения. К числу выделенных преимуществ относятся: богатый природно-ресурсный потенциал; наличие всех климатических поясов; множество рек, озер, а также моря и океаны; значительный профессионально-квалификационный статус населения; дифференциация типов рынка, различных категорий потребителей и ориентированных на них товаропроизводителей. Указом Президента страны «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» отмечено, что развитие человеческого потенциала является одной из главных стратегических целей по обеспечению национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан, удовлетворению их материальных, социальных и духовных потребностей, снижению уровня социального и имущественного неравенства населения, прежде всего, за счет роста его доходов [3]. Исследования показали, что в России наметились определенные сдвиги в повышении качества жизни населения. Так, реальное конечное потребление домашних хозяйств по сравнению с показателями 2000 г. возросло в целом по стране за 18 лет в 15,5 раза. Выявлено, что величина среднемесячной заработной платы повысилась за 19 лет в 19 раз. Число жителей с доходами ниже значения прожиточного минимума снизилось с 42,3 до 23,4 млн человек. Это почти одна четвертая часть взрослого населения страны.

Основными механизмами повышения заработной платы и доходов малоимущих слоев населения предлагается считать следующие:

1. Рост заработной платы (доходов) до уровня, обеспечивающего нормальную жизнедеятельность. Такой величиной необходимо считать, например, 30 тыс. руб. в месяц.

2. Введение дифференцированного налога на лиц, чей доход составляет 300 и более тыс. руб. в месяц. Такая мера будет способствовать оттоку средств от дохода зажиточных слоев населения в казну государства, а далее по распределительным каналам малоимущим слоям населения.

Так, в России рост среднемесячного размера заработной платы увеличился в 2018 г. по сравнению с 2000 г. с 2223 до уровня 43445 руб., то есть на 41222 руб. Если соотнести это с 19 прошедшими годами, то в среднем за один год прирост составляет 2286 руб. Сопоставим информацию о средней заработной плате персонала организаций России и США за 2015–2018 гг. В США в 2018 г. за тот же период наблюдалось увеличение среднемесячного размера заработной платы по сравнению с 2000 г. с 79 до 695 долларов США, то есть в 8,8 раза. Соотношение среднемесячной величины заработной платы в России к величине прожиточного минимума варьировалось от 1,8 до 4,2 раза. Самый минимальный прирост заработной платы характерен для 2015 г., когда его значение снизилось с 3,7 до 3,5 раза по сравнению с 2010 г.

Полученные варианты сопоставления указывают на большую стабильность американской экономики, хотя итоговые показатели динамики по странам практически не различаются, числовые значения заработной платы по годам в США выше, чем в России, в диапазоне от 75 до 112 долл. Тренд оплаты труда персонала организаций страны, как главного мерила качества жизни человека, свидетельствует о том, что уровень среднемесячной заработной платы увеличивается постепенными, но недостаточными темпами из года в год. Например, в 2000 г. средняя заработная плата составляла 2223 руб. в месяц, в 2005 г. возросла до уровня 6332 руб., то есть более чем в 2,8 раза, в 2010 г. показатель по сравнению с 2005 г. возрос в 2,4 раза и составил 12397 руб.

В 2015 г. среднемесячная заработная плата персонала организаций страны повысилась по отношению к 2010 г. с 20952 до 34030 руб., то есть в 1,6 раза, в 2016 г. в отношении 2015 г. рост составил 1,1 раза, повысился на 4214 руб. за год. В 2017 г. среднемесячная заработная плата персонала в сопоставлении с уровнем 2016 г. достигла уровня 39167 руб., увеличилась в 1,1 раза (на 2458 руб.). В последнем году анализируемого периода показатель составлял 43445 руб., что в сравнении с 2017 г. больше на 4278 руб., или в 1,1 раза. Цепной метод определения индекса роста среднемесячной заработной платы персонала организаций страны свидетельствует о неравномерности повышения исследуемой величины по рассматриваемым периодам. В период с 2000 по 2015 г. наблюдалась тенденция роста значения индекса; тренд индекса начиная с 2015 г. принял постоянное значение, равное 1,1. Разница величин индекса обусловлена периодами расчета. Так, за пятилетний период 2000–2005 гг. индекс составлял 3,8; 2005–2010 гг. — 2,4; 2010–2015 гг. — 1,6; 2016 г. — 1,1; 2017 г. — 1,1; 2018 г. — 1,1. Подводя итог анализу данных, мож-

но согласиться, что в течение 2016–2018 гг. заработная плата повышалась незначительно. В таблице 1 приведена информация о группировке населения по среднему душевому доходу по годам. Анализ показателей таблицы свидетельствует о том, что в 2010 г. численность малоимущего населения, у которого средние душевые доходы не превышали 7 тыс. руб., составляла 19%, от 7 до 10 тыс. руб. — 15%; от 10 до 14 тыс. руб. — 17%, от 14 до 19 тыс. руб. — 15%. Установлено, что в 2010 г. 51% населения не имели средств для нормальной жизнеобеспеченности; в 2015 и 2016 гг. — 26%, в 2017 г. — 25% и в 2019 г. — 23%. На начало 2019 г. численность населения, средние душевые доходы которого не превышали 7 тыс. руб. в месяц, составляла 5%, от 7 до 10 тыс. руб. — 7%; от 10 до 14 тыс. руб. — 11%, от 14 до 19 тыс. руб. — 14%. На группу населения, доход которого составлял 7 тыс. руб. в месяц, тратилось на ЖКХ, электричество, воду, налоги, пищу, одежду и другие расходы — 233 руб. в день; на на-

селение с доходом 10 тыс. руб. — 333 руб.; на население с доходом 14 тыс. руб. — 466 руб.; на население с доходом 19 тыс. руб. — 633 руб. в день. Из этого следует, что одной из неотложных задач является проблема выявления резервов и источников эффективного управления, обеспечивающего повышение качества жизни малоимущих слоев населения. При этом необходимо использовать кардинальные меры по росту заработной платы и доходов примерно 37% населения, получивших в 2018 г., по данным Росстата, от 7 до 19 тыс. руб. в месяц. Основными механизмами повышения качества жизни выделенных слоев населения являются не только государственные и муниципальные финансовые средства, но и невзимание налогов с лиц, не имеющих средств для нормальной жизнедеятельности, привлечение средств предпринимателей и собственников предприятий, введение дифференцированных налогов на лиц, получающих от 300 тыс. руб. и более в месяц.

Таблица 1

Дифференциация населения по среднему душевому доходу, % [4]

Показатели	2010	2015	2016	2017	2019
Все население, в том числе со средними душевыми доходами, тыс. руб. в месяц	100	100	100	100	100
До 7	19	6	6	5	5
7–10	15	8	8	8	7
10–14	17	12	12	12	11
14–19	15	14	14	14	14
19–27	15	18	18	18	18
27–45	13	22	23	23	24
45–60	5	8	8	9	9
свыше 60	1	12	11	11	12

Выполненный анализ соответствующей информации и приведенные расчеты позволяют сделать определенные выводы относительно важности разработки механизмов управления человеческим капиталом. Для обоснования системы разработанных методов были привлечены 32 эксперта, которые оценили каждый вариант предложенным им способом — определением в процентном отношении от 10 до 100% уровня каждого метода. Оценка экспертами разработанных инновационных методов управления человеческим капиталом с целью повышения качества жизни населения приведена в таблице 2. Новые методы и механизмы должны способствовать повышению качества жизни рассматриваемой категории населения, увеличению численности его экономически активной части, повышению ответственности за выполняемые функции, росту валового внутреннего продукта.

Дискуссия. Отечественные авторы М. Л. Вартанова, Н. В. Городнова, О. А. Козлова, М. М. Морозова, О. А. Нестерова и другие считают, что основой экономического благосостояния человека считается размер его доходов и заработной платы [5]. Другие ученые ядром экономического роста признают внедрение инновационного подхода в развитие такого нематериального актива, как человеческий капитал [6].

Третьи, учитывая значимую роль в экономике агропромышленного комплекса, утверждают, что не будет долгосрочного развития без грамотной и последовательной политики преобразования территорий в дополнение к вертикальной интеграции [7].

Ряд ученых показателями качества жизни признают структуру питания, благоустройство жилья, получение качественного образования и услуг

здравоохранения [8]. Есть мнение, что особенно важно государственное вмешательство в экономику в условиях наличия теневого сектора [9] и что оценка устойчивого человеческого развития

обосновывается необходимостью измерения благосостояния с учетом не только выявления перспектив основных потребностей общества, но и перспектив возможностей [10].

Таблица 2

Система механизмов повышения качества жизни населения

№	Формулировка методов	Оценка экспертов, %
1	Создание и использование единых HR-процессов по управлению человеческим капиталом в стране и регионах, обеспечивающих единообразие технологий регулирования трудовой нагрузки	80
2	Организация взаимодействия развития личности и карьерного роста с целью увеличения интеллектуального потенциала	95
3	Подбор специалистов по опыту работы и степени заинтересованности в выполнении данного вида деятельности	75
4	Ранжирование оплаты труда работников в зависимости от уровня освоения выполняемых функций	85
5	Ускоренное внедрение инновационных технологий по отраслям промышленности с целью создания новых рабочих мест	95
6	Разработка и применение эффективных механизмов стимулирования труда персонала всех сфер приложения труда	75
7	Рост оплаты труда малоимущих слоев населения с целью повышения уровня их активности в общественном производстве	90
8	Фокусирование функции повышения качества жизни населения в стране и регионах с распространением их на организации	90

Некоторые ученые придают большое значение развитию процессов цифровизации, когда пишут, что одним из ключевых факторов, способствующих успешной реализации соответствующей программы, является интеграционный потенциал, формирующийся региональной инновационной системой и тесное партнерство с наукоемким бизнесом» [11], а также что «в условиях развития новых технологий реализация цифровой экономики является одной из первостепенных и приоритетных задач российского государства» [12].

Российские ученые, исследуя различные аспекты проблемы государственного управления, отмечают следующее: «Реализация социальных и экономических преобразований в России нуждается в образованных, творчески мыслящих служащих, которые могут активно воздействовать на уровень общегосударственного развития...» [13]; «Спецификой директивных органов управления сегодня является монополизм, устойчивое, независимое от профессионализма финансирование функций, множественность коллективных и индивидуальных интересов, зачастую противоречащих друг другу ...» [14]; «Одним из важнейших принципов государственного управления является законность» [15]. Важно раскрыть «основные понятия и закономерности функционирования органов государственной власти и местного самоуправления [16]»; следует обосновать «необходимость определения критериев эффективности управления [17]».

Многие иностранные авторы делают попытку разработать механизмы управления человеческим капиталом и ростом качества жизни неимущих слоев населения [18]; значительное внимание ученые уделяют проблеме равновесия в макроэкономике, которую следует решать с позиции «**эффективного спроса**», выражающего равновесие между потребителем и производством, доходом и занятостью [19]. Некоторые исследователи утверждают, что качество жизни населения значительно воздействует на устойчивое развитие экономики, однако концепция повышения качества жизни населения не всегда соответствует реальным прогнозам [20], который складывается из разнообразных форм: труд, потребление благ и услуг [21, с. 5–32], семья, быт и отдых; образование, культура, наука и искусство [22].

В то же время исследователи определяют условия циклов обновления экономики на основе инновационного совершенствования техники и технологии в течение 30 лет [23]. Наряду с этими подходами предлагается оценивать качество жизни на основе коэффициента Джини, который показывает, что при усилении дифференциации доходов населения, значительно повышается уровень преступности [24]. Зарубежные ученые полагают, что качество жизни зависит от содержательности этической теории и практики, включающей в свой состав моральные устои [25]. Кроме того, в процессе исследования ими разработаны оригиналь-

ные методы измерения качества жизни, которые во многом приемлемы для нашей страны [26]. Есть предложение, что осуществлять измерение индекса человеческого развития следует на основе использования старых, новых и элегантных методов, то есть ретро, инновационных и средних методов управления [27].

Значительную лепту в развитие государственного управления вносят иностранные ученые — современники, которые в свободной форме излагают свою платформу: «Если неравенство растет, то цены на активы растут, рабочие места в городском секторе услуг сокращаются, технологические фирмы становятся более доминирующими, а правительства слишком быстро переходят к жесткой экономии...» [28]; «Правительство может взять на себя разработку новых технологий, которые принесут необходимые изменения» [29]; «Намерение правительства состоит в том, чтобы создать сейсмический сдвиг в том, как «... местные власти планируют и предоставляют новое жилье, упрощая процесс, чтобы положить конец неэффективности и задержкам» [30]; «... минимально победившие кабинеты со сменой руководства (новые премьер-министры) сталкиваются с менее сложными условиями ведения переговоров и могут достоверно переложить ответственность за меры жесткой экономии на пре-

дыдущее правительство» [31]; «Эта новая политика, такая как блокировка и меры социального дистанцирования, привела к технологическому прогрессу и новым средствам взаимодействия с правительством, бизнесом и гражданами» [32].

Заключение. Таким образом, в процессе исследования сделан вывод, что необходимо использовать кардинальные меры, способствующие росту заработной платы и доходов примерно 37% населения, получавших в 2018 г., по данным Росстата, от 7 до 19 тыс. руб. в месяц. При этом основными механизмами повышения качества жизни выделенных слоев населения должны являться не только государственные и муниципальные финансовые средства, но и отмена налогов с лиц, не имеющих средств для нормальной жизнедеятельности. Кроме того, для повышения уровня жизни исследуемой группы населения необходимо привлекать средства крупных предпринимателей и собственников предприятий, по разработанному Союзом предпринимателей специальному алгоритму. В разряд источников повышения качества жизни бедных слоев населения предложено ввести дифференцированные налоги на лиц, получающих от 300 тыс. руб. до одного и далее от более млн руб. в месяц (по данным прессы, телевидения и других источников информации).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Козлова О. А., Гладкова Т. В., Макарова М. Н., Тухтарова Е. Х. Методический подход к измерению качества жизни населения региона // Экономика региона. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskiy-podhod-k-izmereniyu-kachestva-zhizni-naseleniya-regiona> (дата обращения: 06.04.2022).
2. Морозова М. М. Повышение уровня и качества жизни населения России // Молодой ученый. 2019. № 22 (260). С. 557–558. URL: <https://moluch.ru/archive/260/60010/> (дата обращения: 06.04.2022).
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400. URL: <https://docs.cntd.ru/document/607148290?marker=6520IM/> (дата обращения: 05.02.2022).
4. Лазарев В. Н., Рыбкина М. В., Пирогова Е. В. Уровень и качество жизни как основа благосостояния населения Ульяновской области. Ульяновск, 2016. 127 с.
5. Маклакова Т. Г. Влияние размера заработной платы на субъективное экономическое благополучие человека // Креативная экономика. 2015. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-razmera-zarabotnoy-platy-na-subektivnoe-ekonomicheskoe-blagopoluchie-cheloveka> (дата обращения: 06.04.2022).
6. Мишагина М. В. Человеческий капитал как фактор инновационного развития Приволжского Федерального округа // Креативная экономика. 2015. Том 9. № 8. С. 1009–1024. DOI: 10.18334/ce.9.8.580.
7. Вартанова М. Л., Безвербный В. А. Повышение уровня и качества жизни населения — главная задача устойчивого развития сельских территорий // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3. С. 1925–1938. DOI: 10.18334/eo.9.3.40930.
8. Гуляева Н. П. Дифференциация условий жизни населения как фактор миграционных процессов на территории Сибири // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 1. С. 213–232. DOI: 10.18334/et.5.1.38910.
9. Дробот Е. В. Теоретические аспекты определения пределов и критериев вмешательства государства в экономику // Теневая экономика. 2017. Т. 1. № 3. С. 115–126. DOI: 10.18334/tek.1.3.37634.
10. Нестерова О. А., Пожарницкая О. В. Оценка благосостояния с позиции устойчивого человеческого развития: возможности международных индексов // Вопросы инновационной экономики. 2018. Т. 8. № 3. С. 335–348. DOI: 10.18334/vines.8.3.39338.

11. Курочкин А. В., Годунова Е. А. Факторы эффективности инновационного развития региона в условиях цифровизации (на примере Новгородской области) // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9. № 3. С. 865–874. DOI: 10.18334/vines.9.3.41002.
12. Городнова Н. В., Самарская Н. А. Повышение качества жизни граждан России в процессе реализации инновационных проектов // Вопросы инновационной экономики. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-kachestva-zhizni-grazhdan-rossii-v-protsesse-realizatsii-innovatsionnyh-proektov> (дата обращения: 06.04.2022).
13. Государственное и муниципальное управление: вызовы и приоритеты: материалы III Международной научно-практической конференции. Т. 1. М., 2018. 172 с.
14. Иванов В. В., Коробова А. Н. Государственное и муниципальное управление с использованием информационных технологий // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. 2011. № 3. С. 373–380. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2011-03-018-ivanov-v-v-korobova-a-n-gosudarstvennoe-i-munitsipalnoe-upravlenie-s-ispolzovaniem-informatsionnyh-tehnologiy-m-infra-m-2011-382-s> (дата обращения: 06.04.2022).
15. Четвернина А. В., Попов Л. Л., Мигачев Ю. И., Тихомиров С. В. Государственное управление и исполнительная власть: содержание и соотношение / под ред. Л. Л. Попова. М., 2011. С. 313–318.
16. Липский С. А. Государственное (муниципальное) управление и государственная служба. М., 2018. 112 с.
17. Василевич С. Г. Государственное управление. Проблемы и пути повышения эффективности: монография. М., 2019. 544 с.
18. Джонсон Дж., Скоулз К., Уиттингтон Р. Изучение Корпоративной Стратегии. FT Prentice Hall, 2008. 881 с.
19. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Лондон, 2018. 957 с.
20. Ямамото Т. Качество жизни: концепция политики и реальность // Японский журнал политических наук. 2014. № 15 (2). С. 163–182.
21. Кабо Р. М. Природа и человек в их взаимоотношениях как предмет социально-экономической географии // Вопросы географии. 1947. Вып. 5. С. 5–32.
22. Баллас Д. Что делает «счастливый город»? // Города. 2013. 20В. Т. 32. С. 39–50.
23. Медоуз Д. Х., Рандерс Дж., Медоуз Д. Л., Беренс В. В. Пределы роста. М., 1991. 211 с.
24. Пукелиене В., Старкаускиене В. Качество жизни: факторы, определяющие сложность его измерения // Инженерная экономика. 2011. Т. 22. Вып. 2. С. 147–156.
25. Дитрер Б. Качество жизни — оценка или описание // Этическая теория и моральная практика. 1999. № 2 (1). С. 25–36.
26. Питер Сондо. Качество жизни — три конкурирующих взгляда // Этическая теория и моральная практика. 1999. № 2 (1). С. 11–23.
27. Польшару Р., Рутс Я. Подход PCA-DEA к измерению качества жизни в эстонских уездах // Социально-экономическое планирование. 2014. Т. 48. Вып. 1. С. 65–73.
28. Мишра С., Натан Х. С. К. Измерение индекса человеческого развития: старое, новое и элегантное // Институт исследований развития имени Индиры Ганди, Мумбаи. 2013. Октябрь. URL: <http://www.igidr.ac.in/pdf/publication/WP-2013-020.pdf> (дата обращения: 06.04.2022).
29. Правильный вид восстановления // The Economist. Специальный репортаж. 2020. 08 октября. URL: <https://www.economist.com/special-report/2020/10/08/the-right-kind-of-rec> (дата обращения: 06.04.2022).
30. Состояние во время covid-19 // Экономист. 2021. 12 мая. URL: <https://www.economist.com/leaders/2020/03/26/the-state-in-the-time-of-covid-19> (дата обращения: 06.04.2022).
31. Штробль Д., Бак Х., Мюллер В. и Ангелова М. Избирательные циклы в формировании государственной политики: Стратегическое время проведения реформ жесткой экономии в Западной Европе. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/british-journal-of-political-science/article/electoral-cycles-in-government-policy-making-strategic-timing-of-austerity-reform-measures-in-westerneurope/> (дата обращения: 06.04.2022).
32. Рену Н. Технологический прогресс в эпоху COVID-19. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/20503121211000912> (дата обращения: 06.04.2022).

REFERENCES

1. Kozlova O. A., Gladkova T. V., Makarova M. N., Tukhtarova E. K. Methodological approach to measuring the quality of life of the population of the region // *The economy of the region*. 2015. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskiy-podhod-k-izmereniyu-kachestva-zhizni-naseleniya-regiona> (date of access: 06.04.2022).
2. Morozova M. M. Improving the level and quality of life of the population of Russia // *Young scientist*. 2019. № 22 (260). Pp. 557–558. URL: <https://moluch.ru/archive/260/60010/> / (date of access: 06.04.2022).
3. «On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 02, 2021. URL: <https://docs.cntd.ru/document/607148290?marker=6520IM/> (date of access: 05.02.2022).
4. Lazarev V. N., Rybkina M. V., Pirogova E. V. The level and quality of life as the basis of the welfare of the population of the Ulyanovsk region. Ulyanovsk, 2016. 127 p.
5. Maklakova T. G. The effect of wages on the subjective economic well-being of a person // *Creative Economy*. 2015. No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-razmera-zarabotnoy-platy-na-subektivnoe-ekonomicheskoe-blagopoluchie-cheloveka> (date of access: 06.04.2022).
6. Mishagina M. V. Human capital as a factor of the innovative development of the Volga Federal District // *Kreativnaya ekonomika*. 2015. Vol. 9 (8). Pp. 1009–1024. DOI: 10.18334/ce.9.8.580.
7. Vartanova M. L., Bezverbny V. A. Improving the level and quality of life of the population — the main task of sustainable development of rural areas // *Economic relations*. 2019. Vol. 9. No. 3. Pp. 1925–1938. DOI: 10.18334/eo.9.3.40930.
8. Gulyaeva N. P. Differentiation of living conditions of the population as a factor of migration processes in Siberia // *Labor economics*. 2018. Vol. 5. No. 1. Pp. 213–232. DOI: 10.18334/et.5.1.38910.
9. Drobot E. V. Theoretical aspects of determining the limits and criteria of state intervention in the economy // *Shadow economy*. 2017. Vol. 1. No. 3. Pp. 115–126. DOI: 10.18334/tek.1.3.37634.
10. Nesterova O. A., Pozharnitskaya O. V. Assessment of well-being from the perspective of sustainable human development: the possibilities of international indices // *Issues of innovative economy*. 2018. Vol. 8. No. 3. Pp. 335–348. DOI: 10.18334/vinec.8.3.39338.
11. Kurochkin A. V., Godunova E. A. Factors of the effectiveness of innovative development of the region in the conditions of digitalization (on the example of the Novgorod region) // *Issues of innovative economy*. 2019. Vol. 9. No. 3. Pp. 865–874. DOI: 10.18334/vinec.9.3.41002.
12. Gorodnova N. V., Samarskaya N. A. Improving the quality of life of Russian citizens in the process of implementing innovative projects // *Issues of innovative economy*. 2019. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-kachestva-zhizni-grazhdan-rossii-v-protsesse-realizatsii-innovatsionnyh-proektov> (date of access: 06.04.2022).
13. State and municipal management: Challenges and priorities: materials of the III International Scientific and practical conference. Vol. 1. M., 2018. 172 p.
14. Ivanov V. V., Korobova A. N. State and municipal management using information technologies // *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 4. State and Law*. 2011. No. 3. Pp. 373–380. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2011-03-018-ivanov-v-v-korobova-a-n-gosudarstvennoe-i-munitsipalnoe-upravlenie-s-ispolzovaniem-informatsionnyh-tehnologiy-m-infra-m-2011-382-s> (date of access: 06.04.2022).
15. Chetvernina A. V., Popov L. L., Migachev Yu. I., Tikhomirov S. V. Public administration and executive power: content and correlation / ed. L. L. Popova. M., 2011. Pp. 313–318.
16. Lipsky S. A. State (municipal) administration and civil service. M., Rusyns, 2018. 112 p.
17. Vasilevich S. G. State management. Problems and ways to improve efficiency: monograph. M., 2019. 544 p.
18. Jonson J., Scholes K., Whittington R. *Exploring Corporate Strategy*. FT Prentice Hall, 2008, 881 p.
19. Keynes J. M. *General theory of employment, interest and money*. London, 2018. 957 p.
20. Yamamoto T. Quality of Life: Policy Concept and Reality // *Japanese Journal of Political Science*. 2014. No. 15 (2). Pp. 163–182.
21. Cabo R. M. Nature and man in their mutual relations as a subject of socio-economic geography // *Issues of geography*. 1947. Issue 5. Pp. 5–32.
22. Ballas D. What makes a «happy city»? // *Cities*. 2013. 20B. Vol. 32. Pp. 39–50.
23. Meadows D. H., Randers J., Meadows D. L., Behrens W. W. *Limits to Growth*. M., 1991. 211 p.
24. Pukeliene V., Starkauskiene V. Quality of life: Factors determining its measurement complexity // *Engineering Economics*. 2011. Volume 22. Issue 2. Pp. 147–156.

25. Diener E. Quality of life — evaluation or description // *Ethical Theory and Moral Practice*. 1999. № 2 (1). Pp. 25–36.
26. Peter Sondoe. Quality of life — three competing views // *Ethical Theory and Moral Practice*. 1999. № 2 (1). Pp. 11–23.
27. Poldaru R., Roots J. A PCA-DEA approach to measure the quality of life in Estonian counties // *Socio-Economic Planning Sciences* 2014. Vol. 48. Issue 1. Pp. 65–73.
28. Mishra S., Nathan H. S. K. Measuring the human development index: old, New and elegant // *Indira Gandhi Institute for Development Studies, Mumbai*. October 2013. URL: <http://www.igidr.ac.in/pdf/publication/WP-2013-020.pdf> (date of access: 06.04.2022).
29. The right kind of recovery // *The Economist*, Special report. 2020. October 08. URL: <https://www.economist.com/special-report/2020/10/08/the-right-kind-of-recovery> (date of access: 06.04.2022).
30. The state in the time of covid-19 // *The Economist*. 2021. 12 May. URL: <https://www.economist.com/leaders/2020/03/26/the-state-in-the-time-of-covid-19> (date of access: 06.04.2022).
31. Strobl D., Back H., Wolfgang C. Müller W., Mariyana A. Electoral Cycles in Government Policy Making: Strategic Timing of Austerity Reform Measures in Western Europe. 2019. 08 November. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/british-journal-of-political-science/article/electoral-cycles-in-government-policy-making-strategic-timing-of-austerity-reform-measures-in-westerneurope> (date of access: 06.04.2022).
32. Renu N. Technological advancement in the era of COVID-19. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/20503121211000912> (date of access: 06.04.2022).

Поступила в редакцию: 07.04.2022.

Принята к печати: 30.04.2022.

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ: УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М. Н. Семиколенова¹, Л. А. Семина¹, С. Н. Землякова²

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Донской государственный аграрный университет (пос. Персиановский, Россия)

Управление корпоративными рисками позволяет сельскохозяйственным организациям предвидеть риски, которые могут повлиять на производительность и эффективность деятельности, и принять меры, необходимые для максимизации конкурентных возможностей и сведения к минимуму неблагоприятных факторов. Получение достоверной информации о рисках позволяет в условиях ограниченных ресурсов оценивать общие потребности, расставлять приоритеты в использовании ресурсов и улучшать их распределение. Кроме того, жизнеспособность организации в среднесрочной и долгосрочной перспективе зависит от ее способности предвидеть изменения и реагировать на них не только в целях стабильного функционирования, но и для прогрессивного развития. Этим определяется актуальность проведенного исследования, задачей которого является анализ и изучение перспектив построения риск-ориентированной системы учета, мониторинга и управления. В работе были исследованы системы управления рисками ряда сельскохозяйственных организаций двух агроориентированных регионов: Ростовской области и Алтайского края. Логика исследования состояла в последовательном и взаимосвязанном рассмотрении проблем функционирования сельского хозяйства в регионах; угроз нарушения экономической безопасности организаций анализируемой отрасли; вопросов организации информационной системы, отвечающей задачам управления рисками; методов и стратегии управления рисками в сельском хозяйстве. Авторами сделан вывод о необходимости преобразования учетно-аналитической системы сельскохозяйственных организаций. Основным направлением такого преобразования является интегрирование разработки стратегии, методов управления и инструментов управленческого учета.

Ключевые слова: сельское хозяйство, экономическая безопасность, управление рисками, управленческий учет, информационная система.

RISK MANAGEMENT IN AGRICULTURE: ACCOUNTING AND ANALYTICAL ASPECT

M. N. Semikolenova¹, L. A. Semina¹, S. N. Zemlyakova²

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²Don State Agrarian University (Persianovsky settlement, Russia)

Enterprise risk management enables agricultural organizations to anticipate risks that could affect productivity and performance and take the necessary steps to minimize adverse factors and maximize competitive opportunities. Obtaining reliable risk information enables in resource-constrained settings to assess overall resource needs, prioritize resource use, and improve resource allocation. In addition, the viability of an organization in the medium and long term depends on its ability to anticipate and respond to changes, not only for stable functioning, but also for progressive development. This determines the relevance of the study, the task of which is to analyze and study the prospects for building a risk-based accounting, monitoring and management system. The risk management systems of a number of agricultural organizations in two agro-oriented regions were studied: the Rostov Region and the Altai Territory. The logic of the study consisted in a consistent and interconnected consideration of the problems of the functioning of agriculture in the regions; threats of violation of the economic security of organizations in the analyzed industry; issues of organizing an information system that meets the tasks of risk management; methods and strategies of risk management in agriculture. The authors concluded that it is necessary to transform the accounting and analytical system of agricultural organizations. The main direction of this transformation is the integration of strategy development, management methods and management

---

accounting tools. The measurement of the underlying performance factors and the organization's response to risk generate strategic opportunities and key competitive capabilities for agricultural organizations.

Keywords: agriculture, economic security, risk management, management accounting, information system.

Любой выбор альтернативы при принятии как оперативных, так и стратегических управленческих решений сопряжен с риском. Можно говорить о том, что управление рисками является частью процесса принятия решений. Оптимизация диапазона возможных результатов альтернатив управленческих решений редко сводится только к бинарному решению: правильное или неправильное, ввиду многообразия факторов хозяйственной деятельности, существующих рисков и неопределенности. Экономические субъекты все чаще в современных условиях сталкиваются с проблемами, которые влияют на надежность, релевантность и доверие. В связи с этим разработка подходов к формированию учетно-аналитической системы мониторинга, контроля и управления рисками становится особенно актуальной.

Значимость проводимого исследования подтверждается работами отечественных и зарубежных экономистов в области риск-менеджмента [1–3]. М. Ličen, S. Slapničar [4] считают, что отсутствие мониторинга и анализа рисков ситуаций способны оказать существенное влияние на эффективность долгосрочных управленческих решений. Н. Т. Pham, Т. Pham, Н. Truong Quang, С. N. Dang [5] отмечают ключевую роль управления рисками в эффективном функционировании цепочки поставок. Красноярские исследователи на примере своего региона подтверждают первоочередную значимость вопросов управления рисками в сельскохозяйственных организациях и необходимость учета возможных рисков и их последствий [6].

Э. С. Аракельянц предлагает формирование комплексного подхода к управленческому учету, дополненного элементом учета резервной системы и направленного на управление рисками организации [7]. Еще в 2016 г. в докладе о глобальных рисках на Всемирном экономическом форуме подчеркивалась «растущая изменчивость, сложность и неоднозначность мира» [8].

Цель исследования состоит в изучении действующих методов управления рисками в сельском хозяйстве и определении вектора совершенствования информационной системы в рассматриваемом аспекте. Для достижения цели исследования использованы общенаучные методы, определяющие его логику и комплексность; системный анализ; экономико-статистические методы; эмпирические методы, включающие анкетирование респондентов, ранжирование полученных результатов, метод экспертных оценок.

Обеспечение экономической безопасности предприятия заключается в своевременном применении методов устранения угроз и предупреждения возможных рисков, что позволяет ему эффективно функционировать и развиваться. В качестве объекта исследования были взяты ряд сельскохозяйственных организаций Алтайского края и Ростовской области. Данные регионы являются лидерами сельскохозяйственного производства в Сибирском федеральном округе и Южном федеральном округе соответственно. Основные показатели сельскохозяйственного производства по исследуемым регионам приведены в таблице 1.

Таблица 1

Ключевые показатели развития сельского хозяйства Ростовской области и Алтайского края [9]

Показатели	Ростовская область		Алтайский край	
	2019 г.	2020 г.	2019 г.	2020 г.
Индекс производства продукции сельского хозяйства, %	112,5	96,6	98,8	96,7
Сельскохозяйственные организации, % от общего объема продукции в хозяйствах всех категорий	63,7	62,4	65,6	66,8
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	8 190,9	8 448,1	6 642,7	8 905,8
Изношенность основных фондов, %	46,3	47,6	54,5	54,4
Посевные площади сельскохозяйственных культур, тыс. га	4 695	4 748	5 146,9	5 175,8
Поголовье крупного рогатого скота, тыс. голов	614,7	621,5	714,8	683,6

Если рассмотреть основные показатели развития предприятий сельскохозяйственной отрасли, то здесь можно выявить ряд проблем. Индекс производства сельскохозяйственной продукции

в 2020 г. упал в обоих регионах. Изношенность сельскохозяйственной техники остается по-прежнему высокой и составляет около 50%. Положительным фактором для развития экономики Алтай-

ского края является прирост инвестиций в сельское хозяйство региона на 34% по сравнению с предыдущим годом. За исключением животноводческой отрасли физические объемы ресурсов, задейство-

ванных в растениеводстве и животноводстве, стабильно возрастают. Это оказывает благоприятное влияние и на показатели результативности деятельности сельскохозяйственных организаций (рис. 1).

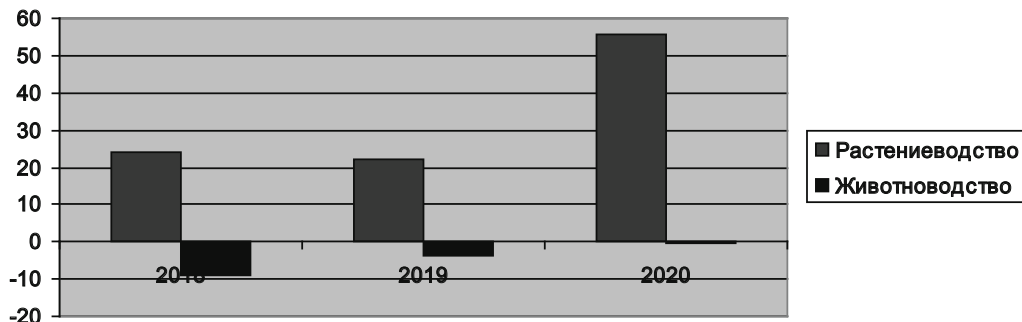

Рис. 1. Рентабельность по видам сельскохозяйственного производства Ростовской области в 2018–2020 гг., %

Уровень эффективности сельскохозяйственного производства в анализируемых регионах увеличился за анализируемый период. Обращает на себя

внимание прирост рентабельности растениеводства практически в 2 раза как в Ростовской области, так и в Алтайском крае (рис. 2).

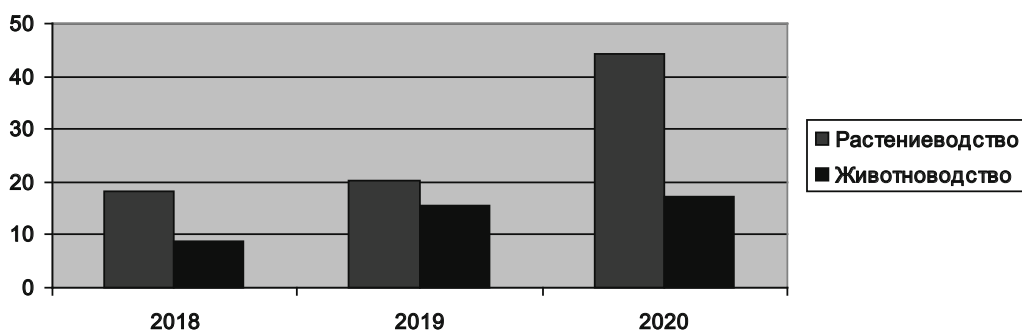

Рис. 2. Рентабельность по видам сельскохозяйственного производства Алтайского края в 2018–2020 гг., %

Вероятность, %	Очень вероятно	Увеличение стоимости используемых кредитных ресурсов	Нестабильность цен на продукцию	Износ ОПФ и поломка оборудования	Использование неэффективных и высокозатратных технологий
	Вероятно	Климатические риски	Высокая текучесть кадров	Опережающий рост цен на удобрения, посевной материал и т.п.	Влияние общеэкономических факторов
	Возможно	Появление вредоносных насекомых	Недостаток высококвалифицированных специалистов	Риск банкротства	Болезни животных
	Маловероятно	Введение новых стандартов для с/х продукции	Образование сомнительной дебиторской задолженности	Низкий уровень обеспеченности техникой и ресурсами	Чрезвычайные ситуации; Хищения
		Допустимая	Средняя	Критическая	Катастрофическая
		Величина потерь →			

Рис. 3. Карта рисков и угроз экономической безопасности сельскохозяйственных организаций

Однако сельскохозяйственное производство имеет множество рисков и угроз экономической безопасности, обусловленных влиянием как внутренних, так и внешних факторов. На основе проведенного анализа финансово-хозяйственной деятельности ряда сельскохозяйственных организаций Алтайского края и Ростовской области были выделены наиболее важные риски и угрозы их экономической безопасности (рис. 3). Выявленные риски и угрозы характерны не только для изучаемых регионов, но и регистрируются результатами многих других региональных исследований сельского хозяйства [10]. Особенностью предприятий данной отрасли является уязвимость их финансовых средств, необходимых для нормального функционирования.

С целью формирования риск-ориентированной учетно-аналитической системы, безусловно, нужна трансформация основного информационного поля менеджмента — управленческого учета. Современные условия хозяйствования, в том числе и сельскохозяйственных организаций, требуют внесения изменений в общую концепцию ведения управленческого учета, определения его принципов [11, 12], методики обобщения и представления информации. В. Ostadi, R. Zare [13] в качестве перспективного направления модернизации системы управленческого учета считают внедрение в рамках выделенных центров ответственности метода учета затрат по видам деятельности, который способен учитывать риски, возникающие внутри бизнес-процессов и пул затрат. Построение системы управления рисками, с нашей точки зрения, должно основываться на интегрированном подходе к взаи-

мосвязи стратегических приоритетов организации, методов управления и принципов формирования управленческой информации. В этом смысле интересным является проект Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission (COSO), который разработан как результат исследований и усилий следующих организаций: американской ассоциацией бухгалтеров, американским институтом дипломированных бухгалтеров, финансовыми руководителями International, институтом бухгалтеров по управленческому учету, институтом внутренних аудиторов [14]. Данный проект направлен на разработку концепции управления рисками (ERM), под которой понимается культура, возможности и методы, интегрированные с определением стратегии и ее реализацией при создании ценности. Интеграция корпоративного управления рисками со стратегией помогает организации понять, как ее миссия (основная цель), видение (будущие устремления) и основные ценности соотносятся с возможностями и риском.

Думается, что мониторинг и оценка как внутренней, так и внешней информации, характеризующей эффективность деятельности организации, условия и факторы ее реализации, а также изменения рыночной конъюнктуры во многом определяют успешность дифференциации и управления рисками. В связи этим авторами проведено исследование действующих методов управления и систем управленческого учета 36 сельскохозяйственных организаций Алтайского края и Ростовской области в рамках параметров, представленных в таблице 2.

Таблица 2

Компоненты оценки учетно-аналитической системы управления рисками

Стратегии	Низкая цена: выявление резервов снижения себестоимости производства позволяет получить преимущество по цене
	Дифференциация: ориентирование на высокое качество, гибкость и обслуживание клиентов
Методы управления	Улучшение бизнес-процессов
	Системы качества
	Производственные инновации
	Интеграция систем управления информацией, функциями, поставками, продажами
Практика управленческого учета	Традиционные методы управленческого учета: калькулирование себестоимости с поэтапным распределением затрат, бюджетирование, измерение эффективности, анализ «затраты-прибыль-объем»
	Современные методы: бенчмаркинг, функциональный учет себестоимости, сбалансированная система показателей, стратегическое планирование

Изучение вопросов организации информационной системы предприятий-респондентов позволяет констатировать использование традиционных подходов к калькулированию себестоимости сельскохозяйственной продукции, внедрение эле-

ментов бюджетирования и отсутствие системного подхода к анализу бизнес-процессов. Формирование внешней и конкурентной информации, являющейся ключевым фактором для принятия решений в условиях неопределенности и высо-

кой конкуренции на территориальных рынках, не интегрировано в общую систему учета. Управленческий учет всех изученных экономических субъектов не выделен обособленно и ведется на производственных счетах учета без применения счетов-экранов. Безусловным преимуществом информационной системы большинства организаций является выстроенная система управленческой отчетности, ориентированная, главным образом, на мониторинг и контроль объемов выпущенной продукции и производимых при этом затрат. Однако 85% менеджеров исследуемых сельскохозяйственных организаций считают необходимым совершенствование управленческого учета в направлении его трансформации с учетом рисков нарушения экономической безопасности организации.

Сельскохозяйственные организации, отметившие наиболее важным стратегическим направлением дифференциацию продукции, считают перспективными следующие методы управления и инструменты управленческого учета: системы качества, интегрированные системы, политику управления человеческими ресурсами, сбалансированную систему показателей, методы сравнительного анализа и стратегического планирования.

Организации, нацеленные на стратегию низких цен, в качестве приоритетных выделили производственные инновации, традиционные методы управленческого учета, учет затрат по видам деятельности (функциям). Все респонденты отметили важность системного подхода к формированию оперативной и стратегической информации, основанного на комбинации методик управления и практик управленческого учета, для целей мониторинга рисков производственно-хозяйственной деятельности.

Система управления рисками должна быть интегрирована со стратегией и оценкой эффективности деятельности, что обеспечит необходимую информационно-аналитическую базу для менеджеров в организациях любого размера. Методы воздействия на риск для сельскохозяйственных производителей можно разделить на три группы: сохранение риска, снижение риска и передача риска (табл. 3). Все перечисленные методы позволят оказать воздействие на снижение финансовых рисков, повысить финансовую устойчивость предприятия, увеличить объемы реализованной продукции, снизить затраты, наращивать наиболее ликвидные активы, снизить объем заемного капитала, увеличить объем инвестируемых средств.

Таблица 3

Стратегия и мероприятия по воздействию на риски экономической безопасности сельскохозяйственной организации

Стратегия	Мероприятия по воздействию на риск	На какие риски направлено воздействие
Сохранение	Создание резервного фонда	Производственные Финансовые Прочие риски
Снижение	Диверсификация продукции животноводства Обновление основных производственных фондов с помощью лизинга	Производственные Финансовые
	Внедрение прогрессивных норм, нормативов и ресурсосберегающих технологий Использование вторичного сырья для переработки Проведение исследований и внедрение передового опыта в разработке новых технологий производства	Технологические
	Вертикальная интеграция с посредниками Контрактное производство	Ценовые Финансовые
	Повышение мотивации персонала Улучшение условий труда Совершенствование кадровой политики	Кадровые
	Передача	Страхование сельскохозяйственных культур

В отношении рисков и угроз, которые трудно спрогнозировать или же устранить их причины не представляется возможным, можно использовать такой метод воздействия как создание резервных фондов. Создавая резервный фонд, предприятие не несет расходов как таковых, сохраняется его финансовая независимость, в короткие сроки мо-

гут быть компенсированы возникшие потери. Измерение факторов деятельности, лежащее в основе риска, и реакция организации на риск порождают, в свою очередь, стратегические возможности и ключевые конкурентные способности сельскохозяйственных организаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ayuningtyas E. S., Harymawan I. Risk Management Committee and Textual Risk Disclosure // *Risks*. 2022. No. 10 (2). Pp. 3–14.
2. Yessentemirov A. A., Baibussinova G. K., Talasbek M. L. Risk management in the financing of ico projects: prospects for the use of modern technologies in Kazakhstan // *Экономическая серия Вестника ЕНУ им. Л. Н. Гумилева*. 2020. № 1. С. 73–88.
3. Izmailovich S. V. Управление хозяйственными рисками организаций промышленного сектора республики Беларусь // *Часопис економічних реформ*. 2018. № 1 (29). С. 100–105.
4. Ličen M., Slapničar S. Can process accountability mitigate myopic biases? An experimental analysis // *J Manag Control*. 2022. No. 33. Pp. 1–26.
5. Pham H. T., Pham T., Truong Quang H., Dang C. N. Supply chain risk management research in construction: a systematic review // *International Journal of Construction Management*. 2022. No. 2. Pp. 3–12.
6. Nezamova O. A., Olentsova Ju. A. Risk management at the enterprises of agroindustrial complex // *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2021. No. 1 (34). Pp. 229–232.
7. Аракестьянц Э. С. Управленческий учет рисков и резервной системы организации // *Kant*. 2020. № 4 (37). С. 27–32.
8. *The Global Risks Report 2016*. 11th edition. World Economic Forum, 2016.
9. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. 766 с.
10. Герасименко О. А., Емтыль З. З. Управление финансовыми рисками как инструмент реализации финансовой стратегии сельскохозяйственных организаций // *The Scientific Heritage*. 2020. № 45–4 (45). С. 64–71.
11. Ситникова С. А. Принципы риск-ориентированного управленческого учета // *Международный бухгалтерский учет*. 2018. Т. 21. № 4. С. 466–478.
12. Кудин В. В. Проблема формирования риск-ориентированной учетно-аналитической системы в сельскохозяйственных организациях республики Беларусь // *Сельское хозяйство — проблемы и перспективы: сборник научных трудов*. Гродно, 2017. С. 203–211.
13. Ostadi B., Zare R. Activity-based costing in the public sector and non-profit organisations: towards risk-based approach // *International Journal of Productivity and Quality Management*. 2022. No 35 (1). Pp. 1–16.
14. Committee of Sponsoring Organizations. URL: <https://www.coso.org/Pages/default.aspx/> (дата обращения: 27.10.2021).

REFERENCES

1. Ayuningtyas E. S., Harymawan I. Risk Management Committee and Textual Risk Disclosure // *Risks*. 2022. No. 10 (2). Pp. 3–14.
2. Yessentemirov A. A., Baibussinova G. K., Talasbek M. L. Risk management in the financing of ico projects: prospects for the use of modern technologies in Kazakhstan // *Economic series of the Bulletin of ENU. L. N. Gumilyov*. 2020. No. 1. Pp. 73–88.
3. Izmailovich S. V. Management of economic risks of organizations of the industrial sector of the Republic of Belarus // *Часопис економічних реформ*. 2018. No. 1 (29). Pp. 100–105.
4. Ličen M., Slapničar S. Can process accountability mitigate myopic biases? An experimental analysis // *J Manag Control*. 2022. No 33. Pp. 1–26.
5. Pham H. T., Pham T., Truong Quang H., Dang C. N. Supply chain risk management research in construction: a systematic review // *International Journal of Construction Management*. 2022. No. 2. Pp. 3–12.
6. Nezamova O. A., Olentsova Ju. A. Risk management at the enterprises of agroindustrial complex // *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2021. No. 1 (34). Pp. 229–232.
7. Arakelians E. S. Management accounting of risks and the reserve system of an organization // *Kant*. 2020. No. 4 (37). Pp. 27–32.
8. *The Global Risks Report*. 2016. 11th edition. World Economic Forum, 2016.
9. Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation. 2021: stat. sat. / Rosstat. M., 2021. P. 766.
10. Gerasimenko O. A., Emtyl Z. Z. financial risk management as a tool for implementing the financial strategy of agricultural organizations // *The Scientific Heritage*. 2020. No. 45–4 (45). Pp. 64–71.

11. Sitnikova S. A. Principles of risk-oriented management accounting // International accounting. 2018. Vol. 21. No. 4. Pp. 466–478.

12. Kudin V. V. The problem of forming a risk-oriented accounting and analytical system in agricultural organizations of the Republic of Belarus // Agriculture — problems and prospects: collection of scientific papers. Grodno, 2017. Pp. 203–211.

13. Ostadi B., Zare R. Activity-based costing in the public sector and non-profit organisations: towards risk-based approach // International Journal of Productivity and Quality Management. 2022. No. 35 (1). Pp. 1–16.

14. Committee of Sponsoring Organizations. URL: <https://www.coso.org/Pages/default.aspx/> (date of access: 27.10.2021).

Поступила в редакцию: 21.03.2022.

Принята к печати: 15.04.2022.

ПОНЯТИЕ И ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНТЕГРАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА¹

А. Я. Троцкий^{1,2}, И. Е. Каплинская², Л. В. Родионова¹

¹Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В условиях воздействия сильнейших внешних шоков на экономику России повышается значимость ее развития как целостной и суверенной системы. В этом плане особо актуальными становятся вопросы ее пространственной организации в направлении углубления интеграционных процессов между регионами.

Цель исследования — разработка теоретико-методологических основ анализа механизмов интеграции экономического пространства регионов СФО и на этой основе оценка интеграционного потенциала Алтайского края.

Эмпирический объект исследования — Алтайский край. Предмет исследования — различные формы и виды связей края с регионами СФО.

В статье рассмотрен ряд актуальных вопросов межрегиональной интеграции, приобретших особое звучание в связи с введением антироссийских санкций. Дана общая оценка состояния научных исследований в этой области. Отмечены недостаточная эмпирическая изученность межрегиональных связей, отсутствие сопоставимых методических подходов к оценке интеграционных процессов в макрорегионах.

Обоснована и показана возможность использования методических разработок в области исследования международной интеграции для анализа межрегионального взаимодействия. Обозначены подходы к оценке степени «зрелости» межрегиональной интеграции.

Раскрыт механизм интеграции как единство движущих сил данного процесса и факторов, его обуславливающих, применительно к разным видам межрегиональных связей.

Показана неоднозначность последствий интеграции для социально-экономического развития регионов в зависимости от того, на какой основе формируются межрегиональные отношения (сотрудничества либо конкуренции).

Ключевые слова: межрегиональная интеграция, экономическое пространство, макрорегионы, социально-экономическое развитие, межрегиональные связи, межрегиональная торговля, территориальное движение населения.

THE CONCEPT AND APPROACHES TO THE STUDY OF INTEGRATION OF TERRITORIAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS: TO THE FORMULATION OF THE ISSUE

A. Ya. Trotskovsky^{1,2}, I. Ye. Kaplinskaya², L. V. Rodionova¹

¹Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (Novosibirsk, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

The importance of the development of the Russian economy as a comprehensive and sovereign system is increasing under the influence of external shocks. To this matter, the question of the economy's spatial nature in regards to the deepening of integration processes between regions becomes particularly important.

---

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири», № 121040100279–5.

The purpose of the study is to develop theoretical and methodological foundations for analyzing the mechanisms of integrating the economies of the regions of the Siberian Federal District, assessing the integration potential of the Altai Krai. The empirical object of study is the Altai Krai. The subject of the study are the various forms and types of connections between the region and the regions of the Siberian Federal District.

The paper considers a number of topical issues of interregional integration. A general assessment of the state of scientific research in this area is given. Insufficient empirical knowledge of interregional relations, the absence of comparable methodological approaches to the assessment of integration processes in macroregions are noted.

The possibility of using methodological developments in the field of international integration research for the analysis of interregional interaction is substantiated and shown. Approaches to assessing the degree of «maturity» of interregional integration are outlined.

The «mechanism» of integration is revealed as the unity of the driving forces of this process and the factors that determine it, in relation to different types of interregional relations.

The ambiguity of the consequences of integration for the socio-economic development of regions is shown, depending on the basis on which interregional relations are formed (cooperation or competition).

Keywords: inter-regional integration, economic space, macro-regions, socio-economic development, inter-regional relations, inter-regional trade, territorial population movement.

Постановка проблемы и обоснование ее актуальности. В части анализа межрегиональных взаимодействий и формирования интегрированного экономического пространства регионов России в обществоведческих науках сложилась парадоксальная ситуация. Налицо противоречие между осознанием не только учеными, но и практиками важности развития межрегиональных взаимодействий как инструмента роста экономики макрорегиона², совершенствования ее структуры, а с другой, — той реальной ролью и местом, которое занимают исследования механизмов формирования межрегионального интегрированного социально-экономического пространства России в рамках соответствующих профильных наук и регионалистики в целом. Крайне метко отразил ситуацию в рассматриваемой области А. Н. Демьяненко: «... удивительно, но экономическая интеграция (сюжет, столь популярный в исследованиях проблем глобальной экономики) сходит на нет, когда в исследовательском фокусе оказываются регионы — пространственно обособленные части национальной экономики» [2, с. 6–7].

Наши попытки изучить и использовать в ходе дальнейшего исследования полученные наукой методические и содержательные результаты по рассматриваемой тематике оказались во многом малорезультативными в силу ряда причин: отсутствия единых и, главное, сопоставимых методологических и методических подходов к анализу закономерностей и тенденций развития экономического пространства (в части связанности), а также

обеспечивающих его единство видов и форм межрегионального взаимодействия, эффективности сложившегося организационно-экономического механизма как на федеральном, так и на региональном уровне [3–5].

В имеющихся, пусть и относительно немногочисленных, статьях по рассматриваемой тематике³ совершенно четко просматривается «умозрительный» подход к анализу межрегиональных взаимодействий (оценки их значимости, роли в развитии экономики, потенциальных выгод участников и т. п.), не подкрепленный, как правило, результатами эмпирических исследований.

Зачастую межрегиональные связи рассматриваются обособленно, вне процесса усиления (ослабления) связанности экономического пространства, его целостности. В таком случае вне поля зрения исследователей, как правило, остаются вопросы сравнительной значимости тех или иных видов и форм межрегиональных связей, социально-экономических последствий для интеграции территориальных образований и т. д.

Совокупность причин описанной выше ситуации достаточно широка. Они, по преимуществу, лежат на поверхности научного знания — начиная от сложности изучаемого объекта, обусловленного многообразием межрегиональных связей и заканчивая зачастую весьма скромным их информационным обеспечением со стороны органов статистики. Наука, со своей стороны, в силу ряда причин

² В научной литературе приводятся различные варианты трактовки понятия «макрорегион» и их состава [1].

³ За исключением получивших большое распространение исследований кластерной политики и кластерных форм организации производства, включающих в свой состав предприятия и организации, дислоцированные в разных регионах (межрегиональных кластеров).

не считала и не считает нужным сконцентрировать внимание исследователей на многочисленных и серьезных ограничениях на пути эмпирической верификации имеющихся теоретических концепций и выдвинутых гипотез.

Особо следует сказать о таком направлении исследований, как систематизация отечественной практики межрегиональных взаимодействий. Управленческий аспект проблемы, бесспорно, находится в центре внимания исследователей, что, однако, не исключает доминирования в соответствующих статьях констатации наблюдаемых фактов без внятного ответа на вопрос, почему охарактеризованная ситуация в области межрегиональных отношений сложилась именно так, а не иначе.

Заметим, что наше исследование изначально задумывалось как сугубо эмпирическое, ориентированное на оценку состояния и, главное, на выявление тенденций потенциала развития межрегиональных связей Алтайского края с регионами СФО. На первом его этапе из всей совокупности объектов межрегиональных связей были выбраны товары и услуги, а также население и рабочая сила. Выбор их был обусловлен, в первую очередь, возможностями статистического учета. Общая цель работы представлялась нам как раскрытие особенностей и характерных черт межрегиональной торговли края и территориальной мобильности населения в 1990–2000 гг. и их роли в формировании интегрированного пространства России и, в частности, регионов СФО на различных этапах развития экономики.

Однако отмеченные выше проблемы в изложении теоретико-методологических и методических вопросов исследования межрегиональных связей, зачастую их противоречивое видение со стороны разных исследователей, отсутствие доминирующей научной позиции по излагаемым вопросам, различные подходы к операционализации ключевых понятий, как и их интерпретация различными авторами и т. д. продиктовали насущную необходимость вернуться к уточнению ключевых понятий исследования, разработке методических подходов к анализу межрегиональных связей как механизмов формирования и развития интегрированного пространства макрорегиона.

Очевидно, что в работе изложены далеко не все актуальные вопросы теоретико-методологического обеспечения исследования формирования интегрированного пространства макрорегиона и роли в этом процессе межрегиональных взаимодействий¹. Авторы посчитали необходимым ак-

центрировать свое внимание лишь на ряде ключевых моментов, а именно: сопоставлении подходов и результатов анализа международной и межрегиональной интеграции; выявлении общих и особенных черт в интеграционных и кооперационных процессах (применительно к межрегиональной торговле); авторской интерпретации механизмов и движущих сил межрегиональной интеграции; наконец, на возможных последствиях межрегиональных взаимодействий.

Международная и межрегиональная интеграция: уместны ли параллели? Применительно к нашему исследованию под экономической интеграцией территориальных социально-экономических систем понимаются процессы их взаимного приспособления, расширения и укрепления межрегиональных взаимодействий в части (вос) производства и движения товаров, а также полупродуктов и услуг, капитала, населения и рабочей силы, формирования общей экономической, транспортной и социальной инфраструктуры и т. п., в результате которых усиливается связанность экономического межрегионального пространства, а также изменяется структура экономики интегрируемых регионов. Интеграция в этом смысле столь же многомерна, как и экономическое пространство.

При этом само развитие экономики нам представляется как результат двух взаимодополняющих, но противоположных процессов — сегментации экономической деятельности (проявляющейся в углублении разделения труда и факторов производства и появлении достаточно устойчивых профильных сфер региональных экономик) и интеграции как процесса взаимопроникновения экономических систем регионов страны, приводящей к формированию более устойчивой пространственной системы. Отметим при этом, что если интегрированность в рамках общенациональной системы в России в целом очевидна, то с позиций более локальных систем (макрорегионов) существуют значимые проблемы, приводящие к некоторой разорванности экономического пространства страны, его разреженности.

Наиболее широко понятие «интеграция» используется при характеристике процесса международной интеграции, подразумевающего объединение национальных хозяйств двух и более государств, форму интернационализации хозяйственной жизни [9, с. 240]. При этом нельзя не отметить, что параллель между международной экономической интеграцией суверенных государств и интеграцией регионов — субъектов Российской Федерации, достаточно условна, хотя понимание интеграции как более общей экономической категории позволяет это делать. В литературе известны достаточно интересные попытки спроецировать

¹ В частности, вне поля зрения авторов остались такие важные темы, как трансформация экономического пространства [6, 7] и феномен макрорегионов [1, 8].

теорию международных экономических отношений на случай межрегионального взаимодействия регионов страны, однако это касается торговых отношений — лишь части интеграционных процессов [10].

Опираясь на теорию международной экономической интеграции, Россию изначально следует рассматривать как экономико-политический союз — высшую стадию интеграции, предполагающую единое экономическое пространство движения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и опирающуюся на единую инфраструктуру и макроэкономическую политику. Необходимость в этих условиях создания таких первоначальных форм интеграции как зона свободной торговли, таможенный союз и общий рынок в целом отпадает. Тем не менее размеры страны и незавершенность рыночных преобразований сохраняют существенную сегментацию национальной экономики, что проявляется, в частности, в углублении региональной дифференциации. Исходя из этого можно отметить незавершенность и недостаточность интегрированности экономической деятельности как в рамках страны в целом, так и в границах макрорегионов.

Вместе с тем представляется, что теория, разработанная применительно к международной интеграции, может высветить как новые аспекты межрегионального взаимодействия в рамках единой страны, так и подчеркнуть и усилить значимость общих для международных и межрегиональных интеграционных процессов моментов. Это касается, прежде всего, предпосылок формирования интеграционного пространства, в числе которых сходство уровней экономического развития и (или) взаимная дополняемость экономик², высокий уровень хозяйственного (в том числе инфраструктурного) освоения, географическая близость³

² На необходимость обмена товарами или услугами как предпосылке развития территориального хозяйства более тридцати лет назад указывал Нобелевский лауреат П. Кругман [11]. Формирование постиндустриальной экономики, информационного общества повлекло за собой необходимость обмена таким специфическим товаром, как знания и информация [5].

³ Географическое положение региона относится к числу общепризнанных и наиболее часто упоминаемых в научной литературе стимулирующих факторов интеграции территориальных социально-экономических систем как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях [3, с. 61–63; 12, 13]. Согласно результатам нашего исследования, географическая близость во многом предопределила высокую тесноту торговых (по выборочной номенклатуре товаров) и миграционных связей Алтайского края с регионами СФО, доля которых составляла свыше половины от общего объема межрегионального товарооборота и миграционного оборота.

и, главное, открытость (в той или иной степени) территориальных хозяйственных систем. При этом несомненно значимыми являются и другие предпосылки неэкономического порядка, имеющие, к примеру, социологический или психологический характер [14].

В связи со сказанным выше возникает вопрос: если в условиях международной экономической интеграции поэтапно формируются новые целостные образования⁴ (зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз), то как это знание можно применить к исследуемой нами проблеме межрегиональной интеграции? Вероятно, следует обратить внимание на то, что, несмотря на уже существующее в границах России общее экономическое и политическое пространство (экономический и политический союз федеративного характера), по-видимому, имеют место определенные разрывы в этом едином пространстве, реальные барьеры на пути формирования его интегрированного единства и однородности, что изначально характерно при создании объединений стран [6]. Среди таких барьеров межрегионального взаимодействия, в частности, есть и транспортная составляющая, и различия в ресурсном потенциале и мобильности ресурсов, и наличие коррупционных процессов, и сохраняющиеся различия в системах управления, неготовность институтов управления регионами решать общие для макрорегиона проблемы и др.

Поэтому, в первую очередь, речь должна идти о существенном снижении подобных барьеров для усиления и развития межрегионального рынка (товаров, труда, капитала) как необходимом условии укрепления единого экономического пространства страны, его большей однородности, о новом качестве регионов, а также макрорегионов (субрегионов) России вследствие их более активного участия в межрегиональных связях⁵.

С учетом сказанного несомненно, что единое интегрированное пространство России все еще нуждается в углублении и развитии интеграционных процессов как с точки зрения интеграции регионов в границах макрорегионов (например, СФО), так и в их интеграции, но уже в пространстве всей

⁴ Интегрировать — объединять в одно целое. См. об этом [15, с. 244].

⁵ Если же в качестве результата интеграционных усилий рассматривать создание новой территориально-административной структуры, то межрегиональные связи административно-территориальных единиц являются, очевидно, необходимым, но недостаточным условием интеграции. Нужно соответствующее решение территориальных органов управления, выполняющих функции интегратора.

страны¹. Отметим также важность и нового международного аспекта проблемы — интеграционные процессы в ЕАЭС.

В силу изложенного целесообразно выделить три вектора такой интеграции: каждый макрорегион (и его субъекты) взаимодействует с другими как внутри субрегиональной системы (макрорегиона), так и за ее пределами, что и обеспечивает единство экономического пространства страны в целом, а теперь уже и формирующегося ЕАЭС. Представляется, что результаты интеграционных процессов пока далеки от оптимальных, что проявляется, в частности, в существенном разрыве уровней экономического развития регионов.

На этом фоне есть также опасность появления разрушительных центробежных тенденций, действующих в противовес центростремительным процессам, обеспечивающим интеграционную целостность национальной экономики. В этом смысле проблемы и противоречия функционирования экономики Европейского Союза могут помочь осознать не только существующие и возможные проблемы ЕАЭС, но и экономики России как федеративной союзной системы.

Формирование межрегионального интегрированного пространства, как и любой другой процесс, проходит последовательно присущие интеграции (как общего процесса) стадии (ступени). О «зрелости» интеграции можно, на наш, взгляд, судить по наличию и степени выраженности ее признаков, в числе которых:

- взаимопроникновение и переплетение экономических и социальных региональных процессов, оцениваемое по тесноте тех или иных связей интегрируемых территориальных образований;
- структурные изменения в экономике и социальной сфере объединяемых территорий, происходящие под влиянием интеграционных процессов;
- наличие управленческих органов, включая общественные объединения, основная функция которых состоит как в регулировании межрегиональных взаимоотношений, так и в отдельных случаях в управлении раз-

витиём вновь образованной межрегиональной системы и др.

Отметим, что подобные процессы в рамках Европейского Союза трактуются как процессы «углубления» интеграции (наряду с расширением при включении в системы новых стран).

Очевидно, чем полнее представлены и ярче выражены признаки интеграции, тем на более высокой стадии она находится. Достижение высшей ступени (стадии) интеграции — это такое состояние интеграционного процесса, внешним проявлением которого является формирование нового целостного социально-экономического территориального образования, получившего формальный статус и создание соответствующих государственных (муниципальных) органов управления и власти.

В процессе межрегиональной интеграции целесообразно выделить три уровня взаимодействия экономических субъектов. Первый уровень — микроэкономический, в котором реализуется деятельность фирм и домашних хозяйств. Второй уровень — взаимодействие на уровне систем управления отдельными регионами. Третий уровень — взаимодействие территорий, регулируемое институтами (формальными и неформальными) уровня макрорегионов. (Есть также и четвертый и пятый уровень, которые уже имеют отношение к функционированию единой национальной экономики и развитию ЕАЭС и потому не являются в контексте исследуемой проблемы предметом обсуждения). При этом эти уровни пересекаются, образуя сложную и многомерную систему.

Важно отметить, что интеграция в субрегиональном плане (на уровне макрорегионов) никак не может быть вариантом того, что в теории международной интеграции трактуется как «закрытый регионализм». Здесь, скорее, актуальна только модель «открытого регионализма». Последняя, несомненно, предполагает и полностью основывается на свободе интеграционных процессов для всех субъектов. Их участие в интеграции должно носить добровольный характер, опираться на их экономические интересы, которые, однако, должны грамотно стимулироваться и регулироваться институтами управления посредством создания экономических условий для интеграции (при этом элементы принуждения, обязательности участия не практикуются). Содействовать интеграционным процессам могут также и общественные организации, особенно в сфере бизнеса.

Заметим, что эмпирическая оценка стадии (ступени), глубины интеграции представляет собой «задачу со многими неизвестными». Дело в том, что при этом должны быть приняты во внимание различные направления интеграции (эко-

¹ Идея о необходимости усиления степени интегрированности российского экономического пространства нашла широкое отражение как в директивных документах, так и в научной литературе. См., например, «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 20.02.2021), а также [16, 17] и др.

номическое, социальное, научно-техническое, информационное, культурное и т. д.); охарактеризованы ее типы (институциональный и частно-корпоративный, с ведущей ролью, соответственно, региональных властей и частного предпринимательства); охвачены основные формы межрегиональных взаимодействий, различающихся каналами и объектами связей (межрегиональная торговля, обеспечивающая движение товаров и услуг; миграция населения и обмен рабочей силой; производственная кооперация², с присущим ей движением полупродуктов; наконец, движение капитала в различных формах (предпринимательского капитала, осуществляющего вложения в реальный сектор экономики и ссудного капитала в виде займов). Здесь следует отметить, что в теории международной экономической интеграции особо отмечается решающая роль движения капитала (особенно прямых инвестиций, производственной кооперации), рынка капитала в целом и различных его форм для углубления интеграционного взаимодействия.

Механизмы межрегиональной интеграции. Обратимся далее к трактовке ключевого понятия — механизма интеграции в контексте целей и задач нашего исследования. В качестве механизма экономической интеграции мы рассматриваем межрегиональные взаимодействия, проявляющиеся в форме интеграционных и кооперационных процессов. Такой подход соответствует принятому в науке определению механизма как совокупности процессов, в результате которых формируется некое новое явление (в случае нашего исследования — интегрированное межрегиональное социально-экономическое пространство) [9, с. 377].

Понятие «механизм» крайне важно с познавательной точки зрения. Раскрыть механизм какого-либо процесса — это значит найти ответ на вопросы: почему (движущие силы) и как (факторы) протекает процесс?. В частности, применительно к нашему исследованию, во-первых, выявить движущие силы интеграционных и кооперационных процессов; во-вторых, определить ключевые факторы, детерминирующие ход и характер процесса

формирования межрегионального экономического пространства³.

В научной литературе существует общепринятое мнение об общественном разделении труда и сложившейся специализации регионов как наиболее общих структурах, порождающих необходимость и возможность межрегиональной интеграции [19]. Мы разделяем эту точку зрения, но считаем при этом, что такой подход не исчерпывает и не раскрывает в полной мере понятия движущих сил интеграции.

С нашей точки зрения, территориальное разделение труда и специализация регионов, учитывая исторический характер формирования и относительное постоянство являются основополагающими, «запускающими» интеграционный процесс, в силу чего мы обозначим их как движущие силы «первого порядка».

Наряду с этим имеет смысл выделять и изучать движущие силы «второго порядка», имеющие более конкретный и частный характер, отражающий специфику межрегионального движения товаров и полупродуктов, капитала, населения и рабочей силы, их динамику. В самом общем виде, очевидно, под движущими силами «второго порядка» следует понимать те выгоды и преимущества, которые получают субъекты интеграции в результате реализации интеграционно-кооперационных процессов [10].

Экономические интересы субъектов интеграции базируются на их потребностях. При этом интересы предполагают особый формат достижения этих потребностей посредством ориентации только на тех участников отношений, взаимодействие с которыми обеспечивает субъектам дополнительные выгоды и преимущества. Но это также предполагает и реализацию интересов другой стороны, поскольку экономические отношения — это единство интересов как минимум двух субъектов. Изменения в потребностях и интересах происходят постоянно, реализуясь на разных рынках (товаров, капиталов, рабочей силы), что меняет и развивает структуру и масштабы самого интегрируемого экономического пространства.

Все это также означает, что субъектами собственно интеграционных процессов на субрегиональном уровне (например, СФО) являются фирмы, домашние хозяйства, институты регио-

² Производственная межрегиональная кооперация должна быть, на наш взгляд, в центре исследовательского проекта. При этом необходимо учесть как корпоративный, так и региональный ее уровень, наряду с основными устоявшимися формами кооперации — созданием совместных производственных кластеров, холдингов с участниками из различных регионов, а также современных форм (франчайзинг, аутсорсинг, субконтрактинг) [18, с. 55].

³ Проведенный нами анализ научной литературы показывает, что раскрытие движущих сил межрегиональных взаимодействий зачастую подменяется описанием стимулирующих и ограничивающих их факторов. Центральное место при анализе последних процессов занимают наличие и эффективность инструментов государственного регулирования рассматриваемых процессов [3, с. 51–52].

нального и муниципального управления, институты управления формирующимся макрорегионом (учитывая все возможное многообразие форматов макрорегиона как системы [1]) под регулирующим воздействием федеральной управляющей системы. Интересы этих субъектов, их динамика, формируемая большим количеством внутренних и внешних (включая и международные) факторов, создают (или, напротив, не создают) интеграционные связи, определяют их глубину и качество. При этом взаимодействие в рамках макрорегиона не может закрывать взаимодействие с другими территориями России (и с заграницей). И на кого будут направлены интересы субъектов экономики (на внутренних или на внешних для субрегиона участников), зависит от условий сделок (договоренностей).

Так, к примеру, в межрегиональной торговле движущей силой ввоза товаров является удовлетворение потребностей хозяйствующих субъектов и населения региона, насыщение регионального рынка товаров производственно-технического назначения и продовольственного рынка; движущей силой вывоза товаров — сбыт продукции, изначально ориентированной на потребление в других регионах России, либо не находящей в силу разных причин устойчивого платежеспособного спроса на внутрорегиональных рынках. В целом для оптовой торговли движущей силой является поиск наиболее выгодных условий ее ведения. Движущей силой межрегиональной производственной кооперации¹, обеспечивающей в ходе своего функционирования движение полупродуктов, является стремление хозяйствующих субъектов в условиях конкурентной среды рационально организовать производство, снизив при этом издержки и увеличив прибыль. Движущей силой межрегионального вывоза капитала² в различных его формах, вклю-

чая инвестиционное сотрудничество³, является поиск наиболее выгодных условий его использования.

Более сложная ситуация — с выявлением движущих сил межрегиональной миграции и обмена рабочей силой. Здесь имеет место целая палитра разнообразных причин и мотивов населения в части смены места жительства и поиска рабочих мест в других регионах, охарактеризованная в ряде монографий [21].

Перейдем далее к характеристике факторов, предопределяющих ход и характер интеграционных и кооперационных процессов. Аналогично подходу к группировке движущих сил, разделим их на факторы первого и второго порядка. В числе факторов первого порядка, детерминирующих в основном масштабы, интенсивность и характер межрегиональных взаимодействий, — пространственная структура экономической активности населения России.

Регионы с высокой концентрацией экономической активности населения характеризуются, как правило, большим объемом ресурсов в качестве потребителя продукции других регионов РФ и поставщики продукции дислоцированных на его территории предприятий на рынки других регионов России. Так, например, результаты проведенного нами эмпирического исследования торгово-экономических связей Алтайского края с регионами СФО свидетельствуют о том, что в 2011–2015 гг. на долю трех крупнейших регионов СФО (Новосибирскую, Кемеровскую и Омскую области) приходилось 82% общего объема ввезенной в край из регионов округа продукции (в стоимостной оценке).

К числу специфических факторов первого порядка можно, по нашему мнению, отнести и характеристику фазы развития экономики (рост, стагнация, падение), оказывающей заметное влияние на масштабы и характер межрегиональных взаимодействий. Согласно результатам наших исследований, в годы трансформационного кризиса 1990-х гг., к примеру, традиционные для края поставки продовольственной продукции на межрегиональные рынки России уменьшились в зависимости от вида продовольствия в 2–5 раз.

Что же касается факторов второго порядка, имеющих более частный характер и раскрывающих особенности развития отдельных отраслей и сфер региона, то их разнообразие и широта ста-

¹ С позиции теории эндогенного роста производственная кооперация является реакцией экономических агентов (хозяйствующих субъектов) на вызовы со стороны конкурентной бизнес-среды, в результате которой кооперируемые предприятия осуществляют так называемое подрядное сотрудничество — комбинацию различных его форм — от совместного строительства и использования рабочей силы до переработки давальческой продукции с последующим возвратом ее в регион. Основной формой производственной кооперации, как уже отмечалось, является создание совместных предприятий и производств. Межрегиональная производственная кооперация тем самым способствует удлинению цепочек добавленной стоимости на территории России и обеспечивает большую связанность ее регионов [20].

² Под вывозом капитала понимается перемещение капитала из региона, где находится его собственник, в другой регион РФ с целью извлечения прибыли.

³ Подразумевается максимально возможный охват всех форм межрегионального инвестиционного сотрудничества, а именно создание в регионе хозяйствующими субъектами, дислоцированными в других регионах РФ, дочерних компаний, совместных предприятий на контрактной основе, совместных разработок природных ресурсов, наконец, покупка предприятий.

вит под сомнение даже попытку их классификации⁴. В силу сказанного ограничимся на этом этапе исследования наиболее наглядными примерами факторов второго порядка. Для масштабов межрегионального обмена товарами, к примеру, важнейшее значение имеет наличие транспортной сети, развитой логистической инфраструктуры и стоимость перевозок. Этот фактор на определенных этапах экономического развития играет основополагающую роль и в производстве товаров⁵.

Движение капитала предопределяется целым рядом факторов, детерминирующих его эффективное использование и отдачу. В их числе наличие и стоимость квалифицированной рабочей силы в регионе, наличие свободных площадок для строительства новых объектов, возможные преференции и гарантии со стороны региональных властей и т. д.

В дальнейшем для обозначения совокупности имеющихся средств и возможностей участия регионов в межрегиональных взаимодействиях используем понятие «интеграционный потенциал региона», включающее в себя в самом общем виде всю совокупность основных факторов социально-экономического развития территорий, способствующих либо ускорению процессов ее интеграции в более широкую территориальную систему (факторы-катализаторы), либо их замедлению (факторы-ингибиторы).

Социально-экономические последствия межрегиональных взаимодействий. Наиболее распространенной в регионоведческой литературе является точка зрения на межрегиональные взаимодействия как на процессы межрегиональной

конкуренции за ограниченные ресурсы. Напротив, при исследовании интеграционных процессов доминирует односторонний подход, не позволяющий различать межрегиональное взаимодействие и межрегиональное сотрудничество. Как правило, при обсуждении проблемы межрегионального взаимодействия акцент делается на взаимовыгодности отношений территориальных систем, следствием чего является развитие каждого из регионов — участников взаимодействия.

Этот момент особо подчеркивается в имеющихся определениях. Так, к примеру, Б. А. Тамова рассматривает межрегиональное взаимодействие как «совокупность экономических отношений между двумя или несколькими регионами, реализуемых ими в рамках установленных государством правовых и социально-экономических отношений, исходя из интересов каждого из взаимодействующих регионов на условиях баланса интересов всех участников этого процесса [22]. Г. Г. Рубцов, А. Н. Литвиненко определяют межрегиональное взаимодействие как взаимовыгодное сотрудничество, способствующее решению региональных проблем с рынками сбыта и ограниченностью собственных ресурсов [23].

С нашей точки зрения, при этом упускается из виду, что межрегиональные взаимодействия в рыночной экономике могут носить и конкурентный характер, при котором интересы одной стороны достигаются за счет ущемления интересов другой⁶. Типичный пример — межрегиональный обмен населением и рабочей силой, при котором происходит их переток из сравнительно слабых в экономическом отношении регионов в сильные. Так, по результатам нашего исследования в Алтайском крае для межрегионального движения населения начиная с 1997 г. была характерна механическая убыль, в результате которой край теряет наиболее молодое, трудоактивное и образованное население. Так, в последнее пятилетие на 100 человек в трудоспособном возрасте, прибывающих в край из других регионов России, в обратном направлении выбывало от 128 до 143 человек соответствующего возраста, а на 100 прибывающих с высшим образованием выбывало от 152 до 160 человек с таким же образованием.

В результате интеграции в этом случае происходит не сближение регионов по уровню социаль-

⁴ Тем не менее в научной литературе можно найти примеры систематизации факторов межрегионального взаимодействия субъектов Российской Федерации [3, с. 53–54]. Предложенная авторами классификация видов факторов (экономические, социальные, государственного управления, инфраструктурные) и, главным образом, ее наполнение представляет собой, на наш взгляд, незавершенную систему с четкими критериями отбора факторов в классе, а попытку их комплексного обзора и первичного свода. Это и неудивительно в силу многоликости и многогранности исторически сложившихся устойчивых видов и форм взаимоотношений регионов, отсутствия общепринятого языка для оценки межрегиональных взаимодействий, наконец, различия целей, стоящих перед авторами статей.

⁵ В середине 1990-х гг. в промышленности Алтайского края сложилась патовая ситуация, когда доставка товаров потребителям из других регионов сравнялась либо превысила по стоимости их производство, что повлекло за собой снижение объемов производства и даже его остановку. Переход ряда промышленных предприятий края на трехдневную рабочую неделю, а впоследствии, нередко, их полная ликвидация — типичная картина состояния промышленности края в эти годы.

⁶ На этот аспект межрегионального взаимодействия указывают А. Г. Полякова и И. С. Симарева. По их мнению, к противоречиям развития межрегиональных связей относятся межрегиональная конкуренция и конфликт интересов в процессе разработки и реализации федеральной и региональной экономических политик [24, с. 35–36].

но-экономического развития (конвергенция)¹, а, напротив, — дивергенция, проявляющаяся в усилении дифференциации в межрегиональном развитии и в потере устойчивости экономической системы. В этом случае межрегиональные интеграционные отношения складываются по типу отношений «центра» и «периферии»².

По-видимому, при исследовании процессов формирования интегрированного межрегионального пространства следует опираться на другую, более реальную концептуальную основу, подразумевающую возможность одновременного существования как сотрудничества, так и конкуренции (так называемой соконкуренции) регионов России³. В связи с этим особую значимость приобретает характер взаимоотношений институтов управления экономическими системами разных уровней (регионального, субрегионального, национального), призванных обеспечить гармонизацию этих противоречивых тенденций [4]. Отметим также, что опыт международной экономической интеграции в целом показывает большое значение институтов интеграционного взаимодействия, их целенаправленных усилий по содействию углублению интеграции в рамках единого субрегионального экономического пространства. При этом само управление может быть реализовано разными способами, соответствующими тому или иному формату макрорегиона [1].

Заключение. Экономико-социальные взаимосвязи регионов России и обусловленные ими процессы межрегиональной интеграции во многом остаются «белым пятном» регионалистики и теории национальной экономики, как и в целом концепции развития пространственной экономики. Имеющиеся теоретические разработки по рассматриваемой тематике, как правило, не подтверждаются результатами эмпирического анализа, достоверно раскрывающего состояние и динамику межрегиональных связей во всей их широте, включая межрегиональное движение капитала,

товаров, полупродуктов и услуг, населения и рабочей силы.

Отсутствуют в принципе методики комплексной оценки происходящих интеграционных процессов и их социально-экономических последствий для интегрируемых регионов, подходы к измерению степени «зрелости» интеграции таких территориальных образований как макрорегионы (степень «интегральности»), хотя некоторые подходы к решению этой проблемы в научной литературе есть. В этих целях возможно использовать методические результаты исследований международной интеграции, но делать это следует крайне корректно в силу большой условности проведения параллелей между экономической интеграцией суверенных государств и интеграцией регионов — субъектов единого государства.

Нуждается в уточнении и корректировке понятийный аппарат исследования хода и результатов взаимодействий регионов России, формируемых интегрированных пространств. В научной литературе в качестве механизма интеграции рассматриваются по преимуществу факторы разного порядка (с приматом управленческих факторов). Авторами предложено интерпретировать механизм интеграции не только как факторы, детерминирующие процесс межрегионального взаимодействия, но и как движущие силы, его «запускающие». С точки зрения авторов, понятие «движущих сил» интеграции по сравнению с ее «факторами» — категория, позволяющая глубже и точнее раскрыть механизмы межрегионального взаимодействия.

Многообразие видов и форм межрегиональных связей диктует не только необходимость их классификации по разным основаниям, но и упорядочения с точки зрения значимости, масштабов влияния, оказываемых, с одной стороны, на процессы формирования единого экономического пространства, его взаимосвязанности и взаимообусловленности, а с другой — на структурные сдвиги в экономике интегрируемых регионов, их социально-экономическое развитие в целом. Исходя из этой логики, в статье предложено рассматривать движущие силы интеграции первого порядка (как наиболее значимые) и второго порядка. Аналогичный подход предложен и для ранжирования факторов, обуславливающих масштаб и интенсивность межрегиональных взаимодействий.

Анализ социально-экономических последствий интеграции для регионов-участников этого процесса позволил сделать вывод об их неоднородности. Выигрыш и получение преимуществ, рост региональной конкурентоспособности в процессе интеграции по одним позициям вполне мо-

¹ Речь в данном случае идет, естественно, о так называемой прогрессивной (выравнивание «вверх»), а не регрессивной (выравнивание «вниз») конвергенции.

² Согласно концепции периферийной экономики Р. Пребиша, периферийные регионы находятся в экономической зависимости от «центра», что препятствует их развитию и обуславливает их отсталость.

³ Ярким примером соконкуренции является насыщение потребительского рынка Алтайского края, в процессе которого предприятия регионов России поставляют на алтайский рынок продукцию, не производимую в крае либо производимую в недостаточных количествах (сотрудничество регионов), а также продукцию, производимую в крае в достаточных для насыщения внутреннего рынка объемах, усиливая конкуренцию на нем.

жет сочетаться с потерей позиций и снижением конкурентоспособности по другим, о чем свидетельствует в целом растущая дифференциация регионов по уровню социально-экономического раз-

вития. По-видимому, при исследовании процессов формирования и развития межрегионального пространства следует исходить из концепции соконкуренции регионов России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузнецова О. В. Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // *Федерализм*. 2019. № 4. С. 112–125. DOI: 10.21686/2073-1051-2019-4-112-125.
2. Демьяненко А. Н. Российское экономическое пространство: диалектика процессов интеграции и дезинтеграции // *Регионалистика*. 2017. Т. 4. № 2. С. 5–10.
3. Махотаева М. Ю., Бакуменко О. А., Малышев Д. П. Межрегиональное взаимодействие как инструмент развития стратегических приоритетов региона: монография. Псков, 2017. 118 с.
4. Положенцева Ю. С. Экономическое пространство: теоретические подходы к изучению и методы анализа // *Экономика и управление*. 2006. № 12. С. 58–69.
5. Feldman M. The new economics of innovation, spillovers and agglomeration: a review of empirical studies // *Economics Innovation and New Technology*. 1999. № 8. Pp. 5–25.
6. Кульков В. М. Экономическое пространство: теоретические аспекты и современные процессы // *Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика*. 2014. № 1. С. 3–18.
7. Минакир П. А. «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // *Пространственная экономика*. 2018. № 4. С. 8–20. DOI: 10.14530/se.2018.4.008-020.
8. Минакир П. А., Исаев А. Г., Демьяненко А. Н., Прокапало О. М. Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. 2020. Т. 16. № 1. С. 66–69. DOI: 10.14530/se.2020.1.066-099.
9. Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994. 752 с.
10. Павлов К. В. Об использовании теорий международных экономических отношений при изучении межрегиональных взаимодействий // *Региональная экономика: теория и практика*. 2012. № 47. С. 54–68.
11. Krugman P. R. Increasing returns and economic geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99. No. 3. Pp. 483–499.
12. Lucas R. E. On the mechanics of economic development // *Journal of Monetary Economics*. 1988. Vol. 22. Iss. 1. Pp. 3–42. DOI: 10.1016/0304-3932(88)90168-7.
13. Torre A., Rallet A. Proximity and Localization // *Regional Studies*. February 2005. Vol. 39. Iss. 1. Pp. 47–59. DOI: 10.1080/0034340052000320842.
14. Ota M., Fujita M. Communications technologies and spatial organization of multi-unit firms in metropolitan areas // *Regional Science and Urban Economics*. 1993. Vol. 23. Iss. 6. Pp. 695–729.
15. Ожегов С. Н., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. 3-е изд., стер. М., 1995. 928 с.
16. Крюков В. А., Коломак Е. А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2021. Т. 227. № 1. С. 92–114. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-92-114.
17. Крюков В. А., Лавровский Б. Л., Селиверстов В. Е. и др. Сибирский вектор развития // *Проблемы прогнозирования*. 2020. № 5. С. 46–59. DOI: 10.1134/S1075700720050111.
18. Лукин Е. В., Ускова Т. В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы: монография. Вологда, 2016. 148 с.
19. Абдулманапов С. Г. Межрегиональная экономическая интеграция: мировой опыт и перспективы развития на Северном Кавказе // *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. 2012. № 47. С. 127–132.
20. Бочаров С. Н. и др. Глобальные цепочки создания добавленной стоимости как фактор повышения эффективности экономики региона: монография / под ред. С. Н. Бочарова, В. И. Беляева, Р. А. Самсонова и др. Барнаул, 2019. 216 с.
21. Миграция сельской молодежи: в фокусе — Алтайский край: коллективная монография / под ред. А. М. Сергиенко. Барнаул, 2019. 324 с.

22. Тамова Б. А. Межрегиональное экономическое взаимодействие как фактор регионального стратегического развития // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2015. № 4 (170). С. 130–133.
23. Рубцов Г. Г., Литвиненко А. Н. Роль межрегионального сотрудничества в системе современной региональной экономики РФ // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12. № 1. С. 97–110. DOI: 10.18721/JE.12108.
24. Полякова А. Г., Симарова И. С. Концептуальная модель управления развитием региона с учетом уровня пространственной связанности // Экономика региона. 2014. № 2 (38). С. 32–42.

REFERENCES

1. Kuznetsova O. B. Alternative approaches to determining the role of macro-regions of Russia in the system of public administration // *Federalism*. 2019. No. 4. Pp. 112–125. DOI: 10.21686/2073–1051–2019–4–112–125.
2. Demyanenko A. N. Russian Economic Space: Dialectics of integration and disintegration processes // *Regionalistica*. 2017. Vol. 4. No. 2. Pp. 5–10.
3. Makhotaeva M. Yu., Bakumenko O. A., Malyshev D. P. Interregional interaction as a tool for the development of strategic priorities of the region: monograph. Pskov, 2017. 118 p.
4. Polozhentseva Yu. S. Economic space: theoretical approaches to the study and methods of analysis // *Economics and management*. 2006. No. 12. Pp. 58–69.
5. Feldman M. The new economics of innovation, spillovers and agglomeration: a review of empirical studies // *Economics Innovation and New Technology*. 1999. No. 8. Pp. 5–25.
6. Kulkov V. M. Economic space: theoretical aspects and modern processes // *Bulletin of the Moscow University. Ser. 6. Economics*. 2014. No. 1. Pp. 3–18.
7. Minakir P. A. «Spatial development strategy» in the interior of the concepts of spatial organization of the economy // *Spatial Economics*. 2018. No. 4. Pp. 8–20. DOI: 10.14530/se.2018.4.008–020.
8. Minakir P. A., Isaev A. G., Demyanenko A. N., Prokapalo O. M. Economic macro-regions: an integration phenomenon or political and geographical expediency? The case of the Far East // *Spatial Economics*. 2020. Vol. 16. No. 1. Pp. 66–69. DOI: 10.14530/se.2020.1.066–099.
9. *Modern Dictionary of foreign words*. St. Petersburg, 1994. 752 p.
10. Pavlov K. V. On the use of theories of international economic relations in the study of interregional interactions // *Regional economy: theory and practice*. 2012. No. 47. Pp. 54–68.
11. Krugman P. R. Increasing returns and economic geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99. No. 3. Pp. 483–499.
12. Lucas R. E. On the mechanics of economic development // *Journal of Monetary Economics*. 1988. Vol. 22. Iss. 1. Pp. 3–42. DOI: 10.1016/0304–3932 (88) 90168–7.
13. Torre A., Rallet A. Proximity and Localization // *Regional Studies*. February 2005. Vol. 39. Iss. 1. Pp. 47–59. DOI: 10.1080/0034340052000320842.
14. Ota M., Fujitac M. Communications technologies and spatial organization of multi-unit firms in metropolitan areas // *Regional Science and Urban Economics*. 1993. Vol. 23. Iss. 6. Pp. 695–729.
15. Ozhegov S. N., Shvedova N. Y. *Explanatory Dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions* / Russian Academy of Sciences; Russian Cultural Foundation. 3rd ed., ster. M., 1995. 928 p.
16. Kryukov V. A., Kolomak E. A. Spatial development of Russia: the main problems and approaches to overcoming them // *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2021. Vol. 227. No. 1. Pp. 92–114. DOI: 10.38197/2072–2060–2021–227–1–92–114.
17. Kryukov V. A., Lavrovsky B. L., Seliverstov V. E., etc. Siberian vector of development // *Forecasting problems*. 2020. No. 5. Pp. 46–59. DOI: 10.1134/S1075700720050111.
18. Lukin E. V., Uskova T. V. *Interregional economic cooperation: state, problems, prospects: monograph*. Vologda, 2016. 148 p.
19. Abdulmanapov S. G. Interregional economic integration: world experience and prospects for development in the North Caucasus // *Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2012. No 47. Pp. 127–132.
20. Bocharov S. N. and others. *Global value chains as a factor in improving the efficiency of the economy of the region: monograph* / ed. by S. N. Bocharov, V. I. Belyaev, R. A. Samsonov, etc. Barnaul, 2019. 216 p.

---

21. Migration of rural youth: in focus — Altai Krai: a collective monograph / ed. by A. M. Sergienko. Barnaul, 2019. 324 p.

22. Tamova B. A. Interregional economic cooperation as a factor of regional strategic development // Bulletin of the Adygea State University. Series 5: Economics. 2015. No. 4 (170). Pp. 130–133.

23. Rubtsov G. G., Litvinenko A. N. The role of interregional cooperation in the system of modern regional economy of the Russian Federation // Scientific and technical bulletin of SPbGPU. Economic sciences. 2019. Vol. 12. No. 1. Pp. 97–110. DOI: 10.18721/JE.12108.

24. Polyakova A. G., Simarova I. S. Conceptual model of regional development management taking into account the level of spatial connectivity // The economy of the region. 2014. No. 2 (38). Pp. 32–42.

Поступила в редакцию: 25.03.2022.

Принята к печати: 11.04.2022.

ИНСТРУМЕНТАРИЙ КОНТРОЛЛИНГА КОНТРАГЕНТОВ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

О. Г. Чернышева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В системе управления современной промышленной организации важное место принадлежит контролю контрагентов, который представляет собой систему, обеспечивающую контроль заказчиков промышленной продукции, а также поставщиков, с целью недопущения просрочек платежей, оптимизации кредитной политики в отношении организаций, которые задерживают оплату. Стоит отметить достаточно высокую важность данного направления контроллинга, так как оно позволяет снизить финансовые потери, связанные с отвлечением денежных средств. При этом грамотно выстроенная система контроллинга контрагентов промышленной организации непременно должна сопровождаться инструментарием, который дает возможность комплексно оценить их состояние, благонадежность, выявить возможные сбои. Стоит также отметить, что уже имеющиеся в современной литературе способы оценки благонадежности контрагентов не являются полностью информативными, так как опираются в основном на данные экономического, а также финансового анализа, в том числе коэффициенты финансовой устойчивости и ликвидности, для которых наукой сформированы нормативные значения, считающиеся достаточными для всех организаций вне зависимости от отрасли. Кроме того, при оценке рентабельности специалисты ориентируются и на среднеотраслевые величины. При этом условия хозяйствования каждой организации существенно различаются не только в зависимости от отрасли, но также и от региона, что не всегда позволяет применять общеизвестные нормативы. В статье предложен аналитический инструментарий, позволяющий выполнять оценку контрагентов в системе контроллинга на основе средних показателей в региональном разрезе и в конкретной отрасли, что позволяет повысить точность оценки.

Ключевые слова: контроллинг, контроллинг контрагентов, промышленная организация, система управления, инструментарий.

TOOLS FOR CONTROLLING CONTRACTORS IN THE MANAGEMENT SYSTEM OF AN INDUSTRIAL ORGANIZATION

O. G. Chernysheva

Altai State University (Barnaul, Russia)

In the management system of a modern industrial organization, an important place belongs to the controlling of counterparties, which is a system that provides control of customers of industrial products, as well as suppliers, in order to prevent late payments, optimize the credit policy in relation to organizations that delay payment. It is worth noting the rather high importance of this area of controlling, as it allows you to reduce financial losses associated with the diversion of funds. At the same time, a well-built system of controlling counterparties of an industrial organization must certainly be accompanied by tools that make it possible to comprehensively assess their condition, reliability, and identify possible failures. It is also worth noting that the methods for assessing the reliability of counterparties already available in modern literature are not completely informative, since they rely mainly on economic and financial analysis data, including financial stability and liquidity ratios, for which normative values have been formed in science, considered sufficient for all organizations, regardless of industry. In addition, when assessing profitability, experts are guided by industry averages. At the same time, the economic conditions of each organization differ significantly not only depending

---

on the industry, but also on the region, which does not always allow the application of well-known standards. The article proposes an analytical toolkit that allows you to evaluate counterparties in the controlling system based on average indicators in the regional context and in a particular industry, which improves the accuracy of the assessment.

Keywords: controlling, controlling counterparties, industrial organization, management system, tools.

Контроллинг в текущем его понимании образовался относительно недавно. Он является направлением, позволяющим повысить эффективность управления промышленными организациями [1]. Цель исследования — изучение актуального инструментария оценки контрагентов в системе контроллинга, а также разработка перспективных направлений, которые позволяют более объективно оценить контрагента.

Итак, в настоящее время имеется множество способов, которые позволяют оценить надежность контрагентов. В целом, можно сказать, что они основываются на ряде коэффициентов, таких как коэффициент автономии (с нормативным значением $>0,5$), коэффициент текущей ликвидности (>2), коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами ($>0,2$), коэффициенты рентабельности (не менее среднеотраслевых) и т. д. В качестве базы сравнения берутся сформированные в науке нормативы, оценивается отклонение [2].

Например, А. Д. Карпинских предлагает рейтинговую систему оценки надежности контрагента, которая включает в себя такие показатели, как коэффициент текущей ликвидности, обеспеченности собственными оборотными средствами, автономии, рентабельности капитала и продаж. При этом автор предлагает выставлять контрагентам баллы, в зависимости от отклонения значения коэффициента от нормативной величины [3].

И. Е. Лазарева рекомендует принимать во внимание коэффициенты финансовой устойчивости, платежеспособности, рентабельности и деловой активности. На основании данных показателей автором предлагается оценивать кредитный скоринг. Нормативные значения коэффициентов принимаются исходя из общепринятых величин [4].

Л. Д. Алексеева считает целесообразным оценивать уровень платежеспособности и финансовой устойчивости, показатели ликвидности и собственного капитала, показатели рентабельности, проводить оценку вероятности банкротства на основе как внешней информации, так и внутренней [5].

Очевидно, что в основе каждого из представленных подходов заложены нормативы, которые

сформировались классиками в результате развития экономического и финансового анализа. По мнению автора данной статьи, не всегда верно оценивать благонадежность контрагента на основе рассмотренных нормативов по той причине, что условия хозяйствования каждой организации существенно различаются не только в зависимости от отрасли, но также и от региона, то есть нормативные величины коэффициентов должны быть непременно различными.

К примеру, строительная отрасль может характеризоваться наличием больших величин долгосрочных заемных средств по причине необходимости постоянного приобретения дорогостоящей техники, в результате чего коэффициент автономии в большинстве случаев будет устанавливаться менее чем 0,5, что позволит сделать вывод о финансовой нестабильности. Вместе с тем при наличии большого размера долгосрочных заемных средств строительная организация может с успехом существовать и развиваться. Следовательно, формирование вывода о финансовой нестабильности не всегда является верным. Подобное можно сказать и относительно региона, в котором организация осуществляет свою деятельность. Так, организации в Алтайском крае могут привлекать значительно большую величину заемных средств, чем организации в Московской области, по причине различного уровня цен, производственных особенностей и т. д. Следовательно, целесообразно принимать во внимание среднеотраслевые показатели финансовой устойчивости, платежеспособности и рентабельности исходя из особенностей регионального и отраслевого развития.

Стоит сказать, что, начиная с 2017 г., на сайте Росстата публикуются рассмотренные выше коэффициенты (платежеспособности, финансовой устойчивости, рентабельности) в разрезе отдельных регионов (рассмотрим на примере Алтайского края) и различных отраслей (рассмотрим на примере сельского хозяйства, обрабатывающих производств, строительства). Это отражено в таблице 1 (выбор коэффициентов обусловлен представленными Росстатом данными).

Таблица 1

Выборочные коэффициенты для различных отраслей промышленности Алтайского края за 2017–2020 гг. [6–10]

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Коэффициент автономии (норма более 0,5)				
— сельское хозяйство	0,57	0,73	0,72	0,71
— обрабатывающие производства	0,46	0,49	0,58	0,57
— строительство	0,57	0,58	0,69	0,72
Коэффициент текущей ликвидности (норма более 2)				
— сельское хозяйство	3,11	3,47	3,94	4,07
— обрабатывающие производства	1,55	1,50	1,92	1,88
— строительство	1,63	1,16	2,26	2,56
Коэффициент обеспеченности собственным оборотными средствами (норма более 0,2)				
— сельское хозяйство	-0,95	0,57	0,50	0,53
— обрабатывающие производства	-0,57	0,07	0,28	0,31
— строительство	-1,12	0,04	0,48	0,50
Уровень рентабельности (убыточности) проданных товаров, продукции, работ, услуг, %				
— сельское хозяйство	14,0	12,6	16,58	25,69
— обрабатывающие производства	11,0	7,66	11,79	13,75
— строительство	5,0	2,02	4,8	6,7
Рентабельность активов, %				
— сельское хозяйство	11,0	7,16	13,91	15,69
— обрабатывающие производства	7,0	8,87	10,9	14,54
— строительство	8,0	0,27	6,59	9,81

Из таблицы 1 следует, что представленные выше средние коэффициенты могут существенно различаться в зависимости от отраслевой принадлежности. Другими словами, при оценке благосостояния контрагента целесообразно рассчитывать величину отклонения конкретного показателя от средней величины по отрасли (в привязке к региону), что позволит оценить, насколько показатели контрагента отклоняются от параметров среднестатистической организации.

Для осуществления подобного рода расчетов предлагается рассчитывать среднюю величину соотношений фактических значений i -го показателя за определенный год к средним значениям i -го показателя за тот же год.

$$\sigma_i = \frac{\sum_{n=1}^i \frac{x_i}{x}}{n}, \quad (1)$$

где σ_i — среднее отклонение i -го коэффициента за n лет;

x — фактическое значение i -го коэффициента в n году;

$\bar{x}$ — среднее значение i -го коэффициента в n году;

n — число периодов.

Для формирования комплексной оценки благонадежности контрагента целесообразно определить среднее значение среднего отклонения по рассматриваемым пяти коэффициентам.

$$K_6 = \frac{\sum_{n=k}^i \sigma_i}{k}, \quad (2)$$

где K_6 — коэффициент благонадежности контрагента;

k — число коэффициентов.

Стоит сказать, что исходя из сформированных исходных данных число коэффициентов $k = 5$, но число k может изменяться в случае дополнения данных Росстатом. Расчет коэффициента благонадежности контрагента может быть произведен, в том числе, и за один год (в зависимости от периода работы контрагента).

Далее целесообразно сформировать шкалу оценки. Для этого определим предельные значения рассматриваемых коэффициентов.

Таблица 2

Пределные значения коэффициентов

Показатель	Минимум	Максимум
Коэффициент автономии	$-\infty$	1
Коэффициент текущей ликвидности	0	$+\infty$
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	$-\infty$	$+\infty$
Уровень рентабельности (убыточности) проданных товаров, продукции, работ, услуг	$-\infty$	$+\infty$
Рентабельность активов	$-\infty$	$+\infty$

Очевидно, что значение K_6 будет находится в интервале от $-\infty$ до $+\infty$ по той причине, что показатели могут иметь существенный разбег значений.

Следует учесть, что при полном совпадении всех рассматриваемых показателей K_6 примет значение, равное 1, что будет свидетельствовать о том, что расчетные величины коэффициентов контрагента полностью соответствуют средним значениям по конкретному региону и отрасли (идеальный случай).

Итак, значение коэффициента $K_6 \geq 1$ будет свидетельствовать о том, что положение организации близко к среднеотраслевым параметрам по конкретному региону и отрасли либо лучше. Чем выше значение показателя, тем стабильнее положение организации.

В той ситуации, когда $K_6 < 1$, положение организации хуже среднеотраслевых параметров по конкретному региону и отрасли, при этом чем ниже значение показателя, тем хуже ее положение.

Таким образом, представленный инструментарий позволит оценивать положение организации и с успехом может быть внедрен в систему контроллинга контрагентов организаций различных сфер деятельности. Предложенная методика оценки контрагентов лишь дополняет уже признанные методики и нормативы дополнительными сведениями, что позволяет повысить результативность контроллинга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Контроллинг: теория и практика: учебник и практикум для вузов / С. В. Осипов и др.; под общ. ред. С. В. Осипова. М., 2022. 145 с.
2. Донцова Л. В., Никифорова Н. А. Анализ бухгалтерской (финансовой) отчетности: практикум. М., 2018. 160 с.
3. Карпинских А. Д., Карпова О. В. Методологические основы оценки надежности контрагентов с целью повышения эффективности управления дебиторской задолженностью предприятия // Научно-практические исследования. 2021. № 2–2 (37). С. 24–31.
4. Лазарева И. Е. Алгоритм оценки финансовой стабильности предприятий-заемщиков // Фундаментальные исследования. 2021. № 5. С. 30–35.
5. Алексеева Л. Д., Бомбин А. Ю. Анализ методов управления дебиторской задолженностью предприятия // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 3. С. 22–34.
6. ЕМИСС. Коэффициент автономии. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58045> (дата обращения: 15.02.2022).
7. ЕМИСС. Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58046> (дата обращения: 15.02.2022).
8. ЕМИСС. Коэффициент текущей ликвидности. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58047> (дата обращения: 15.02.2022).
9. ЕМИСС. Рентабельность активов. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58035> (дата обращения: 15.02.2022).
10. ЕМИСС. Уровень рентабельности (убыточности) проданных товаров, продукции, работ, услуг. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58036> (дата обращения: 15.02.2022).

REFERENCES

1. Controlling: theory and practice: textbook and workshop for universities / S. V. Osipov and others; under the general editorship of S. V. Osipov. M., 2022. 145 p.
2. Dontsova L. V., Nikiforov N. A. Analysis of accounting (financial) statements: workshop. M., 2018. 160 p.
3. Karpinskikh A. D., Karpova O. V. Methodological bases for assessing the reliability of counterparties in order to improve the efficiency of managing the receivables of an enterprise // Scientific and practical research. 2021. No. 2–2 (37). Pp. 24–31.
4. Lazareva I. E. Algorithm for assessing the financial stability of borrowing enterprises // Fundamental research. 2021. No. 5. Pp. 30–35.
5. Alekseeva L. D., Bombin A. Yu. Analysis of the methods of managing accounts receivable of an enterprise // Scientific journal NRU ITMO. Series: Economics and environmental management. 2020. No. 3. Pp. 22–34.
6. EMISS. Coefficient of autonomy. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58045> (date of access: 15.02.2022).
7. EMISS. The coefficient of security with own working capital. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58046> (date of access: 15.02.2022)
8. EMISS. Current liquidity ratio. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58047> (data of access: 15.02.2022).
9. EMISS. Return on assets. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58035> (date of access: 15.02.2022).
10. EMISS. The level of profitability (unprofitability) of the sold goods, products, works, services. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58036> (date of access: 15.02.2022).

Поступила в редакцию: 16.02.2022.

Принята к печати: 18.03.2022.

ОЦЕНКА УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА РЕАЛЬНОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КОРЗИНЫ И ИСТОЧНИКОВ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Н. А. Шевчук, М. Г. Кудинова

Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)

Первичные доходы, получаемые населением, являются важным стимулом к повышению производительности труда, его качества, а также служат основным источником обеспечения жизненно важных потребностей населения. Именно они определяют покупательную способность населения и уровень его жизни.

Данное исследование посвящено изучению реального уровня жизни населения Алтайского края. В ходе него был определен состав потребительской корзины россиян на 2022 г., проведено сравнение его с нормами, установленными Минздравом РФ и уровнем потребления продуктов питания в СССР. Дана характеристика прожиточного минимума населения регионов Сибирского федерального округа в сравнении со средним значением по РФ. Также изучены состав и динамика ресурсов домашних хозяйств Алтайского края в целом и по категориям сельское и городское население. Особое внимание было уделено изучению состава и динамики расходов граждан края в целом, а также в разрезе городского и сельского населения. В ходе детализации расходной части бюджета жителей региона анализу подверглась продуктовая корзина, расходы на приобретение непродовольственных товаров и оплату услуг. На основе проведенных исследований стало возможным заключить, что в крае сложился очень низкий уровень жизни, значительная часть населения влачит нищенское существование.

Ключевые слова: уровень жизни, потребительская корзина, прожиточный минимум, структура доходов населения, структура расходов населения, среднедушевой доход.

ASSESSMENT OF THE STANDARD OF LIVING OF THE POPULATION OF THE ALTAI REGION BASED ON THE ANALYSIS OF THE CONSUMER BASKET

N. A. Shevchuk, M. G. Kudinova

Altai State Agricultural University (Barnaul, Russia)

Primary incomes received by the population are an important incentive to improve labor productivity, its quality, and also serve as the main source of meeting the vital needs of the population. They determine the purchasing power of the population and its standard of living. This study is devoted to the study of the real standard of living of the population of the Altai Territory. During it, the composition of the consumer basket of Russians for 2022 was determined, compared with the norms established by the Ministry of Health of the Russian Federation and the level of food consumption in the USSR. The characteristic of the subsistence minimum for the population of the regions of the Siberian Federal District is given in comparison with the average value for the Russian Federation. The composition and dynamics of the resources of households in the Altai Territory as a whole and by categories of rural and urban population were also studied. Particular attention was paid to the study of the composition and dynamics of the expenses of the citizens of the region as a whole, as well as in the context of the urban and rural population. In the course of detailing the expenditure part of the budget of the inhabitants of the region, the food basket, the cost of purchasing non-food products and paying for services were analyzed. On the basis of the conducted research, it became possible to conclude that a very low standard of living has developed in the region, a significant part of the population drags out a beggarly existence.

Keywords: standard of living, consumer basket, subsistence minimum, population income structure, population expenditure structure, average per capita income.

Уровень развития экономики любого региона во многом зависит от обеспеченности его трудовыми ресурсами и эффективности их использования. Производительность труда оказывает прямое непосредственное влияние на основные макроэкономические показатели, которые в свою очередь являются источником социально-экономического развития региона. Первичные доходы, возникающие на микроуровне в сфере материального производства в виде прибыли предприятий, доходов граждан и прочего, подвергаются вторичному распределению, которое происходит посредством изъятия части доходов, созданных в этой сфере, и направления их в другие сферы. В результате финансовыми ресурсами обеспечиваются все многообразные потребности расширенного воспроизводства, а также общегосударственные потребности по развитию экономики, управлению, охране правопорядка, обороне, содержанию отраслей непродуцированной сферы, обеспечению соответствующими доходами работников непродуцированной сферы, содержанию престарелых, инвалидов, детей и других социальных групп населения [1].

Первичные доходы, получаемые населением, являются важным стимулом к повышению производительности труда, его качества, а также служат основным источником обеспечения жизненно важных потребностей населения. В связи с этим цель данного исследования состоит в определении реального уровня жизни населения Алтайского края, определяемого имеющимися у населения доходами и осуществляемыми за счет них расходами.

Проведенные исследования базировались на монографическом, диалектическом методе, методе дедукции. Также были применены такие методы экономико-статистического анализа, как горизонтальный и вертикальный анализ, расчет средних величин. Для наглядности представления полученных результатов использовались графический и табличный методы.

Оценивая уровень жизни граждан, выявляя достаточность получаемых ими первичных доходов, необходимо в первую очередь начать с рассмотрения размера прожиточного минимума в стране.

Согласно ФЗ № 134-ФЗ от 24 октября 1997 г., прожиточный минимум в Российской Федерации на душу населения устанавливается Правительством, принимающим во внимание мнение Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, и рассчитывается исходя из величины медианного среднедушевого дохода за предыдущий год [2]. Медианный среднедушевой доход, в свою очередь, отражает размер денежного дохода, в сравнении с которым половина населения Российской Федерации получает сред-

недушевой доход ниже указанной величины, а другая половина — соответственно, выше.

Начиная с 2021 г., в стране установлено соотношение между размером прожиточного минимума на душу населения в целом по РФ и размером медианного среднедушевого дохода за предыдущий год на уровне 44,2%. Помимо этого, установлены следующие виды соотношений:

- между прожиточным минимумом трудоспособного населения и всего населения страны на уровне 109%;
- между прожиточным минимумом пенсионера и всего населения страны в целом на уровне 86%;
- между прожиточным минимумом для детей и всего населения страны в целом на уровне 97% [3].

В каждом субъекте РФ определяется свой прожиточный минимум, рассчитываемый с учетом коэффициента региональной дифференциации. Его, в свою очередь, определяют соотношением между прожиточным минимумом на душу населения в целом по РФ и прожиточным минимумом соответствующего субъекта.

В период с 1992 по 1999 г. прожиточный минимум в нашей стране рассчитывался на основе методических рекомендаций Министерства труда России от 10 ноября 1992 г., разработанных в соответствии с Указом Президента РФ № 210 «О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации» от 2 марта 1992 г.

В период с 2000 по 2020 г. величина прожиточного минимума трактовалась как стоимостная оценка потребительской корзины и обязательных платежей и сборов, рассчитываемых поквартально в среднем на душу населения, в том числе для основных социально-демографических групп: трудоспособного населения, пенсионеров и детей. Основанием для расчета потребительской корзины в стоимостном выражении на протяжении указанного периода являлись:

- в 2000–2004 гг.: Федеральный закон № 201-ФЗ от 20 ноября 1999 г.;
- в 2005–2012 гг.: Федеральный закон № 44-ФЗ от 31 марта 2006 г.;
- в 2013–2020 гг.: Федеральный закон № 227-ФЗ от 3 декабря 2012 г.;
- данные Росстата об уровне потребительских цен на продукты питания и индексах потребительских цен на них и на непродовольственные товары и услуги [4].

Потребительская корзина субъектов РФ устанавливалась их законодательными органами.

Дефиниция «потребительская корзина» используется в настоящее время в качестве основополагающей при рассмотрении понятий «благополучие»,

«благополучие», «уровень» и «качество жизни». Она подразумевает под собой минимальный набор товаров, необходимый человеку для поддержания жизни, здоровья, а также для осуществления активной деятельности [5]. Синонимом термина «потребительская корзина» является понятие «продуктовая корзина».

Потребительская корзина дает представление о структуре потребления среднестатистической российской семьи в течение 1 года [6, 7].

Сравнивая понятия «потребительская корзина» и «прожиточный минимум», следует отметить, что они хотя и близки по значению, но все же несут разную смысловую нагрузку. И если потребительская корзина отражает минимальный перечень продуктов питания в количественном выражении, необходимый человеку для жизнедеятельности, то прожиточный минимум является стоимостным отражением этого минимума, включающим в себя дополнительно стоимость необходимых человеку промышленных товаров, а также услуг. Следовательно, понятие «прожиточный минимум» являет-

ся более объемным, включающим в себя понятие «потребительская корзина». При этом два этих термина тесно связаны между собой [8, 9].

На основании всего сказанного можно заключить, что потребительская корзина не может служить единственным социально-экономическим показателем, отражающим уровень жизни в стране. Помимо нее для этих целей служит термин «прожиточный минимум», который в РФ в последствии был приравнен к минимальному размеру оплаты труда. Опираясь именно на прожиточный минимум, в стране разрабатываются направления проводимой социальной политики, в первую очередь касающиеся размера индексаций социальных выплат различным категориям граждан.

Формируемая в стране потребительская корзина должна пересматриваться каждые пять лет, гласят положения ФЗ № 421, принятого в декабре 2017 г. Поэтому потребительская корзина россиян на 2022 г., регламентируемая по-прежнему ФЗ № 227, пересматриваться не будет и пятый год сохранил следующий вид (рис. 1).

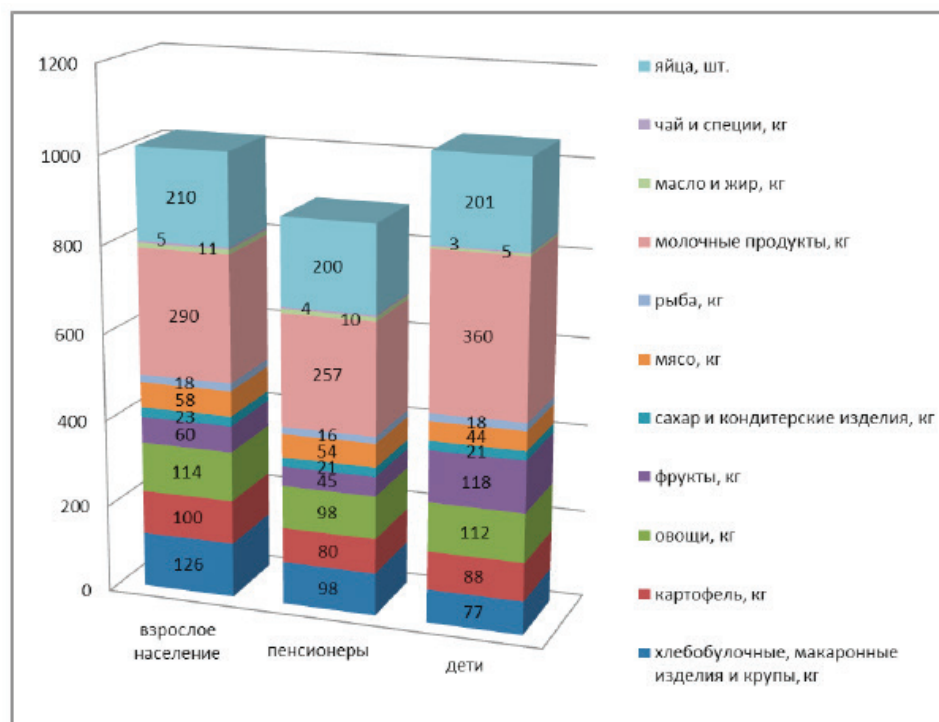

Рис. 1. Состав потребительской корзины россиян на 2022 г. согласно ФЗ № 227 [10]

Как уже упоминалось, потребительская корзина неодинакова для разных категорий граждан страны. Это связано с различным уровнем потребности в определенных продуктах питания у людей разного возраста и при разной интенсивности их деятельности. Так, трудоспособным гражданам больше требуется высококалорийных, энергетически емких продуктов, таких как мучные изделия,

картофель, мясо. Тогда как у детей в рационе должны преобладать овощи, фрукты и молочные продукты.

Для сравнения обратимся к нормативам потребления основных продуктов питания, установленным Министерством здравоохранения РФ для взрослого населения, и к уровню потребления указанных продуктов в СССР в 80-х гг. XX века (рис. 2).

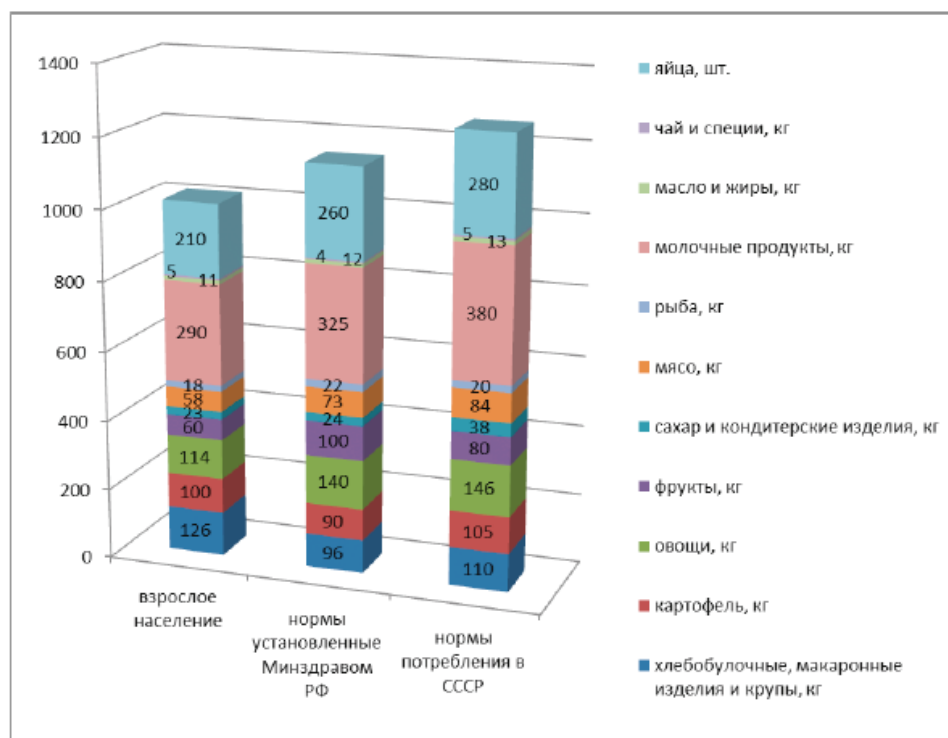

Рис. 2. Состав потребительской корзины взрослого населения в сравнении с нормами, установленными Минздравом РФ и уровнем потребления в СССР [7, 11]

В глаза определенно бросается тот факт, что потребительская корзина, сформированная Росстатом, по объему существенно меньше той, которая установлена медиками, а также значительно уступает уровню потребления продуктов

в 80-х гг. XX века. Существенное отставание современной продовольственной корзины наблюдается по наиболее важным продуктам питания, таким как мясо, молочные продукты, яйца, овощи, фрукты.

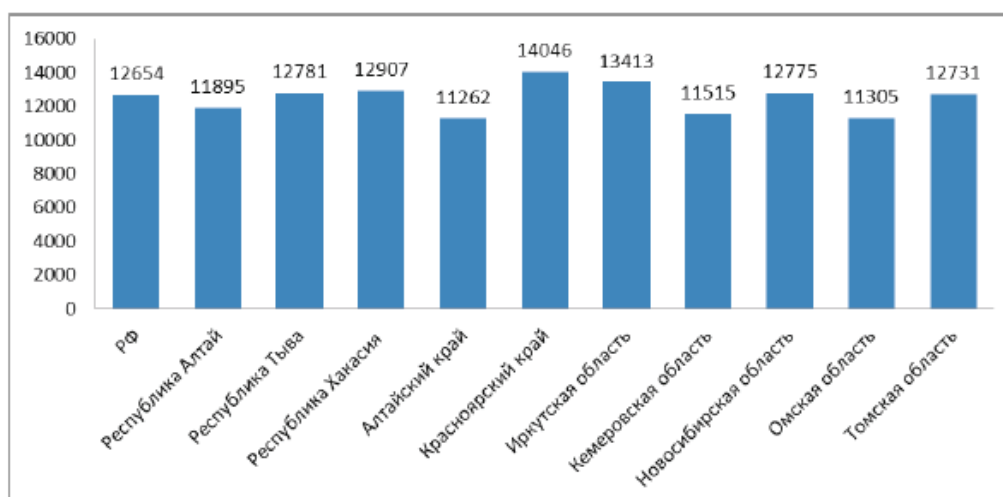

Рис. 3. Средний размер прожиточного минимума населения регионов Сибирского федерального округа в сравнении со средним значением по РФ в целом на 2022 г., руб. в месяц [10]

Стоимостный расчет продовольственного набора граждан России при формировании прожиточного минимума осуществляется территориальными статистическими управлениями для каждого

региона в отдельности. Это связано с тем, что цены на продукты питания, непродовольственные товары и услуги значительно различаются по отдельным регионам страны. Спорность вопроса при этом

состоит в том, что реальные цены в регионах могут не совпадать с теми, которые были взяты Росстатом за основу при расчете прожиточного минимума. На рисунке 3 представлены данные о размерах прожиточного минимума отдельных регионов Сибирского федерального округа, в сравнении с показателем в целом по РФ.

Данные рисунка 3 свидетельствуют о том, что среди регионов Сибирского федерального округа Алтайский край имеет самый низкий уровень прожиточного минимума. Каково же ре-

альное положение дел в регионе? Каков уровень жизни населения края? Ответы на все эти вопросы были получены в ходе проведенного исследования.

Согласно данным статистики, на 1 января 2021 г. в крае проживали 2296,1 тыс. человек, из них 1313 тыс. чел. (57,25%) — городское население и 983,4 (42,8%) — сельское [12]. Одним из основных показателей, отражающим уровень жизни населения, является размер получаемых им доходов (рис. 4).

Рис. 4. Состав и динамика ресурсов домашних хозяйств Алтайского края, руб. на члена домохозяйств в месяц

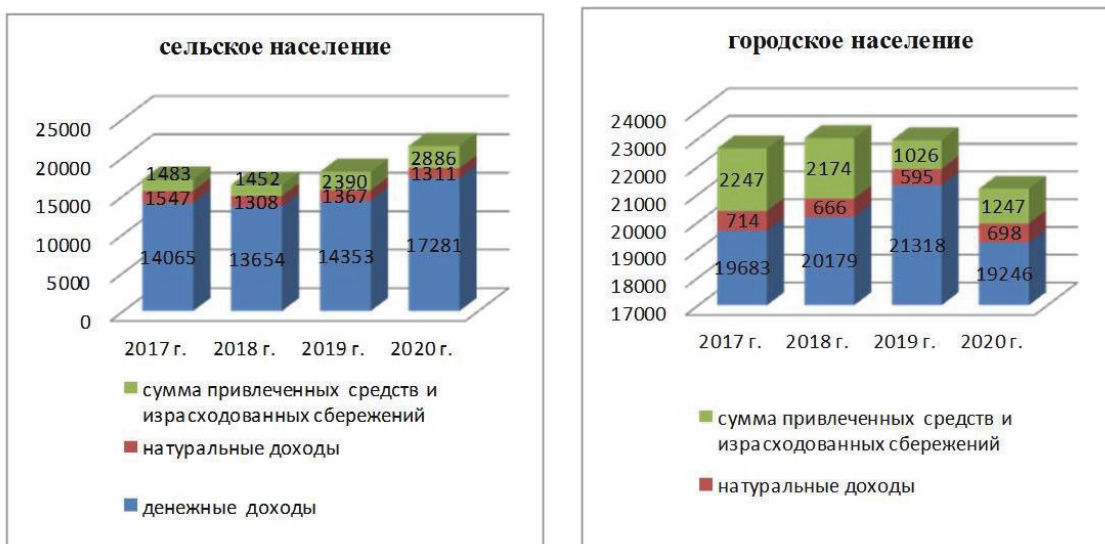

Рис. 5. Состав доходов городского и сельского населения Алтайского края, руб. на члена домохозяйств в месяц

По данным рисунка 1, около 90% ресурсного потенциала население края получает в денежной форме в виде заработной платы или предпринимательского дохода. Их величина имеет положительную динамику на протяжении всего рассма-

триваемого периода. Сравнение среднемесячного дохода, получаемого городскими и сельскими жителями в денежном выражении (рис. 5), показало, что доход городского населения в среднем на 13% выше, чем у сельского. При этом сельское насе-

ление в два раза больше получает доходов в натуральном выражении. Кардинальным образом поменялась динамика используемых привлеченных средств и сбережений. Если в начале рассматриваемого периода городское население в полтора раза опережало по данному показателю, то к концу периода более чем в два раза опережает сельское население.

Размер средней заработной платы в месяц как основного источника доходов в 2020 г. в крае составил чуть более 30 тыс. руб. Максимального своего размера она достигает в таких видах деятельности, как финансовая и страховая, государственное управление, информационная деятельность (рис. 6).

Рис. 6. Размер средней заработной платы в месяц по видам деятельности в Алтайском крае за 2020 г., руб.

Таблица 1

Динамика состава расходов в месяц на одного члена домашних хозяйств Алтайского края

Годы	Расходы на потребление, всего	Из них потрачено на:							
		непродовольственные товары		продукты питания		алкоголь		услуги	
		руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%
2017	12837	4583	35,7	5093	39,7	211	1,6	2950	23,0
2018	13430	5024	37,4	5055	37,6	200	1,5	3151	23,5
2019	13925	4984	35,8	5503	39,5	222	1,6	3216	23,1
2020	13621	5163	37,9	5323	39,1	196	1,4	2939	21,6

На протяжении всего рассматриваемого периода прослеживается положительная динамика размера заработной платы, причем максимальных темпов ее рост достигает в здравоохранении (151,4%), образовании (149,2%) и в информационной деятельности (144,1%). Минимальный темп роста отмечается в сфере финансов и страхования (113,9%).

Для получения полной картины о состоянии уровня жизни населения края анализу была подвергнута потребительская корзина (табл. 1). Следует отметить, что в рассматриваемом периоде произошел рост расходов на потребление (106%).

Большая часть расходов населения края связана с приобретением продуктов питания. На их долю в среднем за 4 года приходится около 39%. В динамике наблюдается незначительное сокращение данной статьи расходов. Чуть меньшую долю в структуре занимают покупки непродовольственных товаров, причем в 2020 г. эти расходы достигли своей максимальной величины. Несмотря на длительные локдауны 2020 г., в связи с которыми прогнозировался рост потребления алкоголя, реальные затраты населения края на его приобретение снизились на 0,1%. Характерным также является то, что за период с 2016 по 2019 г. примерно в 2,2 раза

выросли расходы, связанные с питанием граждан вне дома. Но в 2020 г. они вновь упали, достигнув уровня 2017 г.

Для сравнения обратимся к данным рисунка 3, согласно которым прожиточный минимум жителей Алтайского края составляет 11262 руб. в месяц. Фактически же тратится в среднем на 2191 руб. (16%) в месяц больше. При этом уровень роста цен

в России в 2021 г. достиг своего максимального значения после 2015 г., составив 12,9%, превысив прогнозы Министерства экономического развития и ЦБ РФ, прогнозирувавших уровень цен от 7,4 до 7,9% [13].

Оценивая структуру расходов городского и сельского населения, обратимся к данным таблицы 2.

Таблица 2

Динамика состава расходов за месяц городского и сельского населения в расчете на одного члена семьи в Алтайском крае

Домохозяйства	Годы	Расходы на потребление, всего	Из них потрачено на:							
			непродовольственные товары		продукты питания		алкоголь		услуги	
			руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%
городские	2017	14408	5110	35,5	5318	36,9	203	1,4	3777	26,2
	2018	15196	5414	35,6	5498	36,2	209	1,4	4075	26,8
	2019	15852	5213	32,9	6267	39,5	266	1,7	4106	25,9
	2020	14437	4867	33,7	5743	39,8	209	1,4	3618	25,1
сельские	2017	10812	3904	36,1	4803	44,5	221	2,0	1884	17,4
	2018	11142	4519	40,6	4481	40,2	188	1,7	1954	17,5
	2019	11402	4684	41,1	4502	39,5	165	1,4	2051	18,0
	2020	12542	5555	44,3	4768	38,0	178	1,4	2041	16,3

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что в период с 2017 по 2019 г. общая сумма расходов и городского, и сельского населения неуклонно росла. 2020 г. показал различную динамику расходов этих двух групп населения края. А именно, расходы сельских жителей выросли на 10%, тогда как городские потратили на 9% меньше, чем в предыдущем году. Оценивая структуру осуществленных расходов, необходимо отметить следующее. В начале рассматриваемого периода в структуре расходов городского населения примерно равные доли занимали расходы на продовольственные и непродовольственные товары. В дальнейшем наблюдается неуклонный рост расходов на питание и одновременное сокращение расходов на непродовольственные товары, которое, в свою очередь, компенсировалось ростом расходов на услуги. У сельского населения ситуация несколько иная. На фоне сокращения расходов на питание, происходит рост расходов на непродовольственные товары.

При рассмотрении затрат на продуктовую корзину (табл. 3), формируемую городским и сельским населением края, выявлено, что основную их часть составляют затраты на мясо, молоко и молочные продукты, а также хлебобулочные изделия. Расходы на все остальные продукты питания существен-

но ниже у обеих категорий граждан. Специфика формирования продуктовой корзины сельского и городского населения проявляется в следующем. Сумма расходов городского населения на мясо в среднем на 7,2% выше, чем у сельского. Аналогичная ситуация с расходами на молоко (превышение составляет около 1,9%), овощи и бахчевые (превышение составляет 0,7%), картофель (превышение в 3 раза). При этом сельское население больше тратит на приобретение хлебобулочных изделий (на 4,3%), сахара и кондитерских изделий (на 3%), жиров растительных и животных (на 0,7%), плодов и ягод (на 3,3%).

В ходе сравнения расходов городского и сельского населения на приобретение непродовольственных товаров (рис. 7) было выявлено, что у городского населения в структуре расходов преобладают расходы на медицинские товары (22,3% в общей структуре), а у сельского — расходы на транспортные средства, включая телерадиоаппаратуру (24,4% в общей структуре). Городское население также больше денег тратит на одежду и табачные изделия, а сельчане отдадут предпочтение строительным материалам, мебели, домашнему оборудованию и средствам по уходу за домом и топливу.

Таблица 3

Структурная динамика продуктовой корзины домашних хозяйств Алтайского края

До- мохо- зяй- ства	Годы	Расходы на потребление, %										
		хлебо- булоч- ных из- делий	карто- феля	ово- щей и бах- чевых	пло- дов и яго- д	мяса	молока	яиц	рыбы	сахара и конди- терских изделий	жира жи- вотного и расти- тельного	прочих про- дуктов
го- род- ские	2017	15,6	0,5	4,4	6,7	31,2	16,9	1,5	5,9	6,7	1,7	8,9
	2018	14,6	0,5	4,6	6,2	32,0	16,7	1,5	5,8	7,3	1,4	9,4
	2019	14,0	0,5	4,9	6,4	34,3	15,4	1,5	5,3	7,9	1,5	8,3
	2020	14,9	0,7	4,4	5,6	32,7	16,3	1,7	5,4	7,5	1,4	9,4
сель- ские	2017	19,4	0,1	3,9	7,9	27,2	13,5	1,4	5,4	9,9	2,3	9,0
	2018	18,5	0,2	3,9	8,4	24,2	14,8	1,3	6,2	11,1	2,1	9,3
	2019	19,2	0,2	4,0	8,3	25,7	13,6	1,3	5,6	10,8	1,9	9,4
	2020	19,4	0,3	3,6	7,8	23,9	15,6	1,5	5,6	9,8	2,4	10,1

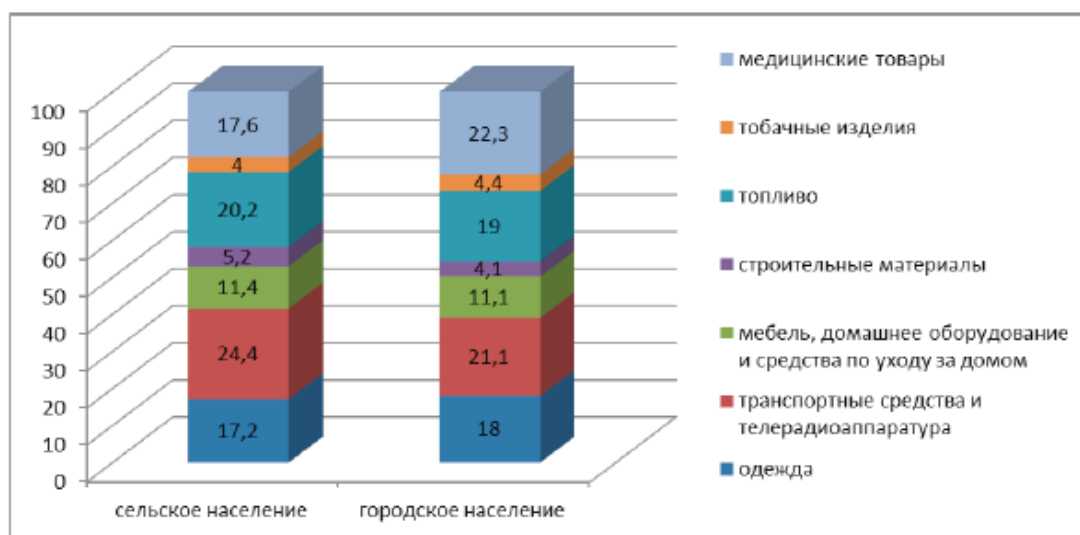

Рис. 7. Структура расходов на приобретение непродовольственных товаров домашних хозяйств Алтайского края, %

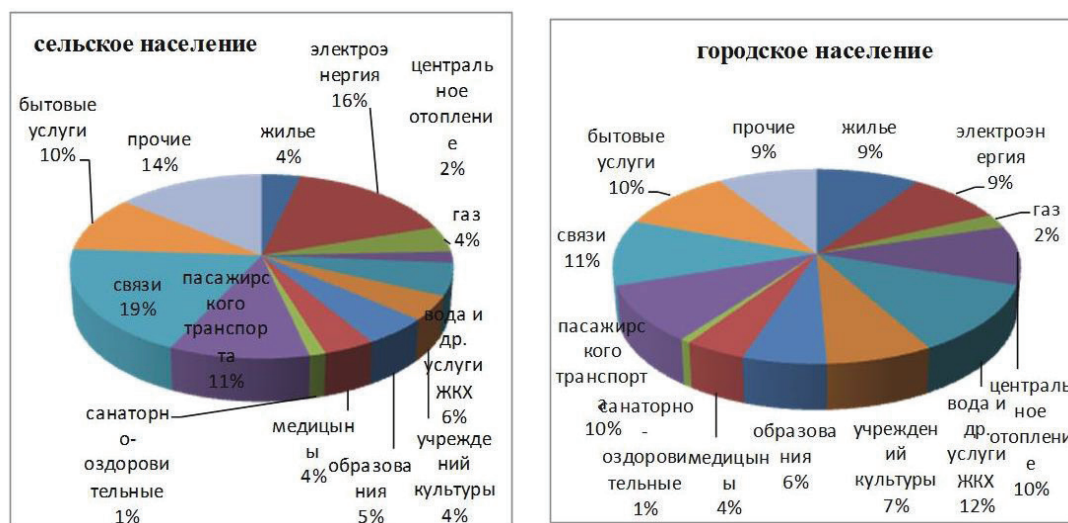

Рис. 8. Структура расходов на оплату услуг домашних хозяйств Алтайского края, %

Оценивая динамику расходов по непродовольственным товарам, следует отметить стабильное снижение доли расходов на приобретение одежды и обуви в обеих группах населения в среднем на 32%. Доля расходов на строительные материалы городским населением сократилась на 16%, а сельским — на 26%. На медицинские и прочие товары доля расходов горожан — на 24%, а у сельских жителей на 22% снизилась доля расходов на топливо. Практически не изменились расходы жителей края на мебель, домашнее оборудование и средства по уходу за домом, а также на табачные изделия. А вот доля расходов на транспортные средства и телерадиоаппаратуру выросли за рассматриваемый период у горожан на 46%, у сельских жителей — на 52%.

Расходы жителей края на различные услуги в среднем составляют 23% в общей сумме расходов. На рисунке 8 представлена структура этих расходов у сельского и городского населения.

В структуре расходов на различные виды услуг в крае основную долю составляют расходы на оплату услуг ЖКХ. У сельского населения на их долю приходится в среднем около 41,7% за рассматриваемый период, у городского населения — около 31,9%. Среди коммунальных платежей у городского населения преобладает доля расходов на центральное отопление и воду. В отличие от городского населения, сельское большую часть средств тратит на электроэнергию и газ. Среди прочих услуг ведущее место занимают расходы за услуги связи, пассажирский транспорт и бытовые услуги. Характерным является то, что в 2020 г. доля расходов на связь в структуре расходов сельского населения почти в два раза больше, чем у городского.

В ходе проведенных исследований нами были выявлены неоспоримые факты. В Алтайском крае на 2022 г. сформирован самый низкий прожиточный минимум среди всех регионов Сибирского федерального округа. Фактические расходы в крае на 16% превышают его установленную величину [14, 15].

Средняя заработная плата в регионе в 2020 г., по данным крайстата, соответствует 30 тыс. руб. Но при этом работники сельского хозяйства, являясь основной производительной силой региона, получают среднемесячную зарплату в размере 23507 руб. в месяц.

Алтайский край — торговый регион, но заработная плата работников торговли — всего 23323 руб. в месяц.

Темп прироста валового дохода жителей края в 2020 г. составил 0,7% к уровню предыдущего года. При этом уровень роста цен в России в 2021 г. составил 12,9%.

В рассматриваемом периоде произошел рост расходов на потребление в размере 106%. Но если учесть указанный выше уровень инфляции, станет понятно, что этот рост является лишь номинальным и произошел он под влиянием роста цен на потребляемые продукты, товары и услуги.

Но даже и в этой ситуации расходы на питание в крае за 2020 г. сократились на 3,3% в сравнении с предыдущим годом. И если принять во внимание рост ценовой оставляющей, станет очевидно, что количественное потребление продуктов питания на душу населения сократилось.

При формировании своей продуктовой корзины жители края отдают предпочтение более дешевым, высококалорийным продуктам с низкой питательностью, таким как хлебобулочные изделия и картофель. Об этом свидетельствует рост доли расходов на эти продукты в общем бюджете на продовольственные товары [16, 17].

Прирост расходов на непродовольственные товары за 2020 г. составил всего 3%. С учетом существующего в стране уровня роста цен становится ясно, что фактическое число приобретаемых товаров снизилось.

Еще хуже обстоит ситуация с расходами на услуги. Их величина за 2020 г. сократилась на 8,6%.

Все вышесказанное позволяет заключить, что в крае сложился очень низкий уровень жизни, большая часть населения влачит нищенское существование. Парадокс состоит в том, что в такой сложной ситуации для края определен очень низкий уровень прожиточного минимума, который в общей совокупности является основой для расчета минимального размера оплаты труда, необходимой гражданам для проживания, а также влияет на установление необходимых величин социальных выплат наиболее социально не защищенным категориям граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Gentilini U., Grosh M., Rigolini J., Yemtsov R. Exploring Universal Basic Income. A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices. The World Bank, 2020. 312 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1458-7.
2. О прожиточном минимуме в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/ (дата обращения: 11.01.2022).

3. Найдис О. А., Найдис И. О. Потребительские корзины, контроллинг уровня потребительских цен и МРОТ // *Контроллинг*. 2019. № 74. С. 40–53.
4. Уровень жизни // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 17.01.2022).
5. Прожиточный минимум // *Журнал Тинькофф*. URL: <https://journal.tinkoff.ru/living-wage>. (дата обращения: 11.01.2022).
6. Космин А. Д., Космина Е. А., Коновалов И. А. О новом функционале российской потребительской корзины (или по плечу ли среднему классу потребительская корзина) // *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т. 10. № 7. С. 1975–1988. DOI: 10.18334/epp.10.7.110585.
7. Потребительская корзина на 2022 год, состав, цена на месяц. URL: <https://pfrf-kabinet.ru/grazhdanam/potrebitelskaya-korzina.html> (дата обращения: 04.02.2022).
8. Корнева А. К. Индекс потребительских цен и потребительская корзина // *Концепт*. 2017. № 4. С. 205–211.
9. Тараканова А. Н. Потребительская способность и потребительская корзина населения РФ // *Устойчивое развитие науки и образования*. 2018. № 6. С. 44–47.
10. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 10.02.2022).
11. Иванова В. Н., Серегин С. Н. Потребительская корзина: новый формат расширения набора товаров и услуг // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. 2019. № 1. С. 7–11.
12. Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. URL: <https://akstat.gks.ru/folder/33247> (дата обращения: 09.02.2022).
13. Рост цен в России превысил годовые прогнозы. URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/economics/29/12/2021/61cc712a9a79471af62fa210> (дата обращения: 09.02.2022).
14. Kovaleva I., Kudinova M., Levichev V. et al. Development of rural territories of the agro-oriented region in the conditions of self-sufficient food supply // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, Krasnoyarsk, 16–19 июня 2021 года / Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering. Krasnoyarsk, 2021. P. 2019. DOI: 10.1088/1755–1315/839/2/022019.
15. Petrova M. V., Kudinova M. G., Shevshchuk N. A., Uvarova E. V. The role and importance of an agrarian-oriented region in ensuring food security of Russia // *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science* 949 (2022) 012093. DOI: 10.1088/1755–1315/949/1/012093
16. Шевчук Н. А., Слюсарева А. Е. Проблемы продовольственного обеспечения Алтайского края // *Аграрная наука — сельскому хозяйству: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции: в 2 кн.* Барнаул, 09–10 февраля 2021 года. Барнаул, 2021. С. 104–106.
17. Кудинова М. Г., Решетнякова К. Ю. Потенциал развития агропромышленного комплекса Алтайского края в условиях импортозамещения // *Аграрная наука — сельскому хозяйству: сборник статей: в 3 кн.* Барнаул, 04–05 февраля 2016 года. Барнаул, 2016. С. 153–157.

REFERENCES

1. Gentilini U., Grosh M., Rigolini J., Yemtsov R. Exploring Universal Basic Income. A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices. The World Bank, 2020. 312 p. DOI: 10.1596/978–1–4648–1458–7.
2. On the subsistence minimum in the Russian Federation: Federal Law of October 24, 1997 No. 134-FZ (last edition) Consultant plus URL: <http://www.consultant.ru/document/consdocs/Law165651> (date of access: 11.01.2022).
3. Naydis O. A., Naydis I. O. Consumer baskets, controlling the level of consumer prices and the minimum wage // *Controlling*. 2019. No. 74. Pp. 40–53.
4. Standard of living // Official website of the Federal State Statistics Service URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (date of access: 17.01.2022).
5. Living wage // *Tinkoff magazine*. URL: <https://journal.tinkoff.ru/living-wage>. (date of access: 11.01.2022).
6. Kosmin A. D., Kosmina E. A., Kononov I. A. On the new functionality of the Russian consumer basket (or whether the middle class can afford the consumer basket) // *Economics, Entrepreneurship and Law*. 2020. T. 10. No. 7. Pp. 1975–1988. DOI: 10.18334/epp.10.7.110585.
7. Consumer basket for 2022, composition, price per month. URL: <https://pfrf-kabinet.ru/grazhdanam/potrebitelskaya-korzina.html> (date of access: 04.02.2022).

8. Korneva A. K. Consumer price index and consumer basket // Scientific and methodological electronic journal Concept. 2017. No. 4. Pp. 205–211.
9. Tarakanova A. N. Consumer ability and consumer basket of the population of the Russian Federation // Sustainable development of science and education. 2018. No. 6. Pp. 44–47.
10. Official website of the Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (date of access: 10.02.2022).
11. Ivanova V. N., Seregin S. N. Consumer basket: a new format for expanding the range of goods and services // Economics of agricultural and processing enterprises. 2019. No. 1. Pp. 7–11.
12. Office of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory and the Republic of Altai. URL: <https://akstat.gks.ru/folder/33247> (date of access: 09.02.2022).
13. Price growth in Russia exceeded annual forecasts. URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/economics/29/12/2021/61cc712a9a79471af62fa210> (date of access: 09.02.2022).
14. Kovaleva I., Kudinova M., Levichev V. et al. Development of rural territories of the agro-oriented region in the conditions of self-sufficient food supply // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, Krasnoyarsk, June 16–19 2021 года / Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering. Krasnoyarsk, 2021. Pp. 2019. DOI 10.1088/1755–1315/839/2/022019.
15. Petrova M. V., Kudinova M. G., Shevchuk N. A., Uvarova E. V. The role and importance of an agrarian-oriented region in ensuring food security of Russia // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science 949 (2022) 012093. DOI: 10.1088/1755–1315/949/1/012093.
16. Shevchuk N. A., Slyusareva A. E. Problems of food supply in the Altai Territory // Agrarian science — agriculture: Collection of materials of the XVI International Scientific and Practical Conference: in 2 books. Barnaul, February 09–10, 2021. Barnaul, 2021. Pp. 104–106.
17. Kudinova M. G., Reshetnyakova K. Yu. The potential for the development of the agro-industrial complex of the Altai Territory in the context of import substitution // Agrarian science — agriculture: collection of articles: in 3 books. Barnaul, February 04–05 2016. Barnaul, 2016. Pp. 153–157.

Поступила в редакцию: 22.02.2022.

Принята к печати: 22.03.2022.

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

1. Асканова Оксана Владимировна, доктор экономических наук, заместитель директора Рубцовского индустриального института (филиала) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Рубцовск, Россия), e-mail: askanova@yandex.ru.

2. Бажанов Виктор Андреевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: vab@ieie.nsc.ru.

3. Беляев Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: belyaevvi@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-7341-1252.

4. Бутакова Марина Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: marina.butakova.59@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-6331-0258.

5. Викторова Наталья Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор Высшей инженерно-экономической школы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: ktovovang@spbstu.ru.

6. Евстигнеев Евгений Николаевич, кандидат экономических наук, профессор Высшей инженерно-экономической школы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: eennn@mail.ru.

7. Землякова Светлана Николаевна, кандидат экономических наук, доцент Донского государственного аграрного университета (пос. Персиановский, Россия), e-mail: zemlyakovasn@rambler.ru.

8. Ильиных Юлия Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры цифровых финансов Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Барнаул, Россия); заместитель директора филиала, доцент кафедры экономики и финансов Алтайского филиала Финансового университета при Правительстве РФ (Барнаул, Россия), e-mail: yulia-iln@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-2534-948X.

9. Каплинская Ирина Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: kaplinskaya57@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-1805-3392.

10. Капустян Лариса Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: s.kapustyan@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-2892-9439.

11. Козлова Жанна Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и производственного менеджмента Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Барнаул, Россия); доцент кафедры экономики и финансов Алтайского филиала Финансового университета при Правительстве РФ (Барнаул, Россия), e-mail: gannakozlova@mail.ru.

12. Корецкая-Гармаш Виктория Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового и налогового менеджмента Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина, (Екатеринбург, Россия), e-mail: vkoretskaia-garmash@urfu.ru.

13. Королева Елена Николаевна, старший преподаватель Алтайского института труда и права филиала Академии труда и социальных отношений (Барнаул, Россия), e-mail: korka9919@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-7893-4239.

14. Королева Ольга Николаевна, магистрант Института биологии и биотехнологий Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия); ведущий специалист отдела прогнозирования бюджета и финансирования подведомственных учреждений планово-финансового управления Министерства социальной защиты Алтайского края (Барнаул, Россия), e-mail: olg4.koroleva@yandex.ru.

15. Кудинова Маргарита Геннадьевна, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой финансов, бухгалтерского учета и аудита Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: kudinova_margarita@mail.ru.

16. Межов Игорь Степанович, доктор экономических наук, директор научно-внедренческого предприятия «Горизонты Алтая» (Барнаул, Россия), e-mail: mgvis@mail.ru.

---

17. Мищенко Валерий Викторович, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: ikmischenko@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-6183-3095.

18. Мищенко Виталий Викторович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: m.vitaly53@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-1449-3702.

19. Покровская Наталья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры теории кредита и финансового менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: nvpokrovskaja@gmail.com.

20. Пугачев Андрей Александрович, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (Ярославль, Россия), e-mail: andrxim@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0001-7989-6353.

21. Пяткова Оксана Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: pyatkovaon@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-5630-1772.

22. Родионова Людмила Васильевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: lvrieie@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-2343-2466.

23. Рябова Таисия Фоминична, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет) (Москва, Россия), e-mail: taisiya-ryabova@yandex.ru.

24. Семиколенова Марина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности, учета, анализа и аудита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: semikmn@mail.ru.

25. Семина Лариса Анатольевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической безопасности, учета, анализа и аудита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: seminalarisa@yandex.ru.

26. Соколов Александр Васильевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), доцент Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), e-mail: alsokolova@ieie.nsc.ru.

27. Соколова Ольга Николаевна, кандидат экономических наук, профессор кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: son-555@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-8148-614X.

28. Сперанская Наталья Юрьевна, кандидат биологических наук, директор Института биологии и биотехнологий Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: speranskaj@mail.ru.

29. Стрижкина Ирина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: strizhkina_iv@mail.ru.

30. Сурай Наталья Михайловна, кандидат технических наук, доцент базовой кафедры торговой политики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (Москва, Россия), e-mail: natalya.mixajlovna.1979@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-6219-4363.

31. Теляк Оксана Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры банковских и финансовых рисков Полесского государственного университета (Минск, Беларусь), e-mail: teliak.i@poeessu.ru.

32. Троцкий Александр Яковлевич, доктор социологических наук, заведующий лабораторией социально-экономических исследований Алтайского края Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), профессор кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: trotskovskiy@dc.asu.ru. ORCID ID: 0000-0002-3233-8570.

33. Чернышева Ольга Геннадьевна, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: olyaaa1985@gmail.com.

34. Шевчук Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и аудита Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: basurman80@mail.ru.

35. Ященко Александр Васильевич, кандидат экономических наук, генеральный директор АО «Барнаулская горэлектросеть» (Барнаул, Россия), e-mail: alex@bges.ru.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС»

ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR "ECONOMICS PROFESSION BUSINESS"

1. Статья представляется в электронном варианте по адресу: epb@asu.ru:

- Название файла по фамилии автора или первого из авторов.
- Используется одна из последних версий текстового редактора WORD.
- Объем публикации не должен превышать 0,5 п. л. (20 000 знаков с пробелами или примерно 11 страниц, включая список литературы, сведения об авторах и иллюстрации); для кандидатов и докторов наук объем публикаций не должен превышать 1,0 п. л. (40 000 знаков с пробелами или примерно 22 страницы), минимальный объем статьи составляет 0,35 п. л. (14 500 знаков с пробелами или примерно 8 страниц). Таблица или рисунок формата А4 составляет 5 400 знаков с пробелами.
- Публикации принимаются на русском и английском языках.

2. Статьи, поступающие в редколлегию, **проверяются с использованием системы «Антиплагиат»**; авторам рекомендуется перед отправкой проверять свои статьи на степень оригинальности текста.

3. К статье прилагаются:

- рекомендация кафедры (научного семинара кафедры) отсканированная в цвете (по возможности);
- письмо-согласие с заверенной подписью (подписями) автора (авторов) статьи, отсканированные в цвете.
- для аспирантов обязательным документом является справка об обучении в аспирантуре.

4. Структура статьи:

- индекс УДК, который проставляется в левом верхнем углу первой страницы рукописи;
  - название статьи;
  - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на русском языке (например, И. И. Иванов, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия));
  - аннотация на русском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Аннотация» не используется), ключевые слова к публикации на русском языке (от 5 до 10 слов);
  - название статьи на английском языке;
  - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на английском языке (например, I. I. Ivanov, Altai State University (Barnaul, Russia));
  - аннотация на английском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Abstract» не используется), ключевые слова к публикации на английском языке (Keywords, от 5 до 10 слов);
  - собственно текст статьи;
  - библиографический список;
  - references;
  - таблицы с заголовками;
  - рисунки с подписями;
  - сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень, должность, место работы, телефон для связи), адрес с указанием почтового индекса, электронный адрес (e-mail) и ORCID ID (при наличии).
-

5. Для основных текстов на английском языке сначала указываются название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова к публикации на английском языке, затем все то же самое на русском языке.

6. По содержанию в тексте должны присутствовать:

- вводная часть (введение), содержащая обзор современных публикаций по данной тематике, в том числе зарубежных авторов, и четко формулирующая актуальность и цель работы;
- описание методов и методик проводимого исследования;
- полученные результаты и их обсуждение;
- заключительная часть (заключение) с выводами по работе.

7. Требования к тексту, представленному в WORD:

- формат А4 (21х30 см);
- используемые версии текстового редактора — MSWord 2003 и выше;
- рисунки представляются в виде отдельных файлов в форматах JPG, TIFF, BMP, PNG с разрешением не менее 300 dpi;
- набор формул производится с помощью редактора Math Type;
- интервал между строками — 1,5;
- шрифт — гарнитура Times New Roman;
- размер шрифта — 14 кегль;
- все поля по 2 см;
- текст неформатированный;
- текст должен быть разбит на абзацы, абзацный отступ 1,25 см;
- без переносов;
- возможно выделение текста шрифтами (жирный, курсив);
- возможно употребление спецсимволов (% и др.).

8. Библиографический список кириллицей оформляется следующим образом:

а) статьи в периодических изданиях:

Ермолина Л. Т. Откуда у парня афганская грусть? // Алтайская правда. 2001. №2. С. 2–5.

б) монографии, учебники и учебные пособия:

Антонян Ю. М. Преступность в федеральных округах России: монография. М., 2012. С. 117;

в) сборники статей и труды конференций:

Кубишин Е. С. Гендерные проблемы занятости и рынка труда Москвы // Гуманитарные, экономические и правовые проблемы современного общества: сб. науч. трудов / под общ. ред. В. Хозова. М., 2014. С. 72–87;

г) электронные источники:

Гужвенко Ю. Н. В Алтайском крае активно действует казахская диаспора. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5196/> (дата обращения: 05.10.2018).

Гиперссылку необходимо всегда заканчивать знаком «/».

д) ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

е) если для цитируемого источника существует DOI (Digital Object Identifier), его следует указывать в конце источника после точки в следующем виде: DOI: префикс/суффикс (например: DOI: 10.14258/izvasu (2014) 1.1–01).

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Библиографический список» приводится после основного текста в порядке цитирования (один пункт списка — одно наименование). Один и тот же источник в библиографическом списке указывается один раз, в тексте статьи при повторной ссылке указывается в квадратных скобках номер, который использовался первый раз.

При оформлении списка литературы на английском языке учитывать порядок библиографического списка. Список литературы на английском языке оформлять под заголовком «References».

9. Требования к рисункам (схемам, графикам, диаграммам) и таблицам:

- рисунки должны иметь подписи;
- таблицы должны иметь заголовки;
- сокращения должны быть объяснены;

- сканированные изображения не принимаются;
- размер шрифта в рисунках и таблицах — не менее 10 кегля;
- не допускается использование заливки, цвет контуров — черный.

10. Библиографический список должен содержать, как правило, не менее 10 источников, содержащих ссылки как на отечественные, так и на зарубежные монографии и статьи в ведущих научных журналах.

11. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (в том числе изменять заголовки и сокращать тексты) без согласования с авторами и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки. При соответствующей доработке статья может быть опубликована. Отклоненные редколлегией журнала статьи авторам не возвращаются.

Контакты

Публикацию, оформленную по всем правилам, необходимо выслать на адрес редакционной коллегии: erpb@asu.ru

Адрес редколлегии:

656049, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, к. 113

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

2022. № 2

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер ПИ № ФС77–77154 от 10 декабря 2019

Литературный редактор *С. И. Тесленко*
Подготовка оригинал-макета *О. В. Майер*

Подписано в печать 09.06.2022.
Дата выхода в свет 17.06.2022.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 17,2. Тираж 500 экз. Заказ 258. Цена свободная.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издательства: 656049 Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Типография Алтайского государственного университета
Адрес типографии: 656049 Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, ауд. 113
